

Венчанные ОГНЕМ

Ольга Гусейнова

Ольга Гусейнова

Венчанные огнем

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гусейнова О. В.

Венчанные огнем / О. В. Гусейнова — «Автор», 2019

ISBN 978-5-17-112282-9

Три девушки. Три истории любви. И когда прежняя жизнь сгорела, а новую надо заслужить, они пройдут сквозь многое, чтобы обрести шанс на новое будущее. Помогут новым удивительным мирам, при этом оставаясь нежными, но сильными духом. А взамен Высшие пообещают им главное: мечту, свободу и любовь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112282-9

© Гусейнова О. В., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Книга первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ольга Гусейнова

Венчанные огнем

© О. Гусейнова, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Книга первая

Второй шанс для Алев

Пролог

– Здесь прекрасная лоджия с видом на парк, и вообще, два балкона – это очень приятный бонус, как вы считаете, Алев? И не забывайте, этот район весьма и весьма хорош по всем характеристикам. Вы молодая, заведете семью, и близко расположенные садики, школы и магазины будут очень важным преимуществом именно этой квартиры.

Настойчивый голос риэлтора Марии доносился до меня будто издалека. Я остановилась возле одного из окон двухкомнатной квартиры, которую собиралась купить, и вглядывалась в озаренную солнцем даль. С десятого этажа легко быть ближе к солнцу и теплу, которого внизу сейчас так не хватало.

– Хорошо, Мария, я вас поняла и согласна подписать предварительный договор...

Я услышала трель телефона, прервалась на полуслове, вытащила его из сумки и замерла, увидев входящий номер. Потом, глубоко вздохнув, ответила:

– Слушаю?

– Алевтина Штерн?

– Да, говорите!

– Вас беспокоит Ирина из «Ищу тебя», мы нашли одну пару, потенциально подходящую под ваш запрос. Вы могли бы подъехать к нам в офис и посмотреть данные?

От долгожданной новости сперло дыхание; нервно потерев висок, я ответила:

– Могу ли я сейчас узнать хотя бы предварительную информацию?

– О, конечно, Алевтина Викторовна, я понимаю ваше нетерпение. Это пара из Восточной Германии. Они живут в Берлине, но именно в то время путешествовали со своим ребенком по России. Попали в автомобильную аварию, и их дочь погибла. Они до сих пор в это не верят: машина сгорела, труп так и не был найден. Все очень похоже на ваш случай, как вы считаете? И еще хочу вам сразу сказать: их фамилия Штерн.

Внутренности словно скрутило в узел. Судорожно сглотнув, я выпалила:

– Я приеду в течение пары часов, в зависимости от пробок. Они знают обо мне и где я живу?

– Да, Алевтина Викторовна! Но, боюсь вас расстроить, предполагаемый отец немного болен, поэтому сами они прилететь не в силах, однако готовы оплатить вашу поездку. Вы согласны?

– Ничего не надо! Я сама в состоянии все оплатить. Для меня главное – узнать, они это или нет. Я слишком долго ждала.

– Я понимаю вас и постараюсь устроить все как можно скорее и тщательно перепроверить.

– Спасибо, Ирина, я буду очень вам благодарна! С сегодняшнего дня я как раз в отпуске и хотела бы успеть все сделать в течение двух недель.

– Хорошо, мы постараемся. До встречи!

Трясущимися руками я убрала телефон в сумку, не в силах поверить, что моя мечта, возможно, осуществилась – я нашла родителей. Сейчас мне двадцать семь лет, и, по приблизительным подсчетам медиков, двенадцать из них не остались в моей памяти. Меня нашли возле сгоревшей машины в одной рубаше до колен; кроме своих имени и фамилии – Алев Штерн – я ничего не помнила, а на безымянных пальцах обеих моих рук красуются яркие черные татуи-

ровки колец с языческими знаками. По предположению врачей из спецприемника, мне было тогда двенадцать лет. Социальные службы, после коротких и бесплодных поисков родителей, определили меня в один из московских детских домов. Это время я до сих пор вспоминаю как самое страшное испытание в жизни.

Я очутилась в новом месте, не зная даже языка и ничего о себе не помня. Оно стало моей первой школой на выживание. В мире детской жестокости я превратилась в маленького дикого зверька, но потом именно эта школа не дала мне замкнуться и сойти с ума в борьбе за выживание, заставила начать думать о будущем, а не пытаться вернуть утраченное.

Я настойчиво училась всему, что по какой-то причине забыла. Потом с интересом начала расширять свои знания, причем в самых разных областях жизни. Ведь именно они и невероятное упорство позволили мне поступить в университет сразу по окончании школы, получить от государства свою комнату в коммуналке и затем найти приемлемую работу. Вот уже два года я ведущий экономист в крупной торговой компании и получаю очень приличные деньги. Я научилась готовить, вести домашнее хозяйство, но главное – всегда и везде держать голову прямо, словно свысока взирая на всех.

Я работала как на каторге, чтобы утвердиться в жизни, и надеялась, что все изменится, как только узнаю, кто я. Из-за этой слишком навязчивой идеи я так и не завела друзей и даже любовника. Для меня важнее было найти утраченную семью. Именно к этой заветной мечте я шла всеми доступными средствами и лелеяла ее короткими ночами и загруженными днями.

Иногда скопившееся напряжение грозило сорвать внутреннюю плотину, которую я годами тщательно выстраивала для защиты от окружающих, опасаясь их мнения и даже чтобы окончательно не увериться, что я отпетый трудоголик, живущий бредовой идеей, который не в силах самому себе объяснить, почему все вокруг кажется таким чужим и нереальным. Как будто смотришь старый фильм: вроде и мир тот же, и все не так уж и незнакомо, но не твое. С момента, когда очнулась возле сгоревшей машины, и по сей день я не могу вырваться из этого старого черно-белого кино, потому что чувствую: я здесь чужая. Именно поэтому с таким фанатичным упрямством искала ответы. Кто я? Откуда?

– Извините, Алевтина Викторовна, вы готовы подписать договор на покупку этой квартиры? – голос риэлтора вырвал меня из хаотичных мыслей.

– Прошу прощения, но мне необходимо неделю подумать. – Я посмотрела на нее студеным взором недовольного директора, пресекая даже малейшие возражения. – Непредвиденные обстоятельства вынуждают срочно вылететь в Германию. Сразу по возвращении свяжусь с вами, Мария, и мы закончим дела.

Кивнув ей на прощание, я быстро покинула квартиру, мысленно уже находясь в полете к своим предполагаемым родственникам.

Глава 1

Войдя в аэропорт, я тут же почувствовала себя усталой и оглушенной. Закончив все процедуры по оформлению, уселась в ожидании вылета. Кресло напротив заняла довольно высокая крупная брюнетка с короткими волосами и яркими голубыми глазами, излучающими оптимизм и тепло. Сбоку расположилась группа немцев, гоготавшая словно стая гусей, рассматривая шапки-ушанки военного образца со звездочками. Незнакомка, поглядывая на немцев, тоже улыбалась их забаве. Впервые в жизни я почувствовала какое-то внутреннее родство с посторонним человеком и неожиданно для себя спросила:

– Вы тоже в Берлин?

– Да, к тетке лечу!

Разговор прервался сообщением о начале посадки на наш рейс. Подхватив свою небольшую дорожную сумку, я отправилась к выходу. Вместе с брюнеткой мы прошли на борт к

местам в бизнес-классе, оказавшимся по соседству, разложили вещи и уселись рядом в очередном ожидании.

– Вы впервые в Германию?

Я посмотрела на нее и лишь согласно кивнула. Она же, смущенно улыбнувшись, представилась:

– Я тоже! Меня зовут Юлия.

– Алевтина, но вообще предпочитаю имя Алев!

Пока мы знакомились, бортпроводники начали готовиться к взлету. В самый последний момент, перед закрытием дверей в салон бизнес-класса, они вкатили небольшую коляску для перевозки инвалидов, и высокий солидный мужчина помог хрупкой, болезненного вида девушке пересест из коляски в кресло. В тонких синюшных руках она держала небольшой кислородный баллон, к которому с помощью трубки крепилась маска, закрывающая нижнюю часть лица. Оказавшись на сиденье, она быстро окинула всех пассажиров любопытными карими глазами, но пристальное внимание обратила именно на нас. Заметив ответное любопытство, она оттянула маску и начала разговор:

– Привет, меня зовут Елена. Еду на операцию и надеюсь ее благополучно пережить.

Она сказала это с легкой усмешкой, но мы в первую секунду не смогли сдержаться и нахмурились, сочувствуя и сожалея. Быстро взяв себя в руки, улыбнулись в ответ и по очереди представились.

Моя соседка сообщила, что летит к своей тетке, и задорной усмешкой постаралась сгладить нашу неловкость в первые секунды знакомства. После нее представилась я и почему-то решила рассказать о цели своей поездки – наверное, из-за храбрости Елены и сердечности Юлии. Удивительно, но я впервые в жизни почувствовала, как рядом с ними исчезает привычное чувство одиночества. Наверное, именно это толкнуло на откровенность и подарило надежду на возможную дальнейшую дружбу:

– Привет, меня зовут Алев. Я сирота, уже много лет ищу своих родителей, и немцы, к которым лечу, возможно, окажутся ими. Кроме имени и фамилии ничего о себе не помню!

Юля и Лена посмотрели на меня с сочувствием, но впервые это не задело мою гордость. Лена спонтанно пожала мою ладонь, пытаясь поделиться пониманием и теплом.

Наша неторопливая беседа на фоне гула двигателей взлетающего самолета неожиданно прервалась.

Все началось с оглушительной тишины, потом раздался странный хлопок, выпали оранжевые кислородные маски, и волосы встали дыбом. Резкий душераздирающий вопль в конце салона заставил меня схватить Лену за руку, а в мою вторую руку вцепилась Юля. Этот крик показался мне предвестником приближающейся смерти. А затем нас накрыл шквал огня, моего старого знакомого, о котором я пятнадцать лет не могла забыть; боль приняла меня в свои объятия, но ненадолго – вслед за ней пришла темнота.

Я очнулась! Не открывала глаза, но знала и словно видела внутренним взором окружающую действительность. Я не ощущала тела и никак не могла понять, каким образом чувствую и вижу, а главное – мыслю! Вокруг все стало серым, а эмоции превратились в муторные и хаотичные. Одиночество усилилось, как и ужас от того, что меня неудержимо куда-то тянуло.

Впереди возникло необычное светлое пятно, а рядом неожиданно появились две серебристые точки. Они так интересно мерцали каким-то волшебным, серебристым, пульсирующим светом, создавая иллюзию живого организма. Но вдруг они подлетели ко мне, и я почувствовала родство. Елена и Юлия. Кажется, это их души, если все происходило по-настоящему, а не являлось плодом моего воображения.

Испугавшись, что они исчезнут, я бросилась к ним; мы неожиданно слились в единое целое и какое-то время медленно парили в серой мути, наблюдая, как то тут, то там возникают другие неприкаянные души, ищущие свое пристанище.

Было тяжело вот так парить, притягиваясь странным светлым пятном, все еще размышляя о жизни, но одновременно ощущая огромную пропасть в душе. Было необычайно горько сознавать, что двадцать семь лет я потратила впустую. Особенно последние пятнадцать, которые превратились в постоянную гонку на выживание. Ничего хорошего, даже ни разу не была на море, только пару раз в лес на корпоратив съездила, и то сидела там на стульчике, стараясь не ударить в грязь лицом. А в итоге лечу тоскливой серой массой незнамо куда и зачем.

Захотелось побиться головой о стенку от ярости и тоски о несбыточном. Захотелось завести семью, друзей, увидеть мир, насладиться мелочами, а главное – любить. И детей. Боже, как же много я не успела и уже потеряла, даже не заметив!

Мои самобичевания прекратила Елена, внезапно начавшая отчаянно вырываться из толпы душ, несущей нас подобно реке. Ее судорожные движения не оставили нас равнодушными, и мы начали активно помогать ей освободиться от невидимых пут, окруживших нас и удерживающих в сером мареве. И вот, когда мы из последних сил дернули, нам удалось освободиться. Буквально мгновение, и серое марево пропало и оставило нас одинокими странниками в черной пустоте.

Серебристыми призраками мы парили, не представляя, что делать дальше и где мы вообще находимся. Но, тем не менее наше единство придавало мужества. Сколько мы так парили, мне неизвестно, но вдруг перед нами появилось скопление огромных ярких точек, быстро увеличивавшееся и превращавшееся в сказочное ожерелье из звезд. Оно манило и звало, и я потянула девушек к нему.

Темнота вокруг нас стусилась, превратилась в чернильное пятно, причем ощущавшееся живым. Рядом с ним расплылось яркое светлое облако, совершенно не выглядевшее инородным в этой темноте. А затем я услышала разговор. Странный диалог облака и чернильного пятна в пустоте, в ничто и нигде. Интересно, я окончательно сошла с ума?

– Трое? Это странно, но зато как удобно, ты не находишь?

– Сестра, ты уверена, что приняла правильное решение?

– Да, родной, столько моих детей страдает, я должна помочь им исправить свои ошибки.

– Сестра, тогда одна достанется мне. Мои дети уже слишком много заплатили за чужую вину. Если ты правильно выберешь хрустальную слезу, она станет искуплением и милосердием для них.

– Братец, не много ли ты на себя берешь, требуя у меня чего-то?

– Я прошу. Ведь в них и твоя сущность! И ведь это твои детишки неудачно поиграли в проклятье, ты не находишь?

В пустоте появилось третье пятно, тусклого серого цвета, меня будто укутало одеялом, и стало так тепло и уютно. Пятно же нагло вошло в напряженный разговор расплывчатой парочки.

– Брат, сестра, боюсь, вам обоим придется поделиться. Мои потомки вымирают, и скоро некому будет петь мне священные песни, а сила уйдет в пустоту, как и мы. Слишком много мы давали воли детям, осталось мало времени и возможностей все исправить. Нам необходимо объединиться и решить проблему, иначе созданное погибнет, будет нарушен еще один закон мироздания, а главное – ожерелье миров распадется. Мне будет жаль, а вам?

Ответное молчание тяготило мою душу, заключенную в маленькую серебристую точку. Я с трепетом ожидала окончания их разговора, догадавшись, что, видимо, это какие-то высшие существа, а может, и божества. И надеялась... неизвестно на что. Странно, но мне казалось, что мои новые знакомые чувствовали то же самое.

– Решено, дорогие братья, я согласна с вами. Каждому миру необходимо дать по одной возможности. Одному из трех видов потомков – шанс на выживание.

– Скажи, дитя, чего ты хочешь больше всего? – раздался в моей голове мягкий любопытный голос.

– Жить! Хочу любить и быть в ответ любимой.

Я почувствовала – или услышала? – такие же ответы от своих спутниц. Мы дернулись, осознав, что ответили синхронно. Значит, облако спрашивало нас одновременно? Серое пятно подплыло поближе, и я еще сильнее ощутила исходящее от него согревающее тепло и вновь удивилась способности чувствовать при полном отсутствии тела.

– Занятные сущности, сестра? Не ошибись с выбором!

– Нам всем придется поделиться, брат, а тебе особенно, ведь твоим мирам нужна двойная помощь.

Серое пятно потемнело и облетело нашу испуганную троицу.

– Кем ты хочешь быть, дитя мое? – опять спросил женский голос.

И снова послышался наш синхронный ответ с легким удивлением от столь странно поставленного вопроса:

– Женщиной!

– Любой?

Мы молчали, не зная, что ответить, но тут я почувствовала, как ответила Юля, не дав нам с Леной ничего осмыслить:

– Какая разница какой, лишь бы молодой и красивой, но главное – счастливой!

Чернильное пятно заволновалось и тоже приблизилось к нам практически вплотную. Юля и я в ужасе шарахнулись в сторону, а вот Елена, наоборот, потянулась к нему за поддержкой и утешением, разведи́нив этим движением наше трио.

– За счастье надо платить, ты готова, дитя мое?

Не раздумывая, с отчаянной надеждой, не веря в осуществление невозможного, я выкрикнула, а со мной Лена и Юля:

– Да, я готова!

Светлое облако, изменив форму, задумчиво зависло перед нами, а после выдало:

– Да будет так! Дитя мое, мы даруем тебе новую жизнь, и вы сами приняли ее такой, какая она будет у каждой. Один дар вы поделите между собой. А с общим и одновременно разным проклятием вам придется справляться самим и поодиночке. Это ваша плата за новую жизнь.

Мы шокированно молчали. Серое пятно, все больше темнея, задало вопрос, а я все сильнее чувствовала исходящее от него ласковое тепло.

– Ты решила, кто, кому и как?

– Я решила положиться на судьбу, наши миры сами притянут достойную. А как? Я чувствую прошедших сквозь пламя, и, боюсь, у них нет другого выбора, кроме как снова принять его. Чтобы полностью возродиться в мире живых, им придется с ним обвенчаться.

Голос в голове замолчал, сущности приблизились, и вокруг нас закружился хоровод, превратившийся в скором времени в единое сверкающее кольцо. Серое марево вспыхнуло миллионом искр, и меня поглотила дикая обжигающая боль. Но перед этим я успела услышать слова белого облака и безотчетно поняла – речь идет обо мне, но обращался он к серому пятну:

– Смотри, брат, твоя наследница все же вернулась! Твой мир заждался своего дитя. Для нее нам придется потребовать у огня вернуть тело, которое он недавно у нее забрал. В твой мир вернулась истинно повенчанная огнем, и мне жаль, что ее родителей нам так и не удалось спасти.

Я буквально горела в белом пламени. Нестерпимая боль ушла, словно старый знакомый пес, вцепившийся в ногу, но вдруг признавший хозяйку, зализал ранки от клыков. И теперь меня мягко качало на горячих волнах, омывающих душу, очищавших ее и словно возрождавших из небытия. Слова Высших обрели в моем сознании истинный смысл. Я вернулась! Я чувствовала, что вернулась домой. Правда, где он, я так и не вспомнила.

Глава 2

Медленно, очень медленно я выплывала из рыжевато-серой мути, оставляя в ней остатки старой боли и хаос мыслей. Наконец я смогла полностью прийти в себя, но не торопилась открывать глаза. Вихрь в сознании постепенно улегся, и я смогла, разложив всю информацию по полочкам, провести краткий анализ и систематизацию воспоминаний.

Мне стало жутко, но вместе с тем в теле родилась необычная легкость, а в душе – надежда. Я открыла глаза и увидела низкие розовые облака, которые медленно, словно нехотя, плыли по небу, изредка открывая непривычное красновато-розовое солнце. Как будто наперекор тяготению и реальности справа от солнца виднелся дивный серо-голубой полукруг огромного спутника этой планеты. Скорее даже он закрывал собой весь небосвод и нависал над этим миром огромной глыбой.

Без сомнений, это был другой мир. В жизни я привыкла опираться на свое рациональное мышление – именно благодаря рассудительности и логичности я смогла выжить и за пятнадцать лет не свихнуться, но следовавшие после авиакатастрофы события напрочь смели всю логику, заставив вновь чувствовать.

Я глубоко вздохнула, с неудовольствием отмечая, что абсолютно голая, а здесь совсем не лето. Кряхтя и постанывая от мелких судорог, уселась. Тело неприятно покалывало, голова кружилась, все болело, но душа и сознание пели дуэтом. Я жива! Мне подарили новую жизнь! Сложно поверить, а уж принять и подавно, но я, удивив саму себя, не только поверила и приняла новую реальность, но и почувствовала себя как никогда свободной. Еще не знаю, что представляет собой этот мир, но я раздвину рамки того старого черно-белого фильма, в котором жила все эти годы на планете Земля.

Внезапно на колени упала ярко-красная, похожая на кровавый ручеек прядь волос. Я замерла, осознав, что мои длинные, густые, шоколадного цвета волосы вдруг стали красными. И хотя их структура и длина остались прежними, столь кардинальное изменение окраски меня поразило. Я тут же задалась вопросом, что еще во мне изменилось: посмотрела на руки-ноги – вроде те же, только кожа стала смуглее, а ногти, скорее, стали похожи на коготки – длиннее и острее. Ерунда, буду считать, что это новый маникюр.

Пятая точка уже заметно подмерзла на прохладной земле, а живот крутило от голода. Непохожее на земное солнце светило в зените, и пока было довольно тепло, но я не сомневалась: с приходом сумерек непременно станет холодно.

Тяжело вздохнув, я встала, и перед глазами тут же замелькали черные голодные мушки. Немного постояла, дожидаясь, когда они исчезнут, обняла себя руками, в природной стыдливости прикрывая округлые, довольно приличных размеров прелести, и осмотрелась, решая, в какую сторону брести, чтобы найти ночлег. И вообще... мне стоило подумать над планом дальнейших действий.

Маленькая, покрытая густой зеленой травой полянка, на которой я очнулась, осталась позади, а впереди виднелся лишь густой, незнакомый и пугающий лес. Но я не унывала, и с каждым пройденным шагом тело наливалось силой и уверенностью. Я дома! Я живу! И хотя страхи и сомнения все еще терзали меня, но в голове постоянно всплывали последние слова Высших: «Смотри, брат, твоя наследница все же вернулась! Твой мир заждался свое дитя. Для этой девочки нам придется потребовать у огня вернуть ей тело, которое он забрал совсем недавно. В твой мир, брат, вернулась истинная венчанная огнем, мне жаль, что ее родителей нам так и не удалось спасти».

Ко мне снова вернулась идея фикс – узнать, кто я и откуда. А главное – что стало с моими родителями, если их не удалось спасти этим Высшим. Ступая босыми ногами по земле, я иногда шипела от боли, если что-то острое впивалось в ступни, и все еще боялась оконча-

тельно поверить в эту новую реальность. Солнце, скользя по небосклону и обещая земле скорое свидание, плавно сместилось. В густом лесу уже начали скапливаться тревожные тени. Очень хотелось пить и есть, но еще больше – найти хоть какую-нибудь одежду.

Вообще, было страшно вновь очутиться неизвестно где, без малейших знаний о мире, как пятнадцать лет назад. Но тогда я была хотя бы в рубашке. Судьба, похоже, вновь проверяет меня на прочность, не давая расслабиться, и в моей жизни еще ни разу не появился хоть один человек или какое-то другое живое существо, которое меня бы искренне любило и заботилось обо мне. За все время, что я помнила, городская живность – от крыс до последнего дворового пса – меня боялась и ненавидела. А люди старались либо использовать, либо заискивающе заглядывать мне в глаза. Пару раз пытающиеся за мной ухаживать мужчины признавались, что мои яркие желто-карие глаза в первый момент вызывают благоговение, но затем таящийся в них холод заставляет отойти подальше.

Наконец мое внимание привлекли два новых звука. Первый был несказанно приятным журчанием бегущей по камешкам воды, от чего я непроизвольно сглотнула, пытаясь смочить сухое горло. А второй – жалостливый, будто щенячий, скулеж существа, явно испытывающего страх и боль, а может, и вовсе умирающего. Вой маленького животного напрочь отключил чувство самосохранения и осторожности. Я рванула на зов погибающего и, выскочив на небольшую поляну, которую рассекал ручеек, увидела жуткое зрелище. Невиданных размеров змееподобное существо коричневого цвета с зачатками шести пар лап пыталось проглотить странного зверя с черной лохматой шерсткой с блестящими серебристыми кончиками волосков, плоской зубастой мордочкой с розовой кнопочкой носа. Яркие голубые глаза с мольбой и ужасом смотрели прямо на меня, а половина его тельца была внутри пасти ужасного гада. Я судорожно бросилась искать взглядом хоть какое-то оружие, хотя что можно было сделать с таким огромным монстром, не знала.

Но тут я увидела вторую жертву, которую змей, скорее всего, застал врасплох и задушил длинным многометровым хвостом. Судя по размерам уже мертвого животного, в пасти змея действительно находился щенок. И этот пушистый звереныш, упираясь в разверзнутую пасть чудовища, в ужасе пищал, а мощные челюсти проталкивали его внутрь.

В тот момент мой рассудок полностью отключился и оставил мне лишь желание убить эту тварь. Схватив валявшуюся неподалеку палку, я подскочила к змею и, крича во все горло, ударила его по голове. Он только теперь заметил меня и замер, уставившись жуткими, выпуклыми, фасетчатыми глазами, оценивая новую добычу. Я с размаху ткнула палкой и угодила монстру в глаз, для верности еще и повернула ее.

Змей отшатнулся и с влажным противным звуком выплюнул щенка – тот упал мокрой кучкой и больше не шевелился. Чудище, не обратив внимания на торчащую из глаза палку, бросилось на меня. Я успела отскочить всего за долю секунды до того, как на том месте, где я стояла мгновение назад, начали скручиваться огромные кольца. Только успела развернуться, и огромное смертоносное тело вновь метнулось стрелой. Я же лишь выставила руки в бессмысленном защищающем жесте и с ужасом закричала, уже готовясь к скорой смерти.

Но вдруг я почувствовала, как мой ужас будто плеснул кипятком по рукам, а потом волна огня ударила змея по морде. Время словно растянулось, и я поняла, что этот поток исходит от меня. Змей воспламенился и огромной, подергивающейся в агонии тушей свалился на обожженную пламенем землю. Моя ненависть тут же улетучилась, оставив после себя бушующий в крови адреналин, а затем пришло опустошение.

Я впервые убила живое существо, и от этого на душе стало мерзко и противно. Кинув мутный сумасшедший взгляд на страшную картину, заметила в траве щенка, лежащего без движения. Я кинулась к нему, присела, а потом и вовсе опустилась на колени, наклонившись к тщедушному, но, как оказалось, не такому уж и маленькому телу, размером с овчарку. Но,

судя по габаритам его, видимо, мамочки, теперь больше напоминавшей искореженную грудку мяса, он подрастет и станет размером с упитанного пони.

Запах паленой шкуры монстра вызвал спазмы в желудке. Я осторожно дотронулась до смятой, испачканной в слизи шерстки щенка и ощутила, как неровно бьется его пульс и мелко дрожит тело. На глаза навернулись слезы отчаянья: одного я убила ради спасения другого, но в итоге не спасла никого. Не убирая руки с умирающего щенка, я улеглась рядом с ним на бок и, уткнувшись лбом в его шерсть, заплакала. Страх, боль и одиночество, которые я испытывала пятнадцать лет, проявились с новой силой. Сейчас я сравнивала себя с этим маленьким умирающим животным. Оно, как и я, одиноко и беспомощно в этом, как оказалось, жестоком мире, и рядом, кроме меня, никого нет.

В груди, где скапливалась боль, затеплился странный клубок, который постепенно разросся, вскоре тонким горячим ручейком потянулся по руке и, добравшись до ладони, скользнул к щенку. Тот вздрогнул, я испуганно отдернула руку, а ощущения горячей энергии исчезли. Я посмотрела на ладонь, но ничего необычного не обнаружила. Поэтому вновь неуверенно положила руку на бок малыша и сосредоточилась на поиске и формировании внутри новой горячей энергии. Почувствовав ее, очень удивилась и, все еще неуверенная, направила поток на раненого зверька.

На подсознательном уровне я уловила отзыв его тела и, приблизительно представив его повреждения, начала направлять энергию на темные дыры. Перед моими глазами снова появились мушки, а желудок, протестуя, скрутило, и я чуть не отключилась от истощения, но все же у меня получилось! Лохматый зверь, как выяснилось, мужского пола, вздохнул наконец, легко и свободно открыл голубые глазки и уставился на меня, сидевшую рядом скрестив ноги и обняв плечи.

Я вновь заплакала, когда щенок на дрожащих лапах доковылял до матери и, обняв, уткнулся ей в бок, поскуливая и завывая. Я поднялась на ноги – малыш, забывшись в своем горе, не отреагировал – и медленно подошла к туше убитого змея. Потыкав его ногой в жесткую скользкую шкуру, направилась к ручью: мне невыносимо хотелось умыться и попить.

Вода подарила временное облегчение: горло перестало саднить, голодный желудок немного успокоился. Я тщательно умылась и, попытавшись освежить и тело, опустила в воду руки, но замерла, изумленно на них уставившись. На пальцах, где раньше были лишь цветные татуировки колец, сейчас обнаружились два массивных перстня, как бы сказали на Земле, старинной работы. На правой руке он был из блестящего желтого металла, похожего на золото, с красным квадратным камнем и ажурной вязью, а на левой – из серебристого металла с черным камнем в форме ромба, окруженным рунами.

Губы снова пересохли от волнения, и я наклонилась над водой.

– Полный абзац! – давно не употребляемое восклицание самовольно вырвалось изо рта, когда я увидела свое отражение.

Вроде ничего не изменилось, но это смотря с какой стороны посмотреть. Янтарные глаза стали еще больше и ярче и теперь соперничали с солнечным светом. Ярко-красные волосы словно пламенем укрывали плечи, спускались ниже талии; впрочем, их-то я рассмотрела, как очнулась, а вот такого же цвета брови и ресницы – никогда таких не видела – меня поразили и смотрелись хотя и своеобразно, но красиво. Смуглая персиковая кожа идеально бы сочеталась с цветом волос, если бы не несколько тонких полосок сверкавшей на солнце красной чешуи, начинавшихся у подбородка и сбегавших до плеч. Еще несколько таких же дорожек обнаружили на ягодицах, спине и бедрах. И почему я их сразу не заметила?

Ух ты! У меня еще остроухие, но немного плоские ушки появились! Я медленно подняла руки и коснулась их. Потрогала: глаза все же не врут, это действительно мои ушки. Похожи на сказочные эльфийские, правда, не такие большие, а так ну очень напоминали... А вот губы

остались прежними – полная верхняя и чуть меньше нижняя. Клыков не появилось, и на том спасибо.

Внутри все мелко вибрировало от напряжения. Я задалась вопросом: если эти Высшие вернули мне прежнее тело, то, что я на самом деле такое, откуда произошедшие изменения? Мелькнула логичная мысль: «Может, я настоящая каким-то образом пряталась в эти самые перстни?» Но пока ответов нет, и получу ли их вообще – неизвестно. Я еще в той серой пустоте себе пообещала, что больше не буду заикливаться на одной идее и начну жить по-новому и полной жизнью. А своим обещаниям я еще ни разу в жизни не изменяла. Успокаивая нервы, я плеснула воды на лицо и повернулась к новому подопечному. Он, уткнувшись в бок мертвой матери, также лежал рядом, тоскливо наблюдая за мной, от чего у меня внутри все перевернулось.

Страхнув воду с рук и лица, решила осмотреть поляну. За одним из деревьев я нашла глубокую яму, или скорее нору – видимо, дом пострадавших пушистиков. Подошла к щенку и, осторожно протянув руку, погладила его по голове, почесала за ушами, успокаивая и делясь теплом. Затем тяжело поднялась, осознав, какую трудновыполнимую задачу повесила на себя, но бросить все как есть уже не смогла бы. Я взялась за лапы убитой самки и, кряхтя от натуги, потащила ее к норе. Щенок не возмущался, но полз вслед за нами рядом. В конце концов, с горем пополам, я затолкала ее в нору и начала методично закапывать. Утрамбовав землю, нашла неподалеку несколько камней и положила сверху, чтобы другие животные не раскопали своеобразную могилу.

Из последних сил я добралась до ручья и смыла с себя всю грязь. Снова осмотрелась и удивилась скоротечности вечера. Густые сумерки уже опускались на землю – я могла, вытянув руки, собрать их в ладони. Свет тягучей патокой сползал на землю, и до ночи почти не оставалось времени. Пройдя по округе, я набрала кучу веток и небольших поленьев и сложила их недалеко от могилы. Пришло время проверить мои догадки насчет огня: если ничего не получится, то, скорее всего, замерзну насмерть. Сначала потыкала в дрова пальцами, потом поворошила. Разозлившись – ну надоел этот танец шамана по призыву бога огня, – махнула рукой, выплескивая отчаянье, и вуаля. Гори-гори ясно, чтобы не погасло! Вот теперь я согласна сплясать вокруг этого костра с бубном.

Удовлетворенно осмотрелась в поисках щенка. Он лежал на противоположном крае поляны и с ужасом поглядывал на огонь. Мой желудок громко заурчал, грозя привлечь внимание тех, кто еще не в курсе, что здесь остановилась одна голая ненормальная, но вполне съедобная, скажем так, женщина. Я взглянула на огромную тушу убитого змея. От внезапно возникшей идеи меня снова затошнило, но организм, нуждавшийся в питании, и тоскливый боязливый взгляд звереныша заставили принять решение.

Совсем скоро у меня был готов нанизанный на палочки змеиный шашлык, которого хватило бы и на завтрашний, и на послезавтрашний день. После ужина, когда я, дрожа от холода, снова мылась в ручье, приемыш сидел возле костра и уплетал мясо.

Этот первый в новом мире ужин я никогда не забуду, особенно способ его добычи. Но детский дом и не такому научил. Спали мы прижавшись друг к другу, и только благодаря теплу моего нового мохнатого друга и костру, который я неустанно поддерживала, я не замерзла ночью.

Глава 3

С того страшного места, где погибла мать щенка, мы ушли на следующее утро. Как только рассвело, я подскочила и, трясаясь от холода, быстро позавтракала зажаренным накануне большим куском мяса. Остальное пришлось завернуть в помытый в ручье лист, очень похожий на лопух.

Новость, что я, оказывается, лечить могу, вдобавок к способности вызывать огонь, естественно, порадовала, но от кишечных расстройств меня эта способность вряд ли спасет. Да и вдруг все мои новые таланты – временный дар, который проявился лишь в стрессовой ситуации. Наконец, полностью осознав все случившееся, я прониклась. Надеюсь, не безумием! Но надо было идти дальше. Куда бы я ни бросила взгляд, всюду простирались непривычные, разноцветные, радующие глаз леса, поэтому «методом тыка» я выбрала путь и направилась, надеюсь, не на поиски таких же недавних приключений. А еще было бы неплохо разжиться хоть какой-нибудь одеждой, потому что сейчас на мне был лишь смешной пояс из травы «а-ля набедренная повязка» для прикрытия стратегически важных мест. Еще когда я завтракала, в голову пришла идея дать кличку приемышу. Решив, что имя Филипп ему очень подходит, я тут же и озвучила его, правда, сократив до Фильки.

Вчера вечером, встретившись с его голубыми глазами, я неожиданно почувствовала отголоски его эмоций. Стало еще страшнее и горестнее, потому что я в полной мере прочувствовала его дикую боль и ужас от потери самого близкого существа. Я убедилась, что действительно погибла его мать. Сначала я опешила от их силы и только через мгновение, вырвавшись из плена его глаз, смогла разделить с ним переживания и осознать: этот щенок может передавать мне с помощью взгляда свои чувства.

Пока я уходила с этой поляны, оставляя недоеденного змея, Филька постоял над своим бывшим домом, где сейчас покоилась его мать, а потом, тряхнув головой, потрусил за мной следом. Я лишь облегченно перевела дыхание. Это был мой первый в жизни друг, и я боялась, что он не захочет самостоятельно уходить из родного места, но, выяснилось дальше, он принял меня в свою семью.

Мы всегда шли только днем, и тогда же пытались охотиться. Иногда получалось удачно, но чаще оставались голодными, однако все равно упорно продвигались дальше. Магия огня уже не раз спасала нам жизнь, особенно по ночам. У Фильки оказался превосходный слух, и в темноте приходилось практически полностью полагаться на него. Как только он чуял опасность, он тревожно заглядывал мне в глаза и делился своим страхом. Тогда я не сомневаясь хватала горящие ветки и вставала в защитную стойку.

Филька за неделю привык к огню и чувствовал себя очень уверенно, находясь подле него. Или прячась за мной от других хищников. С каждым днем становилось все теплее, и по ночам я уже не боялась замерзнуть насмерть. Меня исправно грел друг, помогал и костер, который я все время поддерживала.

За две недели нашего путешествия мы не встретили ни одного человека. Или кто здесь еще разумный живет?! Зато я хорошо ознакомилась с флорой и фауной чрезвычайно опасного места для женщины, которая за свои двадцать семь лет была в лесу всего два раза. Посему экстремальный образ жизни, который я вела сейчас, стал настоящей школой выживания. Пару раз, после поедания очередной неизвестной зверушки, меня выворачивало наизнанку так, что я потом сутки отлеживалась, не в силах двигаться дальше.

В итоге, я и в этом вопросе доверилась Фильке: раз ест он, значит, и мне можно. А вот если он фыркнул и укоризненно посмотрел на меня, можно считать: «Фу, кака».

Кроме того, я начала с удовольствием с ним беседовать, рассказывала о своей юности, проблемах и вообще о жизни. А иногда мы вечером сидели возле костра, и он тоскливо смотрел на меня голубыми глазами. Я понимала, что сейчас он во власти тяжелых воспоминаний, и ему плохо. Обнимала его за шею и гладила, делясь своим теплом и сочувствием. Чего мне самой так не хватало в детстве, я отдавала ему, и неважно, что он животное. Главное – он мой!

Вот так мы стали с Филькой близкими, родными существами. Действительно странной, но крепкой семьей.

За две недели совместного путешествия Филя окреп и подрос, я скинула лишние килограммы (если они и были), нарастила мышцы. Особенно на ногах, которым без обуви доставалось страданий вдвойне.

Однажды утром после нечастого сытного завтрака мы вышли к каменному обрыву. Внизу бежала узкая лента реки, исчезавшей за поворотом. Не придумав ничего более разумного, мы пошли вдоль нее. А когда река, петляя между камнями, пропадала из виду, нам приходилось скакать по сплошному курумнику и рисковать переломать себе ноги. Потом снова показывались щебенка и резкий обрыв. Странными были и место, и река, но не мне об этом говорить с таким-то появлением в этом мире.

Неожиданно нога попала в незамеченную ямку, и я с громким «а-ах» полетела вниз, скользя по обрыву. Но удача снова оказалась на моей стороне: я упала на небольшой уступ, а у скалы виднелся черный обвалившийся зев, который образовывал неглубокую пещеру. Скорее всего, очередной обвал привел к тому, что в земле вскрылась естественная пустота. Так бывает. Какие-то жесткие, острые предметы впивались мне в щеку и под ребра. Приподнявшись на руках, я встряхнула головой и посмотрела, на что это меня угораздило плюхнуться. Как только мне удалось сфокусировать взгляд, воздух содрогнулся от вопля.

Я наглым образом развалилась на трупе. Точнее, на полуистлевших, а теперь еще и раздавленных мною человеческих костях. Бр-р-р! Моментально спохватилась, кинулась в сторону и тяжело прислонилась спиной к стене. В этот момент мимо меня пролетел Филька и рухнул на многострадальные кости. Взыв от боли, вскочил, оглянулся и, оценив обстановку и обнюхав находку, укоризненно на меня посмотрел.

Похоже, я оказалась не в пещере, а в чьей-то могиле, причем, судя по яме, обрыву и состоянию костей, это было очень старое захоронение – возможно, ему несколько сотен лет. Вон даже деревья-гиганты на обрыве успели пустить корни и прорасти глубже – только они держали этот уступ и не давали ему окончательно сползти в реку. Сглотнув от пережитого страха, я начала внимательно рассматривать останки. Слишком длинные фаланги пальцев и слегка вытянутый кверху и в затылочной части череп вызвали сомнения, что кости принадлежали человеку.

А потом я случайно задела ногой ком земли, и на свет появилась еще одна кость – фаланга с необычным кольцом. Несмотря на время и налипшую грязь, оно блестело и притягивало взгляд. Ну, сорока я – люблю все сверкающее, ничего не поделаешь. Находка не обман, ну и что она зря тут лежит. Подняла и снова почувствовала какое-то тепло.

Очень странное кольцо. Честно говоря, я отдавала себе отчет, что нельзя вот так трогать, а тем более надевать украшения, принадлежащие мертвецу. Но что до этого моей жадной до ярких штучек женской натуры, особенно с учетом голого зада – надеты на мне два перстня. А тут им в комплект кольцо с большим камнем, правда, блеклым, но вдруг это просто алмаз необработанный.

Надела, ничего необычного не произошло, только еще больше стало тепло, а потом краем глаза увидела, как что-то еще сверкнуло на солнце. Перевела взгляд и обомлела: на валяющемся в трех шагах от меня черепе блестела диадема. Или обруч с таким же блеклым камушком в центральной, чуть выпуклой, части. И кольцо, и головной обруч, похоже, составляли комплект. Красивая сияющая вязь на серебристом металле привлекала внимание и восхищала изысканным исполнением и блеском. А вот блеклый камень будто поглощал свет. Странное сочетание.

Поднявшись, я вслух извинилась перед обладателем сокровища и, чувствуя неловкость, сняла обруч с черепа. В следующее мгновение кости рассыпались прахом. Ветерок подхватил серую пыль и понес к небесам, создавая замысловатые рисунки. В этот момент казалось, что солнце играет со мной, потому что пыль светилась и переливалась, растворяясь в воздухе. Мне бы испугаться или испытать стыд за свои мародерские действия, а я лишь почувствовала

облегчение, словно произошло чудо и кто-то сейчас наконец обрел долгожданную свободу. Надеюсь, когда-нибудь я смогу узнать правду.

Вечером, что было ожидаемо, похолодало, и мы с Филькой, как заведено, прижались друг к другу и грелись у костра. Правда, перед этим потратили несколько часов, выбираясь из каменной ловушки. Я ободрала локти и колени, но все же мы смогли выбраться наружу. Фильке случайно удалось поймать большую глупую птицу, опрометчиво затеявшую брачные танцы перед сородичем, не обращая внимания на окружающие опасности.

Пока дичь запекалась, я вертела в руках обруч, чтобы внимательнее рассмотреть его в свете костра. Новое кольцо свободно снималось и надевалось, в отличие от моих с черным и красным камнем в похожей оправе. Поэтому я, не ожидая подвоха, не удержалась, подошла к ручью и, рассматривая отражение, пристроила на голове обруч. Снова возникли ощущения тепла и странной родственности, немного встряхнувшие и напугавшие меня. Я захотела снять диадему, но не смогла – она как будто вросла в голову, и теперь белый камень сверкал, располагаясь четко посередине лба возле края волос.

– О-о-о, и как я теперь с этой звездой во лбу ходить-то буду? Голая, но зато вся в драгоценностях. Новогодняя елка! В лесу! Хорошенькое дело!

«Месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит», – вспомнилась мне сказка Пушкина. Шлепнув рукой по воде с досады от очередной совершенной глупости, выплеснула негативные эмоции и повернулась к Фильке. Показалось, этот черный, уже нагловатый зверь лежит и, глядя на меня, ухмыляется. Поросяенок!

– Ты почему меня не остановил? Родственник называется!

Филипп тут же поднялся и, подбежав ко мне, начал вылизывать лицо шершавым языком.

– Да ладно, я сама знаю, что дура, но так люблю все блестящее и красивое.

Еще раз повертела кольцо, диадему, но снять их так и не удалось; но, опять же, странное дело – диадема села так, что практически не прижимала к голове волосы, и они все тем же пламенным водопадом струились по плечам и спине. Благодаря им я чувствовала себя хоть как-то прикрытой сверху. А вот чтобы прикрыться снизу, до сих пор плела длинные лохматые венки. Прямо лесная нимфа, если бы не красная чешуя, проявляющаяся во время нервного напряжения или испуга.

Глава 4

Впереди мы заметили светлую прогалину и с любопытством на нее вышли. Небольшой пригорок, а над ним высился... змей. Причем тот, которого я недавно убила, был просто деточкой по сравнению с этим. Жуткое чудовище невероятных размеров. Филька трубно зарычал, припадая к земле, и этот змей нас увидел и ринулся в атаку. В самом начале я пыталась отбиться палкой, целясь в глаз, потом в ход пошли огненные сгустки. За две с половиной недели я научилась пользоваться огнем, но определять свои резервы пока не могла и теперь не хотела остаться совсем без защиты.

Стараясь, чтобы Филипп все время был позади меня, мы двигались вокруг пригорка, играя с монстром в кошки-мышки. Станный какой-то этот змей, у меня складывалось впечатление, что он вынуждает меня действовать так, как нужно ему. Неужели он разумный?!

Через мгновение причина его поступков прояснилась. В очередной раз отпрыгнув, я споткнулась о Фильку, и мы кубарем покатались по земле и провалились в дыру. Посчитав боками все выбоины и колдобины, я рухнула на земляной пол, а сверху, заставив меня зашипеть от боли, упал Филипп. Зверь за время пути так вырос, что я на нем скоро ездить смогу. Ожидая нападения, мы резко вскочили и начали осматриваться. Мой щенок глухо зарычал, а шерсть встала дыбом. Но стоило и мне оглянуться... Если бы у меня была шерсть, она тоже встала бы дыбом, но вот язык очень даже по-настоящему прилип к небу.

Мы попали в пещеру Аладдина, не меньше. Всюду стояли деревянные сундуки, покрытые паутиной и пылью, но сломанные или открытые крышки позволяли увидеть несметное богатство. Множество ящичков, сундуков, оружия, но главное – книги. Пещера освещалась двумя светящимися шариками, подвешенными к потолку. А посреди пещеры... мужчина. То, что мужчина, – сомнений не вызывало, вот только кто такой или что он такое, совсем непонятно.

Длинный черный кафтан доходил до середины бедер, если бы они у него были. До талии – почти человек, а ниже – змея. Толстый короткий хвост, свитый кольцом, постукивал кончиком по полу, не поднимая пыли. Вся кожа этого «господина» отливала синим цветом. Он был с меня ростом, с черной короткой шевелюрой на голове и глубоко посаженными темными глазами; нос плоский, а толстые губы не скрывали с обеих сторон парных клыков. Вид у него был солидный, опасный и слишком взрослый. Не старый, но, судя по мудрости и усталости во взгляде, прожил он немало лет.

Я быстро перекинула волосы вперед, чтобы закрыть обнаженную грудь, и, отчаянно смущаясь, выдавила сквозь зубы:

– Здрасьте!

Он молчал и внимательно разглядывал меня с ног до головы, вызывая во мне волну раздражения. Я тоже демонстративно на него смотрела и строго спросила:

– Это ваше творение там ползает?

Странный субъект направился в мою сторону, Филька умолк и прижался к моим ногам, а я при приближении змееподобного почувствовала внутри холод. Он скорее летел, чем полз по-змеиному, и это навело меня на нехорошие подозрения.

– Кто ты, дитя?

– Пришелец из другого мира!

Мое ядовитое замечание не лишило его абсолютного спокойствия, только его брови скользнули вверх. Снова окинув меня взглядом, с любопытством пробормотал:

– Это вряд ли! Полукровка! Да еще какая?! Дракон и эльфийка, как же это их угораздило, да еще и потомство дали... Сколько тебе лет, красавица?

Все его странные высказывания заставили меня напрячься, но и очень сильно заинтересоваться, и только поэтому я ответила честно:

– Двадцать семь! По крайней мере, когда меня нашли, врачи установили мой примерный возраст – двенадцать лет. С тех пор прошло пятнадцать.

– Это невозможно! Проклятие действует, а значит... Ты правда из другого мира! – Он смотрел на меня с удивлением и любопытством. Я прямо-таки чувствовала, как в его голове роятся мысли, и он готовится принять какое-то решение. – Расскажи мне о себе, пожалуйста!

В этот момент Филипп устал жаться к моим ногам и, снова почувствовав себя главным и грозным, бросился на обитателя пещеры. Испугавшись за мужчину, я уже подняла руку в останавливающем жесте и открыла рот, чтобы крикнуть «фу», но следующие события меня потрясли. Филька пролетел сквозь хвостатого, будто слегка его развеяв, а потом, пробежав еще пару метров, резво развернулся и, оскалившись, зарычал. Снова бросок, и все повторилось, а я так и стояла с разинутым ртом. Призрак, вот те на!

– Здравствуйте!

– Мы с вами уже сегодня здоровались, красавица. Как вас зовут? Полностью!

Еще не отойдя от культурного шока (одно дело чешую на себе обнаружить, а другое – настоящего призрака встретить), пробормотала:

– Алев Штерн! Это единственное, что я помнила, когда меня нашли.

Призрак снова задумался, рассматривая меня, а я, все так же затаив дыхание, оглядывала его. Он подплыл ближе, рычание Фильки усилилось, а у меня изо рта повалил пар.

– Покажи родовые кольца, девочка!

Я протянула руки, но так, чтобы не касаться его.

– Невероятно, но, похоже, всё правда. Пятьсот лет назад, перед самым проклятием, прошел слух: наследник Красных Драконов нашел свою истинную в лице темной эльфийки из рода Черных Штерназия, и они полюбили друг друга. Но сначала случилось проклятье марханов, а потом и глава рода Черных Штерназия проклял свою дочь за любовь к чешуйчатому. Один раз ему даже чуть не удалось убить их обоих, но наследник спас любимую. Через пару лет они пропали, все крылатые их без толку искали. Говорят, некоторые самые сильные драконы умеют открывать порталы в другие миры... Еще поговаривали, что их похитил глава рода эльфийки и держал в заточении, но без доказательств эти слухи затихли. Драконы тогда рвали и метали, но их и так мало, а уж для полномасштабных военных действий... Зато, я думаю, сейчас все в равных условиях.

– А можно узнать, к чему весь этот разговор о событиях пятисотлетней давности?

Он устало и неожиданно сочувствующе посмотрел на меня. Затем заговорил, перепрыгивая с одного на другое, явно переживая и будучи не в силах подобрать нужные слова:

– Пятьсот лет назад, девочка, была украдена главная реликвия марханов, дарующая нам долголетие и хранящая нашу святыню Дом Предков. Она так и называется Сердце Марханов. Аура эльфов в тот день буквально забивала нос, и вопроса, кто это совершил, не возникало. Ее украли светлые в отместку за отобранную у них территорию светлого леса, но он стал принадлежать нам по военному соглашению. Впрочем, это длинная и совсем другая история, и виноваты все, но светлые решили сделать нас главными виновниками.

Как самый молодой и перспективный боевой маг, я был назначен главой отряда, отправленного в погоню за реликвией. Мы долго искали и наконец напали на след. Несмотря на все мои уговоры, совет марханов собрал всех наших магов и наложил на эльфов проклятье. С этого момента, пока Сердце Марханов вновь не засияет на своем ложе в Доме Предков, ни у одного эльфа не будет потомства. Это страшное проклятие забрало много сил у наших магов, которые должны были с годами восстановиться, но они так и не смогли... Прожить настолько долго. Мой возраст тогда, как и у многих моих соратников, перевалил за пару сотен. Сердце Марханов было украдено, и отныне мой народ живет не больше пятидесяти лет. Ты можешь представить себе это, девочка? Пятьдесят жалких лет! Утрачивая с каждым годом былое могущество, силу предков и магию. Мне страшно даже подумать, что стало с соплеменниками за пятьсот лет. Живущие так мало очень быстро теряют память предков.

– Мне жаль вас и ваш народ, но все же не понимаю, какое отношение это имеет ко мне?

– Кольцо с черным камнем на пальце левой руки указывает на принадлежность к роду твоей матери. Кольцо приняло тебя, а значит, родословная истинная. Ты из рода Черных Штерназия. Кольцо с красным камнем – родовая печать Красных драконов, а его чистый цвет говорит о верхней ветви клана. О других украшениях мы поговорим чуть позже. Так вот, оба кольца признали в тебе хозяйку, а это значит, в тебе есть кровь обоих родов и рас. Такую пару я знаю только одну. И несмотря на то, что я нахожусь в этой пещере почти пятьсот лет, проклятье не позволит никому другому произвести на свет потомство. Наверное, твоя мать забеременела потому, что кровь твоего отца была слишком сильна и горяча, а любовь их истинна. Драконы славятся своим огненным темпераментом, особенно красные. Только вот где они провели столько времени и куда исчезли? Могу предположить, что твой отец унес их из этого мира, и, возможно, именно так они смогли произвести на свет потомство. Но вот каким образом ты здесь оказалась, да еще и без защиты отца, мне непонятно?!

Я вспомнила слова Высших, и слезы неожиданно потекли по моим щекам. Неужели это все? Я все-таки никогда не увижу их? Своих родителей!

– Что такое, девочка?

Я устало опустила на земляной пол и рассказала ему свою историю. Все с самого начала, с подробностями и особенно тщательно пересказала разговор с Высшими. Но я никак не ожидала, что призрак печально и вместе с тем облегченно улыбнется:

– Хорошо, и кто я такой, чтобы не подчиниться воле Высших? – Наклонив голову, он внимательно на меня посмотрел, мягко улыбнулся, демонстрируя клыки, и произнес: – Я помогу тебе, а ты мне! Я исполню два твоих желания, самых заветных, а в ответ ты должна исполнить одно мое. Но ты дашь мне клятву и постараешься сделать все возможное, чтобы выполнить мое поручение.

Я утерла слезы, а потом, тщательно обдумав сложившуюся ситуацию, решила:

– Согласна! Но сначала хочу кое-что узнать, а уж потом приму окончательное решение. И еще было бы удобнее разговаривать, если бы вы наконец мне представились.

Призрак смущенно хмыкнул.

– Я маг Камос Который Идет до Конца!

Я скептически поджала губы, а потом все же уточнила:

– Это что, имя и фамилия или прозвище?

– Нет, Алев! Маги марханов получают истинные имена, которые отражают их сущность. Прежние уже не важны, в памяти нашего народа мы остаемся с последним именем. Лично я все свои дела выполнял до конца, поэтому получил такое имя. Еще пятьсот лет назад оно было известно каждому, а уж другим народам и подавно.

– Как у вас все интересно! Ну да ладно, сейчас мне важно другое. И первый мой вопрос: сможете ли вы узнать и рассказать мне, что случилось с моими родителями. Мне будет легче жить, зная об этом.

– Я не думаю, что здесь ты права, девочка. Некоторые знания приносят лишь больше боли, а не облегчения. А иные вообще могут принести лишь смерть. Ты уверена, что это твое первое самое заветное желание?

– Да! Камос, я должна знать, что с ними стало. Мне это очень важно, чтобы разобраться с прошлым и войти в будущее.

– Хорошо, девочка, это возможно. Но данное желание я смогу выполнить самым последним. – Я внимательно на него посмотрела, но Камос взирал на меня бесстрастной статуей.

– Второе. Мне потребуются знания об этом мире. О моей магии хочу узнать все, ну или как можно больше. И, конечно, языки! Кстати, а как вы меня понимаете, здесь разве говорят на русском?

– Девочка, – он улыбнулся краешком губ, – прежде всего тебе надо учиться быть внимательнее. Я говорю с тобой мысленно и использую твои знания, преобразовывая их под себя. Это забирает много энергии, но оно того стоит. Если ты присмотришься, то заметишь, я еще не открывал рот. Но если мы договоримся, помогу выучить язык как можно быстрее.

– Итак, мои желания – это правда о моих родителях и знания, – кивнула я, все еще взвешивая его предложение, а потом торопливо закончила: – Ну и, если можно, одежды немного, а то неудобно как-то! Но еще я должна знать, что вы потребуете взамен. Каково ваше желание?

Он медленно отплыл, приблизился к одному из светящихся шариков (видимо, магических) и замер возле шкатулки, покрытой латунной обшивкой. Он не касался ее, стоял и смотрел, а потом поднял на меня жгучий черный взгляд, в котором будто светились неизмеримая боль и лишь небольшой лучик надежды.

– Наш отряд нагнал воров – это была шайка молодых эльфов-отщепенцев, но пока мы с ними... хм-м-м... разбирались, к ним на помощь подоспели старшие. Тогда все были на пределе, они еще не знали о проклятии. Мой отряд уничтожили неподалеку отсюда, а я смог укрыть пологом невидимости себя и обоз с драгоценностями и всем, что они украли у нас... Когда эльфы ушли, я устроил на этом месте убежище. Но меня ранили, смертельно, спастись я бы не смог и бросил все силы на последнее... Привязал свою душу к этому месту. Стал хранителем.

Мы забрали Сердце Марханов обратно, но вернуть реликвию в Дом Предков я так и не смог. А я, Камос Идущий до Конца, никогда не бросал начатого дела. Я ждал... долго... Мое

желание или поручение, считай как угодно, – чтобы ты завершила начатое мной. Я выполню твои два желания, а ты доставишь Сердце Марханов в Дом Предков и лично устроишь его на Священное ложе. Мой народ вновь обретет долголетие, восстановит былое могущество и не утратит память о предках. Надеюсь, еще не поздно.

Я шокированно слушала, вся моя душа всколыхнулась от сочувствия и надежды. Я впервые оказалась настолько близко к исполнению заветного желания узнать, кто я и откуда, узнать, любил ли меня хоть кто-нибудь. Ради этого я пойду на все.

– Я согласна, Камос! Согласна в обмен на исполнение моих желаний выполнить твоё поручение. Доставить вашу реликвию по назначению и возложить на её законное место. Клянусь тебе, я сделаю для этого все возможное.

Мне показалось, что он облегченно вздохнул, хотя призракам вроде дышать не требуется, но кто их разберет.

– Я принимаю твою клятву, Алев Штерназия! Странное сочетание. Штерназия – это чрезвычайно ядовитое дерево, растущее в землях темных эльфов, и твой род назван в его честь. За коварство, хитрость и их ядовитые стрелы, несущие медленную, мучительную смерть. Алев – это пламя, истинная невеста огня. Похоже, имя тебе дал отец, а мать лишь обозначила возможные способности.

Она была полукровкой – её мать, твою бабушку, из светлых эльфов, была отдана за главу Черных Штерназия для укрепления мира. Но твою бабушку, родив лишь один раз, предпочла уйти к богам, чем жить с твоим дедом. Фаотей Черный долго отыгрывался за это на своей дочери, так что я хорошо понимаю, почему она так стремительно и безудержно отдалась твоему отцу, Суорену Красному. Сбежала с ним.

Твой второй дед, если меня не подводит память, – Санренер Красный, глава Красных драконов. А ты на данный момент – его единственная внучка, хотя ему уже несколько тысяч лет. Неплохой, в принципе, крылатый, но дракон – это сущность и образ жизни, так что... Все остальное я смогу рассказать тебе потом. Чтобы узнать их судьбу, мне придется уйти за грань, и обратно вернуться я уже не смогу. Точнее, смогу ненадолго, лишь чтобы отдать тебе долг.

Поэтому давай сначала займемся обучением и твоей подготовкой к длинному опасному путешествию. Я рад, что твой спутник – мархуз. Это невероятная удача, особенно учитывая, что он еще малыш. Теперь он твой с потрохами и станет самым лучшим защитником.

На последнее замечание, несмотря на количество ценной и потрясающей информации, которая на меня тут изливалась, я ответила раздраженно:

– Не с потрохами! Мы теперь семья, и он – мой маленький брат. По крови! По боли! По теплу!

Камос окинул нас с Филькой суровым взглядом, а потом неожиданно смягчился и произнес, заставив и меня расслабленно вздохнуть:

– Тогда я тем более спокоен, клятву ты сдержишь. Верность и преданность слишком дорого ценятся в мире, где о них уже начали забывать. Слава Высшим за такой подарок моему народу. Не будем же терять времени и займемся важными делами. В первую очередь разберемся с одеждой. Я хоть и неживой, но все же мужчина!

Я опустила голову, чувствуя себя смущенно и неловко, но стыдно мне не было. То ли дело в том, что он призрак, то ли в том, что в своем нынешнем положении я абсолютно не виновата.

В итоге мне устроили короткую экскурсию по пещере Камоса-Аладдина. В одном из сундуков обнаружилась одежда. Старинная, пыльная, но благодаря заклинанию Камоса абсолютно не поврежденная временем. По той же причине в пещере все пребывало в идеальной сохранности, в том числе главное её достояние – книги. Покопавшись в вещах, я смогла себе кое-что подобрать. Но, к сожалению, в связи со строением тела марханов штанов я не обнаружила. Поэтому, найдя небольшой мешочек с ниткой, иглой и еще несколькими бытовыми мелочами, решила пошить их сама.

Таким образом, мы с Филькой поселились в пещере, и я впервые с попадания в этот мир спала спокойно, под защитой уже двух охранников. На следующий день я сшила самые простые штаны, правда, под руководством всезнающего Камоса, и, полностью облачившись в привычную одежду, почувствовала себя почти счастливой.

По просьбе Камоса в залежах богатств я отыскала золотой наруч, который увеличивает способности к обучению, особенно память и скорость восприятия информации. Благодаря ему Камос мог преподавать в ускоренном темпе. Теперь я либо занималась с ним в пещере, либо, греясь на солнышке, черпала знания из книг: о расах, мироустройстве, фауне и флоре, а главное – учила языки народов, населяющих мир Лайванос.

А тот змей у пещеры, что гонял нас в первый день знакомства с марханом, оказался всего лишь иллюзией, созданной Камосом, чтобы отпугивать пришлых. Затеяник!

Камос много рассказывал обо всем, что знал, с подробностями, которые не прочтешь ни в одной из книг, раскрывал особенности рас: их слабые и сильные стороны, культурные отличия, менталитет. Вся информация давалась сжато, зато самая важная. Попутно Камос помогал мне освоиться с магией и чрезвычайно обрадовал сообщением, что она никуда не денется.

Пользоваться магией оказалось так же просто, как дышать, главное – не исчерпать резерв. Как Камос пояснил, огонь мне достался от отца, а мама была целителем – беспрецедентный случай для темных эльфов. Такие у них практически не рождались, и вдруг полукровка с редким даром. Тем ценнее она была для всех, и острее к ней была ненависть Фаотея Штерназия. После давней войны, в которой погибли почти все члены семьи деда Фаотея, из ближайших родственников у меня остались он да дядя Дэной – младший брат моей матери. Дед после смерти жены – светлой эльфийки – женился во второй раз уже на женщине своего клана. Второй их сын, брат Деноя, был убит светлыми в одной из стычек.

Пока слушала рассказ о моих родственниках, я то расстраивалась, то приходила в замешательство от того, насколько жесток этот мир. Ничуть не лучше прежнего.

С родственниками со стороны драконов тоже разобралась. Там остался лишь дед, хотя, как заметил огорченный Камос, за прошедшие пятьсот лет все могло измениться кардинальным образом. Ведь он знает только то, что знал живым.

Вдруг Камос, словно обняв меня со всех сторон, сказал:

– Я чувствую твою ауру, определенно ты больше драконица, нежели эльфийка.

– А человек? – спросила я.

– Уж точно не человек, – фыркнул маг, повергнув меня в ступор. Я даже сосредоточиться на учебе потом толком не могла.

– А почему тогда драконья кровь проявилась только пятном на заднице и шее, – не сдавалась я.

– Не волнуйся, придет время, и ты раскроешь свои крылья, – со смехом пояснил маг.

После этого у меня появилась новая мечта и желание как можно больше узнать о драконах.

Как оказалось, их делят на виды по цветам и кланам. Из существующих пяти самая низшая, прожорливая и неразумная каста – это небольшие черные драконы. Они – обычные животные, как на Земле обезьяны.

Зеленые – второй вид – считаются разумными, но глуповатыми, их интересы в основном сосредоточены на пище и размножении. Зеленые крупнее черных, но также не имеют второй ипостаси.

Третий вид – красные драконы. Они чрезвычайно умные, сильные, коварные, имеют и активно используют вторую сущность. Образовывают в силу малочисленности небольшие кланы и роды. Пятьсот лет назад, как с грустью заметил Камос, их было не больше тысячи. В связи с тем, что в семьях красных самки рождались крайне редко, для продолжения рода зачастую использовали зеленых, но образовать полноценную семью с ними были не в силах.

Красным драконам было просто необходимо обретение второй, истинной половины для гармонии души. Они вечно находились в поисках настоящей пары.

Серебристые драконы обладали высоким уровнем магии, но были обречены на еще большее одиночество из-за малочисленности. Пятьсот лет назад их оставалось не более сотни.

Вершина драконьего вида – золотые драконы. Но Камос сомневался, что на Лайваносе остался хоть один.

– Мне кажется, они ушли из этого мира. Старики поговаривали, что золотые умеют путешествовать сквозь пространства миров, в то время как остальные разумные драконы способны перемещаться лишь на небольшие расстояния. И из золотых, по слухам, рождаются Высшие, которые потом хранят все миры.

Я загрустила – уж очень жаль одиноких драконов, – но Камос и здесь вставил свои «пять копеек»:

– О-о-о, не волнуйся, Алев. – Он ехидно ухмыльнулся, снова продемонстрировав внушительные клыки, и обнадежил: – Как только сородичи услышат о тебе, замучаешься отбиваться от их заботы и предложений о замужестве. И не забудь, огонь в вашей крови заставляет идти на многое, вопреки здравому смыслу. Это единственная раса, которая ставит превыше всего любовь, без колебаний и раздумий. Ни один дракон не рискнет своей парой, даже если на кону будет стоять судьба всего мира. А тем более если любимая попросит. Видел я пару раз красных во время их брачных игр, и все самцы в округе жались по стеночкам, стараясь не поднимать взгляд на избранную.

***

Я ощущала себя словно в сказке. В первое время мне не хватало нижнего белья, но я быстро восполнила этот недостаток в одежде. Обнаружив пару длинных рубашек Камоса, принялась за пошив столь необходимых вещичек.

Прожив здесь неделю, привыкла к Камосу как доброму заботливому дядюшке. Столько всего неожиданного, интересного и волшебного он мне открывал, учил, тренировал, я все время была занята, и на глупые и тревожные мысли времени не было. Он не мог покидать пределы пещеры, но зато видел вокруг нее на многие метры. Меня познакомили с боевыми искусствами и научили выживать в лесу. Как без огня зажечь костер и вообще правильно его сложить. Как охотиться и добывать пропитание. Как распознать и использовать различные травы и корни, чтобы разнообразить пищу.

Время не тянулось, как я раньше считала, а пролетало, и однажды я, с удивлением посчитав зарубки на невысоком широком пне, стоявшем неподалеку от входа, обнаружила, что обитаю здесь уже два месяца. Более того, не хочу уходить отсюда. Совсем. Камос стал моим другом, учителем, наставником, и мне неважно, что он всего лишь призрак. Даже вымахавший мархуз Филька чувствовал себя в этом, по сути, склепе как в родной норе. А когда уставал ждать меня или хотел подурачиться, начинал носиться сквозь Камоса, пытаясь его развеять. Мы же с наставником, видя эти игры, смеялись от души.

Наконец наступило настоящее лето, повсюду стали раздаваться птичьи трели. Я сидела перед входом в пещеру и слушала шепот теплого, насыщенного ароматом цветов и деревьев ветра. Местное светило Дрив спряталось за Суаром – спутником Лайваноса, – подсвечивая его голубую поверхность и пририсовывая пламенеющую ауру. Розоватые до этого облака тут же окрасились в разные цвета, будто нерадивый маляр разлил свои краски, – серый, голубой и красный. Замерев, я в который раз наблюдала за небесной феерией и не могла налюбоваться подобной красотой.

– Красиво! – раздался из темноты уже родной голос.

– Да, невероятно красиво!

– Алев, я больше не вижу повода для отсрочки. Тебе надо перебраться отсюда в город. Пора начать нашу миссию.

– Тебе не жаль со мной расставаться? – тихо спросила я, испытывая грусть.

– Даже слишком, Алев! У меня никогда не было никого ближе вас с Филиппом. Отныне ты навсегда останешься моей единственной ученицей. Но на кону стоит существование моего народа, поэтому медлить более нельзя. Да и тебе пора познакомиться поближе с этим миром. Здесь от него не спрячешься.

– Ты думаешь, я уже готова? – Я тяжело вздохнула, про себя все же признавая его правоту.

– Более чем! Но тебе придется взять с собой несколько книг, чтобы по дороге восполнить пробелы. Ты должна освоиться в этом мире, пока тепло. Найти свой путь и, надеюсь, новых друзей и семью.

Я снова не сдержала тяжелого вздоха. Семью хотелось найти очень сильно, но что это мне принесет, было неизвестно. И если в отношении Красных драконов все было более-менее понятно, то чего ждать от темных эльфов? Я боялась. Боялась исполнения своего последнего желания, с которым должен мне помочь Камос. Как он правильно заметил, иногда лучше не знать, чтобы жить дальше. Но я жила по другому принципу.

– Хорошо, Камос, я готова! Что будем делать дальше?

– Сейчас мы соберем тебя в дорогу. Возьмешь одежду, деньги, драгоценности на первое время, оружие подберем. На всякий случай попрощаемся. И не забудь: я хочу, чтобы потом ты помогла найти это место марханам. Здесь находится слишком много нашего наследия. Пусть все вернется на родину, в Дом Предков. Но главное – Сердце Марханов.

Он проследил за тем, как я спустилась в пещеру, и, обведя взглядом ее содержимое, подплыл к кучке своих костей, прикрытых в углу полотном. Это я закрыла их – жутко было их видеть, хоть и знала, чьи они.

– Сними с правой руки кольцо. Теперь оно твое, я передаю его, потому что ты – мой вестник и моя ученица.

Испытывая трепет и легкий страх, я откинула полотно и нашла кольцо. Протерла о брюки и надела. Теперь у меня на пальцах красовалось их целых четыре, по два на каждой руке. Надеюсь, чтобы их снять, мне не отрубят руки! Но я уже продумала этот пункт и нашла перчатки в закромах Камоса.

– Запомни: покажешь любому магу-мархану и потребуешь встречи с советом. Они сами доставят тебя в Дом Предков и помогут выполнить мою просьбу. После проклятья, наложенного на эльфов, наша цитадель, которая существует с начала времен и рождения первых марханов, закрыта защитным полем. Сплошное кольцо ловушек, но они проведут тебя сквозь него. Теперь о Сердце... – Камос подплыл к небольшой шкатулке, лежащей на одном из сундуков, и указал на нее пальцем. – В ней хранится наша реликвия. Как только ты наденешь его себе на шею, снять сможешь только на территории проклятого города. Поэтому ни передать, ни отказаться от своей миссии уже не получится. Ты готова?

Я кивнула и с трепетом открыла шкатулку. На темном бархате лежало крупное кольцо, в центре которого располагался ярко-синий камень. Он странно пульсировал, и это ощущалось моим сердцем, а не виделось глазами. Живой, светящийся изнутри и пульсирующий камень – невероятно! Со всех сторон его оплетали небольшие серебристые металлические струны, которые словно выстреливали в разные стороны свои лучи. Самое удивительное, что камень и струны никак не крепились к кольцу, но, подцепив пальцем цепочку, на которой висел артефакт, я в недоумении заметила, что все держится вместе, не распадаясь на отдельные части. Я потрясла, еще опасаясь, что он развалится, но... Камос снова тихо засмеялся.

– Какой же ты еще ребенок, Алев. Это магия богов и всех предков марханов, тысячелетиями накопленная и заключенная сюда. Надевай и ничего не бойся, его сможешь видеть только ты, я наложу иллюзию. Если завтра не обнаружишь меня возле себя, просто знай, что у меня

ушло слишком много силы, и на ее восстановление потребуется время. Не переживай за меня, теперь все зависит только от тебя, девочка. Ложись спать.

– Но как же... – я удивилась его приказу, потому что ждала сейчас рассказа о родителях.

– Не бойся, Алев! – Камос печально улыбнулся, останавливая меня, и мягко сказал: – Ложись и засыпай. Правда придет к тебе во сне. И помни, это память предков, твоих предков, вырванная у забвения. Она не лжет и не приукрашивает. И тебе с ней жить дальше!

Я подумала, что наш разговор закончен, но мой учитель продолжил спустя мгновение, когда я надела на шею артефакт:

– И еще, Алев, я не сказал тебе одной очень важной вещи. Не хотел, чтобы ты отвлекалась еще и на это. Диадема на твоей голове – это корона светлых эльфов. А кольцо – их символ власти. Отныне ты повелительница светлых эльфов, и никто из них не смеет тебе перечить. Самое смешное – они не посмеют даже убить тебя, это святотатство. Тот, кого признала корона, – истинный повелитель, а наказание за его убийство накладывают боги. Поверь, благодушием и милосердием они не отличаются... Мне удивительно, что именно ты нашла эти реликвии спустя две тысячи лет после исчезновения их великого повелителя. Он пропал столь внезапно, что светлые, как указано в хрониках, перевернули каждый уголок Лайваноса, но так и не отыскали его. А ты нашла, всего лишь упав с обрыва. Все эти Высшие играют в свои игры, а мы – простые смертные – потом разгребаем последствия.

Вот так сюрприз! И сколько еще ждет меня в и так нелегкой и неоднозначной жизни.

– Это не они заигрались, а мы, смертные. Они лишь помогают расхлебывать, то, что вы тут наворотили, – парировала я.

Приподняв брови, учитель усмехнулся, качнул головой и жестом показал на лежанку.

– Никому не показывай эти свои украшения! – настойчиво порекомендовал он, пояснив: – Только если твоей жизни напрямую будут угрожать! Запомни, за эту корону готовы не просто убить, за нее пойдут на все. Эти проклятые богами светлые слишком властолюбивы, чтобы так просто отдать власть какой-то девчонке. Для них ты младенец, будь всегда с ними осторожна. Если случится встретиться на темной дорожке, бери с них клятву верности на крови. Любое твое кольцо послужит гарантом их клятв. Только в этом случае ты сможешь их не бояться. Но я не уверен!

– Не волнуйтесь, учитель, я буду чрезвычайно осторожной. И до поры никому демонстрировать свои козыри не стану.

Он снова неуверенно, тяжело вздохнул, потом скользнул в сторону, все еще покачивая головой и раздумывая, и добавил, заставив меня напрячься:

– Хроники говорят, владельцы подобных украшений могут чувствовать присутствие своих подданных или соплеменников. Будь внимательна, возможно, это правда, и корона поможет почувствовать приближение проклятых и даст возможность уйти.

Я улеглась на импровизированное ложе, которое мы давно соорудили с Филькой в углу пещеры, и он тут же примостился у меня под боком. Очень скоро, несмотря на напряжение, страх и нервозность, я уснула. А потом пришли они. Невероятные сны-видения!

Смуглый мужчина с яркими желто-карими глазами и пламенной шевелюрой спадающих до талии волос полулежал на тахте, склонившись над прекрасной зеленоглазой женщиной с персиковой кожей. Она была удивительно похожа на меня, только с волосами шоколадного цвета с золотистыми прядками. В ее глазах было столько любви, сколько я никогда ни у кого не видела, а лицо мужчины светилось такими нежностью и благоговением, которые не описать словами. Эта пара не просто любила друг друга – они дышали друг другом, словно сливаясь в единое целое. У меня защемило сердце от узнавания и боли.

Следующий кадр – и снова эта пара. Стоят возле странно светящейся полосы, которая все расширяется, поражая необыкновенным серебристо-голубым светом. На лице мужчины застыла маска ярости и жажды убийства. Его глаза сверкают уже не янтарным светом любви, а

смертельной чернотой. Он бережно закрывает собой хрупкую супругу, похожую на меня так, что становится страшно. Я вижу черные стрелы, летящие в их сторону, и рожденную рукой этого мужественного красавца стену огня, которая преграждает путь летучей смерти. Они шагнули в полосу света и пропали.

Невероятный небосвод, фиолетовые деревья и сиреневое солнце. На фиолетовой траве раскинуто полотно, на котором лежит девочка лет двенадцати с красными волосами и персиковой кожей. Она безмятежно спит в одной исподней рубашке, подложив кулачок под щеку. А рядом с ней сидят в обнимку те же мужчина и женщина. Она с невероятной любовью и нежностью перебирает детские локоны, а лицо мужчины поражает вселенским умиротворением и покоем. Нетрудно заметить, что для счастья у него есть все, и в этой жизни ему больше ничего не надо.

Вдруг появилась жуткая черная воронка, образовавшаяся над столь пасторальной картиной. Девочка просыпается и кричит. Мужчина пытается всеми силами удержать женщину, которую засасывает в воронку, но подобной мощи невозможно сопротивляться. Женщину вырывает из рук мужчины, но он бросается за ней, не раздумывая и не замечая, что девочка, вцепившаяся в его штанину, следует за ним.

Огненное кольцо, в котором находится семья, – пламя костра скрывает их от темных мужчин, похожих на эльфов в моем понимании. Те пытаются рассмотреть, что в кольце, но магия огня не позволяет им этого.

Впереди темных стоит прекрасный эльф с искаженным ненавистью и яростью лицом. Он отдает приказы, но все застыли, не зная, как бороться с огнем. Из кольца вырывается огромный красный дракон, а на его спине сидит женщина с развевающимися каштановыми волосами, она испуганно прижимает к себе девочку и молится всем богам о том, чтобы они спасли хотя бы их дитя. Туча черных отравленных стрел взмывает ввысь, пронзая женщину и дракона. Их одновременный предсмертный вопль сотрясает небеса. Они могли бы спастись, но яд уже начал действовать.

Последний стремительный рывок к небесам – и раздается прощальный рев дракона. Последние секунды жизни они посвящают спасению их любви, их частички, их единственного дитя.

Семью обнимает пламя, ревет и взмывает ввысь, забирая жизни дракона и черной эльфийки и унося в безопасность их дочь. В другой мир. Лишь в последнее мгновение испуганное дитя слышит крик матери: «Запомни, твое имя – Алев Штерназия, и наша любовь всегда с тобой. Навечно!»

Я проснулась в слезах и еще около часа, не меньше, рыдала и не могла успокоиться. Эхом в голове раздавались слова матери. У меня не получалось прийти в себя, и я решила выйти наружу. Во мне яростно ревел огонь – боль полыхала негасимым пламенем. Как я могла забыть это? Как? Почему я помнила имя, но забыла про их любовь? Неужели огонь выжиг из меня все, просто чтобы я выжила? Спаслась!

Спину немилосердно обожгло, а потом огонь пробежался по всей коже. Я испуганно начала раздеваться, и там, где кожа обнажалась, будто вспыхивали маленькие язычки пламени – блестела красная чешуя. Теперь я стояла обнаженной, а боль и страх стали сильнее разума. Мгновение, и моя боль вырвалась диким ревом драконицы. Крылья наполненными парусами хлопали за спиной, а мощные когти впились в землю, вырывая ее комками. Мозг, казалось, сейчас взорвется от миллионов запахов, а свет преобразился, и непроглядная темнота ночи превратилась в мягкий серый полумрак. Я услышала рычание за спиной и медленно, неуклюже развернулась, волоча по земле длинный хвост. Я стала гораздо крупнее, чем была в человеческом облике – скорее эльфийском, но об этом думать не хотелось: отныне темных я ненавижу. Убийцы моих родителей!

Филька яростно на меня рычал, при этом взгляд его судорожно метался по сторонам. Уфф-ф. Я наконец поняла, что произошло и почему он так рычит, ведь Филипп – мой названный братец, хоть и лохматый. А я теперь не я, а чешуйчатая и довольно крупненькая драконица. Не Змей Горыныч, конечно, но его приличная половинка.

Я склонила голову и, посмотрев на Фильку, поймала его взгляд. Секунду спустя его растерянность, страх, одиночество и боль утраты накрыли меня с головой. Мне стало стыдно, и я обогрела зверя своими эмоциями, передала ему свою любовь и извинилась за то, что случилось. Более того, неосознанно попыталась передать ему картинки случившегося со мной. И обомлела, когда он успокоился, удовлетворенно уселся передо мной и, все еще ловя взгляд, передал мне картинку полета птицы. Вот теперь и я села, оттопырив длинный остроконечный хвост. Получается, мы теперь можем передавать друг другу мысли.

В голове все перемешалось, и навалилась усталость – слишком много переживаний и событий, особенно учитывая превращение в дракона. Если бы не все произошедшее со мной до этого момента и не выворачивающий наизнанку душу сон, я наверняка сошла бы с ума, а так лишь слегка нервничаю. И еще одна загвоздка – как мне снова вернуть себе эльфийский облик.

Я повторяла попытки довольно долго, даже запаниковала, но наконец, когда я улеглась и устало положила большую чешуйчатую морду на лапы, почти задремав, внезапно почувствовала прохладу. Встрепенулась и замерла, обнаружив, что снова лежу совершенно обнаженная на голой земле. Так дело не пойдет! Только заболеть не хватало.

Оделась и снова спустилась в пещеру. Камоса нигде не было, но я ощущала: он еще здесь, но невидим. Потратил все силы на исполнение моего желания.

– Спасибо, учитель! За все спасибо! Вы подарили мне знание, надежду и стимул жить дальше. Я не буду жить мстью, я буду любить. Ведь ради меня они отдали все. И любили тоже, а я забыла. Отныне я никогда не забуду, что любовь – это главное в жизни. Клянусь, выполню ваше поручение. И вас еще больше уважаю за вашу любовь к своему народу.

Затем улеглась и практически сразу уснула. Больше не было тревожных мыслей или страхов. Секреты были раскрыты, и теперь можно с надеждой смотреть в будущее. Я должна жить за нас троих.

Глава 5

Розовый рассвет радовал взгляд. Оглянувшись в последний раз на уже ставшую домом пещеру, я прощально махнула рукой в надежде, что учитель увидит, подпрыгнула, поправляя ремни старого рюкзака Камоса, и отправилась в путь. Эх, только коня не хватает да камня на развилке, зато Филипп носится рядом – его детство еще не закончилось, хоть он и был уже внушительных размеров. Лететь в новом облике я не решилась, потому что не умею – это раз, некогда учиться – это два, а три – не знаю, куда девать Фильку, когда встану на крыло. Кто его ко мне привязывать будет?

Душа непривычно пела, и было легко, несмотря на откровение в прошедшей ночи о смерти родителей. Но я была нужна, меня любили, здесь мой дом, хоть и родилась я не здесь. Похоже, мои родители специально покинули этот мир, чтобы уйти от преследования и нелепой чужой ненависти и получить единственный шанс родить ребенка. Но их корни остались в этом мире, а значит, и мои тоже здесь. Я радовалась новой жизни, новому другу, новой живущей внутри меня сущности, с которой я решила знакомиться постепенно, не торопясь, ведь я ничего о ней не знала и немного опасалась вновь обернуться.

Мы шли уже целую неделю, и вскоре изредка начали попадаться следы пребывания людей. Например, старая брошенная подкова. Я еще сильно удивлялась, как похожи мой мир и этот и их обитатели. А Камос все время ухмылялся на замечания, когда я в очередной раз сталкивалась с чем-то знакомым в старом замусоленном учебнике.

В первый же вечер перед ужином я вновь попыталась обернуться, предварительно раздевшись, и мне, как ни удивительно, легко удалось сменить облик эльфийки на красную драконицу. Теперь я каждый вечер тренировалась превращаться полностью или частично. Вдруг срочно пригодится драконья лапа, чтобы в случае чего в лоб припечатать...

По вечерам или в обед, ожидая, пока закипит похлебка из дичи и корней, я тоже продолжала учиться. Камос одолжил два тома по магии и травам и разрешил оставить браслет для улучшения памяти, но взял с меня обещание, что верну его, как только окажусь на территории марханов. Старый скупердй! Но он и так слишком много для меня сделал. Дал одежду, немного золота и драгоценностей. С одной стороны, ровно столько, сколько понадобится, чтобы не голодать и достойно закончить свою миссию, но и столько, чтобы у кого-то появился соблазн ограбить или убить. Хотя Камос тогда в очередной раз заметил, что это вряд ли мне грозит, так как мархуз отпугнет любого. Со мной Филька – ласковый щенок, а если кто-то будет мне угрожать, он станет тому смертельным врагом.

Заметив, что близится вечер, я решила устроиться на ночлег пораньше. Развела маленький неприметный костерок, как учил Камос, и принялась за готовку. Филипп стал совершенно самостоятельным и побежал на охоту; видимо, мать все же научила его каким-то азам, а остальное он осваивал по ходу дела. Довольно часто он делился со мной добычей, а иногда и я с помощью магии или тонких стрел и небольшого лука добывала нам еду. С каждым днем стрельба из лука удавалась все лучше и лучше. Как сказал Камос, память предков дает о себе знать. Это как учиться дышать: надо лишь сделать первый глоток, а остальное тело само знает.

Я уже доедала похлебку, когда почувствовала легкую тревогу, а потом из кустов ко мне выпрыгнул Филя, держа в зубах окровавленную птицу. Положил ее рядом и в напряженной позе уставился в сторону, явно чего-то ожидая. Я быстро собрала вещи в мешок, положила его рядом с собой и накинула легкий плащ с капюшоном так, чтобы никто не увидел мое головное украшение. За перстни я не переживала – на мне были перчатки.

В этот момент я услышала приглушенный землей топот копыт. Надеюсь, к нам приближались люди. Филька еще больше напрягся и ошетинился, а я, впервые увидев его таким, удивилась: Камос прав оказался, Филька – грозный противник. Вон зубы как у саблезубого тигра с Земли.

На поляну один за другим начали выезжать замученные, усталые, одетые нарядно, но все же изрядно грязные мужчины и женщины. И как тут же отметил мой прагматичный ум, в основном это точно были отпрыски богатых родов. Быстро сосчитав молодых высокомерных, несмотря на плачевный внешний вид, дворян, поразились. Двадцать девять человек. Всего шесть девушек, а остальные – молодые мужчины. Впереди восседал на коне красивый брюнет, лет двадцати пяти, не больше, и пристально разглядывал меня и Фильку.

Вся компания настороженно поглядывала по сторонам, а потом снова останавливала взгляд на мне. Я немного успокоилась – среди них не было ни эльфов, ни светлых, ни темных – и решила снять капюшон, а то они вон и так сильно нервничают из-за того, что не могут рассмотреть, кто перед ними. Не успела сделать и движения, как сидящий на сером коне самый взрослый мужчина, ехавший рядом с красавцем-брюнетом, громко и презрительно обратился ко мне:

– Эй, ты, можешь показать нам дорогу до Илисвурга?

Сначала я опешила от приказного тона, а потом, когда до меня дошла суть вопроса, удивилась. Илисбург – столица уже старого королевства Свург, куда я, собственно, и держу путь, следуя наставлениям учителя и по его же карте. Но эти олухи едут мне навстречу, то есть в прямо противоположную сторону. Более того, судя по их виду, в дороге они очень давно, а до столицы не меньше полутора недель пути. Как они вообще тут оказались?

Я их снова внимательно окинула взглядом, остановилась на молодом приятном парнишке, державшем за поводья красивую рыжую лошадку, на которой сидела ссутулившаяся

бледная усталая девушка лет шестнадцати. Мои разглядывания прервал раздраженный окрик того же крупного русоволосого мужчины:

– Ты глухая? А ну быстро отвечай, если проблем не хочешь.

Я медленно скинула капюшон и подняла на нахала взгляд. Уж я-то знаю, какое впечатление производят мои глаза, похожие на папины, да еще и в комплекте с эльфийской внешностью. И не ошиблась, мужчина побледнел, снова бросил нервный взгляд по сторонам, а в разговор вступил брюнет:

– Приветствую вас, светлейшая! Приношу свои извинения за неучтивый тон моего телохранителя. Могу ли я узнать ваше имя?

Я продолжала бесстрастно и молча пристально смотреть теперь уже в глаза брюнету, заметив, что от этого он занервничал.

– Я Дайрик Бернази, наследный принц королевства Свург, мы еще раз приносим свои глубочайшие извинения светлейшей и просим оказать нам помощь, указав путь.

Я снова медленно обвела компанию холодным взглядом. Так я у себя на работе девочек из финансового гипнотизировала, чтобы больше работали и меньше болтали. Тут, похоже, тоже сработало, потому что снова заговорил принц, а я все решала, о чем с ними говорить, достойно держа паузу.

– Это моя свита, мы отправились на охоту, но, кажется, слишком увлеклись и заблудились. Пару раз на нас нападали в дороге, и часть отряда погибла. С нами женщины, поэтому...

– Мое имя Алев... Штерн! Вы едете в противоположную сторону от Илисвурга, насколько я знаю.

Услышав меня, все удивленно замерли, а Дайрик злобно посмотрел на русоволосого, который как-то весь съежился и посерел. В принципе, мне было бы удобнее продолжить дорогу с ними, а не в одиночестве, да и узнать новости тоже хотелось. Все же за пятьсот лет, что Камос отсутствовал, мир мог сильно измениться, поэтому я решила на авантюру:

– Я смотрю, у вас есть лишние лошади... принц?

Он, почему-то неуверенно посмотрел на нескольких лошадей с пустыми седлами, кивнул.

– Ну что ж, если вы подарите мне одну, я поеду с вами и провожу до города. Я сама в этих местах впервые, но у меня есть карта и верный друг, который не даст сбиться с пути.

Все двадцать девять человек с уважением и страхом посмотрели на моего спутника.

– Вы окажете нам честь, светлейшая, согласившись принять столь скромный подарок и составить нам компанию.

Я промолчала, а принц, ожидавший ответа, немного насупился. Мы с Филей прошли вдоль всадников, пристально рассматривая лошадей. Я только вела себя так уверенно и жестко, а на самом деле я впервые видела этих ездовых животных и не знала даже, как садиться на них. Но ехать верхом точно будет гораздо быстрее и удобнее.

Подошла к одной из лошадок и уже мысленно решила было выбрать именно ее, но заметила, как привлечший мое внимание парнишка морщится. Я медленно обернулась к нему и, улыбнувшись краешком губ, попросила:

– Я не большой знаток в лошадях, поэтому хочу обратиться за помощью к вам, молодой человек. Как вы считаете, какую лошадь мне выбрать, учитывая, что я крайне неумелый наездник?

Заметила, что снова удивились все, а не только парнишка, но, судя по заалевшим щекам, мое внимание и просьба доставили ему удовольствие. Быстро спрыгнув со своего коня, он подошел к серой невысокой лошадке и, отвязав ее повод от луки другого седла, под недовольным взглядом всадника подвел ее ко мне.

– Вот, эта самая тихая, спокойная и хорошо обученная. Ее кличка Тихоня. Хорошее приобретение, как по деньгам, так и по породе. Она выносливая, добрая и преданная.

– Спасибо...

– Ален Карен! – представился он и жестом показал на девочку, которую я заметила ранее. – А это моя сестра Айлен, наши родители – придворные маги и будут вам очень благодарны за помощь.

– Спасибо, Ален!

Сумерки уже словно облепили серостью, резко превратив день в глубокий вечер. Мужчины начали готовиться к ночлегу, некоторые, нехотя и тревожно вглядываясь в темноту леса, ушли за дровами. Женщины усталой стайкой птиц расположились кружком, поглядывая на меня с любопытством и нескрываемой завистью. И лишь Айлен одиноко сидела в сторонке, боязливо озираясь по сторонам. Я поймала ее тоскливый взгляд на мой костерок и поманила рукой. Ее брат в это время активно помогал собирать хворост, в отличие от многих других, без страха и неуверенности.

Как только Айлен подошла и напряженно взглянула на меня и Фильку, я сказала:

– Предлагаю разделить тепло моего костра, и если не побрезгуешь есть из моего котелка, то и пищу.

Она удивленно посмотрела на протянутый мною котелок и, покраснев, согласилась. Я заметила, что напряженный до этого момента Ален расслабился и продолжил помогать остальным уже более спокойно. Хороший брат и защитник. Остальные не решались подходить ко мне, зато Айлен, с удовольствием уплетавшая пищу и согретая теплом костра, поведала мне их историю.

Как оказалось, толпа городской знати, более ста человек, во главе со своим принцем с гиканьем и шумом отправилась на очередную королевскую охоту. Но в этот раз все с самого начала пошло наперекосяк, и очень скоро компания непостижимым для всех образом заблудилась. Они бродили по старым тропинкам словно кругами, все дальше уходя от города и дворца. Через пару суток из отряда начали пропадать люди. Два раза ночью на них нападали неизвестные существа, которых в темноте никто так и не смог разглядеть. Знать в начале своего путешествия ленилась следить, чтобы слуги поддерживали огонь. Зато теперь первым делом они организовывали большой костер и даже выставляли караул. Но люди все равно продолжали пропадать. И теперь они находились на грани помешательства от страха и непонимания, что вообще происходит и как выбираться домой.

Я заметила, что Айлен оставила в котелке ровно половину еды и поставила его поближе к костру, чтобы не остыло. Когда я готовила, не знала, поймают ли кого-нибудь Филька, и рассчитывала в случае чего его покормить. Но сейчас он догрызал свою добычу, лениво поглядывая по сторонам и отплевываясь от перьев.

К нам неуверенно подошел Ален, словно не зная, как я отреагирую на его присутствие. Я приветливо улыбнулась и жестом пригласила присоединиться:

– Сестра оставила тебе поесть, и если хотите, можете остаться возле нашего костра. Мы с Филиппом будем только рады вашей компании.

– А вы не хотите, светлейшая Алев, присоединиться к нашему костру?

Я обернулась и посмотрела в искрящиеся вызовом и восхищением глаза Дайрика. Раздраженный взгляд, который он бросил на брата с сестрой, подсказал мне: принц недоволен, что я предпочла его обществу другой компании. Но потакать его самолюбию я смысла не видела.

– Нет, спасибо, принц!

Пока он молча обдумывал мой короткий отказ, Филипп насторожился, бросил на меня короткий взгляд и, получив разрешение жестом, рванул в лес. Я же заволновалась, потому что обычно мой побратим себя так нервно не вел. Все спутники принца проводили стремительно мчащегося черного мархуза, а потом напряженно взглянули на меня, ожидая пояснений. Я одернула серый плащ, перекинула пламенную косу с плеча на спину и присела рядом с Айлен и Аленом, не торопясь с объяснениями.

– Можно задать вам нескромный вопрос, светлейшая Алев?

Я вскинула глаза, посмотрев на принца с легким раздражением. Красивый, только слегка надоедливый и спесивый, хотя, думаю, это характерная черта всех наделенных властью и деньгами, которая мне откровенно в них и не нравилась. Принц молчал, а я продолжала смотреть на него.

– Я много раз встречал светлых эльфов, но ни разу не видел никого с подобным цветом волос. Они прекрасны, но столь же необычны. К какому роду вы принадлежите?

В учебнике были описаны различия не только во внешности, но и в социально-культурных особенностях темных и светлых эльфов. Светлые в большинстве со смуглой кожей, но светлыми волосами, а темные, наоборот, со слишком светлой кожей и темными волосами. И еще – неправда, что темные живут под землей. Разница лишь в использовании магии.

Темные не гнушаются пользоваться магией крови, а вот светлые используют только природные источники и являются в основном стихийниками. Неподвластен им лишь огонь. Все светлые носят родовые имена: представители высших домов – с приставкой «эс», все остальные – «эр». Темные используют только название рода, и чем серьезнее и опаснее его символ или прототип, тем выше и сильнее род, но доказывать это приходится постоянно. Именно поэтому я с внутренней усмешкой, уверенно глядя в темные глаза принца, произнесла с тщательно скрываемой ненавистью к своей фамилии.

– Алев Штерназия!

Его глаза округлились, и он пытался соотнести мой слишком светлый образ с родовым именем темных. Причем не самых последних в иерархии, но, возможно, самых темных в использовании магии. Пока он и другие, видимо, размышляли о причинах моего нахождения здесь, огромными прыжками примчался мархуз.

Подбежав, Филька задрал голову, ловя мой взгляд. Мы уже неделю тренировались делиться мыслеобразами, и у нас получалось все лучше и полнее. Я присела с ним рядом, утонула в голубизне его глаз и сосредоточилась, чтобы принять информацию. Пыталась снова и снова, но картинка никак не складывалась. Я быстро разворошила свой рюкзак и достала учебник по магии с изображениями различных существ и их описаниями. Судорожно листала страницы под настороженными внимательными взглядами остальных. Несколько мужчин, привлеченных моими нервными действиями, подошли ближе, а я наконец нашла то, что искала, и застыла. Вампиры! Мои глаза метались по незнакомым строчкам, впитывая информацию об этих загадочных жутких существах.

Но времени осталось мало, хоть я и смогла уловить основные положения. Дрив уже почти полностью слился с землей, и лишь Суар да огонь костров давали освещение. Я продолжала судорожно искать решение возникшей проблемы. Как же избежать подстерегающей опасности?

Это с людьми общаться я обучена великолепно, а вот с вампирами... увольте меня, пожалуйста. Все мои напускные смелость, хладнокровие и безразличие затрещали по швам, но я держалась из последних сил. Рука уже по привычке, появившейся за последнюю неделю, метнулась к груди проверить кулон с артефактом Сердце Марханов. На месте. Я успокоилась: у меня есть важная цель, поэтому надо бороться.

– Что случилось, темнейшая, чем вы так испуганы?

Я слегка поморщилась из-за того, что мой испуг стал достоянием общественности, и начала озвучивать план:

– Мой друг мархуз сообщил, что неподалеку собирается стая вампиров. – Возглас окружающих, и я жестом прошу слушать дальше: – Думаю, чтобы напасть на нас. Более того, как подсказывает Филя, за вами тянется магический след, и именно по нему кровопийцы все время вас преследуют. А еще он показал ваши следы, и, похоже, вы ходили кругами. И еще, скажите, вам кто-нибудь перед дорогой что-то дарил?

Дайрик, пристально слушавший мою речь, замер. Сначала он хотел было возмутиться, но потом явно о чем-то вспомнил. Медленно опустив голову на свои ножны, украшенные драгоценными камнями, он аккуратно отстегнул их и передал мне. Филипп зарычал – чтобы я не протягивала руки, куда не следует, и не лапала что попало. Он подошел сам, обнюхал и, рыкнув, улегся у моих ног, предупреждая дальнейшее движение.

– Что это значит, темнейшая?

Пожав плечами, поделилась своей догадкой:

– Мархузы чувствуют магию... Любую. Скорее всего, это именно та вещь, за которой путеводной нитью для вампиров тянется оставленный след.

Ропот на поляне усилился, пара женщин заплакала, а русоволосый гигант, который вначале так непочтительно со мной разговаривал, задал закономерный вопрос:

– А кто это может подтвердить, кроме вашего ручного мархуза? Если вы смогли приручить это животное, то кто может поручиться, что и с вампирами вы не сделали то же. Да еще на нас натравили, а для верности и сами решили проконтролировать!

Я этого хама-грубияна даже немного зауважала.

– Никто! И подтверждать или нет, а также поручителей искать я не собираюсь. Это ваши проблемы, у меня своих забот хватает. Вас много, надеюсь, кто-нибудь, да выживет. Во-о-он ваш костер. – Я выразительно подняла подбородок. – Идите к нему, а я одна как-нибудь без вас переночую. Только советую ножны кинуть в огонь. Это для тех, кому сегодня повезет остаться в живых.

Выслушав мою ехидную отповедь, русоволосый гневно сверлил меня взглядом, но все равно не промолчал:

– Что вы предлагаете?

– Я? Ничего! Я уже все сказала!

Повернулась и наткнулась на Айлен, в глазах которой застыл дикий ужас перед предстоящей ночью. Ален, сидевший рядом с сестрой, судорожно сжимал клинок. Поэтому я, не сомневаясь и не раздумывая, предложила этим двоим:

– Если будете беспрекословно слушаться, оставайтесь рядом со мной. – Они только синхронно кивнули. – Айлен, все время держись позади, но защищай мой тыл. Ален, тебе придется сражаться рядом со мной и следить за происходящим сверху. Как я понимаю, у этих тварей есть крылья. Эх, жаль, я еще не умею летать!

После этого замечания компания смотрела на меня с еще большим изумлением. Затем все начали расходиться, чтобы укрыться под защитой своего костра. Похоже, мне они не очень поверили, но это их жизнь и их решение.

– Ален, Айлен, нам требуется хворост, и как можно больше. Быстро собираем, но как только услышите вой Филиппа – сразу обратно ко мне. Всё, разбежались.

Они вместе со мной начали метаться по подлеску. Я отметила, что остальные тоже не безголовые и занимаются дровами, но для своего костра. Когда мархуз взвыл, предупреждая об опасности, у нас набралась приличная куча хвороста.

Дальше начался ад. Напали они молниеносно, и вторая компания тут же лишилась еще двух человек, после чего некоторые кинулись к нашему костру под защиту темной эльфийки. В освещении двух костров закипел бой, впрочем, напоминавший скорее свалку, а еще точнее – бойню.

Я не выдержала напора вампиров, убрала длинный кинжал в ножны и активировала свою магию, выстроив защитное кольцо огня. Сейчас рядом со мной стояли уже двенадцать человек, в том числе и принц с крепышом. Пришлось пару раз разрывать кольцо и впускать к нам остальных. Браться за оружие у меня не было возможности, и я сражалась с помощью магии.

В один из жутких моментов, когда черные твари с блеклыми лицами и темными провалами вместо глаз смогли зацепить Алена и вытащить за огненную стену, я испугалась до

паники, до икоты, но мархуз ангелом спасения ринулся к ним, перепрыгнув через стену огня. Мне удалось огненными сгустками прогнать самых голодных и ретивых от мальчишки, который кружился волчком и рубил направо и налево, стараясь не подпустить к себе ни одной твари, но его спину и лицо уже заливала кровь, от чего разъяренные монстры нападали все исступленнее.

Филька кинулся в самую гущу, а у меня чуть не остановилось сердце. Ален подкатился к моему огню, и пришлось, снова прилагая усилия и тратя драгоценную энергию, разрывать круг. Айлен бросилась к брату и затащила внутрь. Мой яростный отчаянный крик заставил мархуза разодрать еще парочку тварей и достигнуть круга в два прыжка. Снова вокруг стояла стена сплошного огня, а его пленники защищались, отбивая нападение лишь сверху.

Я почувствовала, что скоро обращусь в драконицу. Слишком сильна во мне магия огня, и пламя свободно гуляет по моим венам. Я противилась этому изо всех сил, потому что неповоротливое тело ящера, возможно, и защитит меня от вампиров, но вот остальным точно придет конец.

Я уже с трудом дышала, исчерпав до доньшка свои силы, и огонь уже еле шевелился, опадая, словно паруса в штиль. И вот тогда сквозь кроны деревьев к нам скользнул розовый луч Дрива. Твари резко отпрянули в стороны и рваными темными теньями поспешили убраться прочь в еще хранимую деревьями черноту уходящей ночи. Я упала там, где стояла, а рядом привалился Филька. Сон накрыл меня покрывалом, и заботиться о безопасности сил больше не было. Одна надежда, что Фильке их хватит, чтобы присмотреть за нами обоими.

Глава 6

Следующий день встретил головной болью и ощущением, что меня вчера переехали, причем не менее двух раз. Дрив уже пробежал по небосводу половину пути, а Суар становился в его свете все ярче. Ноздри щекотал насыщенный аромат еды, готовящейся на костре неподалеку.

Филька встрепнулся и с беспокойством посмотрел на меня. Я же успокаивающе погладила его по черному вихрастому затылку и мысленно отправила на охоту. Ему тоже нелегко пришлось, а он боялся оставить меня беспомощной. Он еще раз внимательно взглянул и потрусил в сторону леса.

– Госпожа Алев, Слава трехликому Асторту, вы пришли в себя! Мы так волновались за вас!

Повернув голову на голос, я увидела бледную от усталости и недосыпа Айлен. Рядом с ней на плаще лежал Ален, и в первый момент я жутко испугалась – в его лице не было ни кровинки. Проверила свой внутренний резерв, как учил Камос, и, удостоверившись, что заполнился он лишь наполовину, решила. Покачиваясь от усталости, подошла к ним и присела рядом. Следуя наставлениям и учебникам по целительству, проверила повреждения Алена. Ему было откровенно плохо, и скорее всего, самостоятельно он выкарабкаться не сможет, учитывая, что нам еще предстоит долгий путь, и ждать их точно никто не будет. Судя по тоскливому обреченному виду Айлен, она это понимала и была готова остаться рядом с братом, уже зная, чем это для них закончится.

Я осторожно убрала лишнюю одежду, освобождая доступ к телу мальчишки, чтобы сохранить даже крупинцы своей энергии, и под напряженным, вспыхнувшим надеждой взглядом Айлен приступила к лечению. Оно забирало много сил, на такую потерю я не рассчитывала, но я должна была помочь Алену. Резко оборвав ручеек своей энергии, прошептала:

– Еды нам обоим сейчас же. И мяса побольше.

Мне было все равно, где она ее достанет, но я была уверена – сделает. И оказалась права: серая мышка исчезла и на свет появилась заботливая мать, которая за своих подопечных, не глядя, порвет любого. Я набросилась на еду как акула на беспомощного дайвера. Глотала, не

ощущая, что это. Набив живот под завязку и икнув от переедания, я наконец смогла проверить Алена. Теперь он выглядел бледным, а не серым, а, главное, привалившись к сестре, с трудом жевал еду, которую Айлен заботливо засовывала ему в рот. Так, с ними все хорошо будет, но сегодня нам придется остаться здесь.

Я заметила свою Тихоню и других лошадок, привязанных возле одного из кустов и мирно щиплющих травку. Скорее всего, это Айлен о них позаботилась. Хорошая, смышленная девочка. Меня кольнула мысль, что я старше этих ребят не больше чем на десять лет, но после всего пережитого чувствую себя умудренной опытом матроной.

С поляны уже убрали трупы, и огромное, еще дымящееся пепелище в центре нее с ужасающей действительностью подсказало, куда они делись. А от вампиров после восхода солнца ничего не осталось – Дрив обильно собрал свою утреннюю жатву. Но я признавала правильность действий оставшихся в живых.

Возле одного из деревьев сидели сломленные ночными событиями четыре девушки, а по поляне серыми призраками ходили мужчины. Слишком мало мужчин, и я лишь понадеялась, что остальные на охоте. Из ближайших кустов ко мне направился принц, а вслед за ним тенью шел его телохранитель, барон Вайрек, как выяснилось во время битвы.

– Добрый день, темнейшая! Приносим извинения, что не поверили вам с самого начала... Мы хотели бы предложить вам продолжить путь вместе. Впредь мы без сомнений примем любые ваши советы.

Я медленно попивала ягодный напиток, принесенный Айлен, и думала об их предложении.

– Сколько вас осталось, принц?

– Из двадцати девяти человек всего шестнадцать... При выезде из Илисбурга нас было сто шестнадцать.

Я кивнула и судорожно подсчитывала проблемы и выгоды. Бросив быстрый взгляд на Каренов, поняла: любые выгоды не стоят их жизней.

– Я согласна! Но сегодня я не сдвинусь с места, принц. Мне и этому молодцу нужно набраться сил. Уверена, что и всем вам. Мы организуем лучшую защиту, костер побольше и до вечера поспим. Затем выставим охрану и спать будем по очереди. Сейчас нам необходимо хорошо отдохнуть и поесть.

– Темнейшая, но не лучше ли нам будет покинуть это жуткое место и попытаться уйти от преследования вампиров? Мы уничтожили ножны, и теперь они не смогут нас выследить. – Барон говорил с мрачной уверенностью, и я поняла: сейчас как раз время проверки моего авторитета.

– Мы с Аленом не способны передвигаться, пока не восстановим силы, это во-первых. Во-вторых, наши пульсирующие сердца теперь путеводная нить для вампов. Вчера мы были не готовы к их нападению, сегодня все иначе. В любом случае, мне проще защитить четверых, чем такую толпу, так что решайте сами.

– Мы принимаем ваши условия, Алев Штерназия, и благодарны за помощь. Мы перед вами в большом долгу.

– Я принимаю ваши долговые обязательства, принц Дайрик Бернази. И, когда придет время, напомню о них. – Я решила поймать его на слове – кто знает, когда потребуется поддержка.

Он побледнел, но слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Особенно учитывая, что я темная эльфийка. Это он еще не в курсе драконьей крови. Принц лишь кивнул и, рывком поднявшись, отошел. Барон же, бросив на меня взгляд, с тщательно скрываемой неприязнью спросил:

– Что нам сейчас делать?

– Как уже сказала, собирать хворост и поленья потолще, а также отъедаться и отсыпаться, ночь будет тяжелая.

Я улеглась неподалеку от Алена, и мы проспали до вечера, пока Айлен вместе с другими выжившими готовилась к приему ночных гостей. В эту ночь вампиры пришли ближе к утру, но мы встретили их во всеоружии.

А едва забрезжил рассвет, мы быстро, но все же плотно позавтракали и резво отправилась в путь, подальше от этого страшного места.

Двое суток сплошной скачки, от которой у меня еще после первого дня образовались кровавые мозоли на теперь отбитом месте. Ален все время пытался объяснить принцип правильной посадки, научить ездить рысью и галопом, но у меня получалось либо мешком с картошкой подпрыгивать в седле, либо полулежать на спине Тихони, кряхтя и постанывая от боли, в то время как Ален вел ее в поводу.

А вечером, буквально падая к ногам лошади, я с трудом приходила в себя под недоумевающими взглядами людей, пораженных моим полнейшим неумением ездить верхом. На скорую руку я залечивала свои раны и готовилась к ночному бдению. Если бы не Филя, на которого можно было положиться в качестве разведчика, я бы, наверное, утопилась, лишь бы больше не терпеть подобные пытки. А ведь Тихоня и правда оказалась тихой, смирной и доброй лошадкой. Она сочувственно косила на меня глазом и побаивалась лишь мархуза, что странно, учитывая мою вторую сущность и стойкую нелюбовь ко мне животных. Только из-за добродушия и смиренности Тихони я героически переносила дневные переходы и училась ездить верхом.

Мне это удалось только через неделю таких пыток. В первую секунду, ощутив, как тело само приняло удобное положение и синхронно с движением лошади гасит толчки, я чуть не завопила от счастья. Только с этого дня, когда, по моим расчетам, до Илисвурга осталось чуть больше трех дней пути, я наконец смогла заняться сбором информации о пятисотлетнем периоде после гибели Камоса.

Впервые за всю поездку ко мне приблизился Дайрик Бернази и отметил мою более уверенную посадку и веселое настроение. Сделав это как бы невзначай, он какое-то время ехал молча, а потом спросил, пытаясь скрыть недоумение и любопытство:

– Скажите, темнейшая Алев, а как получилось, что вы не умеете ездить на лошади, но оказались так далеко от любых поселений?

– Поверьте, Дайрик, жизнь заставит, не так раскорячишься! – Я не сдержала ехидства.

Он вежливо улыбнулся, но все же слегка нахмурился, не получив ответа. Зато я воспользовалась его заминкой, чтобы самой начать задавать вопросы:

– Знаете, принц, – решила польстить, пытаясь расположить к себе Дайрика, – я давно не была среди людей, расскажите, что в мире делается?

Он посмотрел на меня еще подозрительнее и осторожно спросил:

– Э-э-э, какой период вас интересует?

Я мгновение решала, как обойти столь щекотливую тему, а потом безмятежно выпалила:

– А что, разве в мире произошли кардинальные изменения? С нашим долголетием, принц, даже пятьсот лет – не срок. Да и что может такого грандиозного произойти за такой короткий период?

Видимо, его задело мое пренебрежительное отношение ко времени, и он начал вещать, стараясь помочь себе беспорядочной жестикуляцией:

– Как это что? Да за пятьсот лет многое изменилось. Свург объединился с Хараном и удвоил свои границы. Светлые перестали задевать всех и каждого, реже покидают свои земли, и вообще, поговаривают, что их прокляли, и теперь у них не рождаются дети.

Марханы раньше доживали до пятисот, а теперь – не дольше пятидесяти лет. Некогда могущественный народ всего за пять сотен лет потерял практически все, что имел, даже многие территории. Они теперь селятся в основном рядом с людьми и занимаются торговлей.

Драконы в состоянии войны с темными уже больше пятнадцати лет, и конца и края этому не видно. Гномы занимают все более высокие посты в любых прежних союзах и претендуют на лидирующую мировую расу, а ведь еще лет триста назад они были тише воды ниже травы. А сейчас что? Дерут огромные проценты за кредиты и считают, что все у них в кармане... Не-е-ет, темнейшая, вы не правы, мир изменился слишком сильно, чтобы этого не замечать.

Он говорил с горечью, и я поняла: это все затрагивает его лично как будущего правителя.

– Да, принц, вы правы. Действительно, за пятьсот лет можно забыть многое, а уж изменить и подавно. Но жизнь продолжается, и в наших силах что-то исправить, хорошо, если в лучшую сторону. Не забудьте об этом, когда придет ваша очередь менять судьбу мира и распорядиться множеством жизней.

Он задумчиво посмотрел на меня, а потом – куда-то вдаль, словно не замечая окружающего мира, заглядывая в будущее. Лишь его тихий голос напомнил, что он все еще здесь:

– Это нелегко, но я постараюсь.

Мы ушли от столь сложной темы, потому что оба знали: ей не время, не место, да и решать это не нам. По крайней мере сейчас. Но оставшиеся три дня мы общались уже по-другому: не осторожно и с подозрением, как раньше, а легко и непринужденно.

Еще заходил разговор о злополучной охоте, которая завела их в столь гиблые места. Обсудив случившееся, принц и его спутники решили, что их, скорее всего, намеренно использовали в качестве приманки для вампиров, сделав внушение. Я согласилась с их доводами, отчего они почувствовали облегчение и уверенность.

Мы выехали на очередной пригорок, и оказалось, что мы достигли своей цели – Илисбург раскинулся у нас под ногами. Несмотря на в целом дружеские отношения с принцем, я все же поглубже натянула на голову капюшон, а на предложение Дайрика остановиться во дворце отказалась, настойчиво попросив не придавать огласке мою помощь и не привлекать ко мне лишнего внимания. Более того, я специально серьезно предупредила:

– Вы же не хотите быть должником всего моего темнейшего рода, принц?

Они с бароном слегка побледнели и прониклись пониманием последствий. Но пообещали, что свой долг передо мной не забудут и посетят меня инкогнито, чтобы справиться о моем самочувствии. Я вежливо согласилась, но без особого энтузиазма. Зачем? Они пойдут своей дорогой, я – своей, но не стоило ссориться с наследным принцем, как и обижать его самолюбие. А вот приглашение на обед Алена и Айлен я приняла.

Глава 7

В зеркале мне улыбалась девушка среднего роста с пламенными волосами, золотисто-карими глазами и смуглой персиковой кожей. Я вновь и вновь рассматривала свое отражение, испытывая в этом занятии удовольствие, потому что очень была похожа на маму, но и в тоже время многое взяла от папы, судя по тому странному сну-видению.

Взгляд скользнул ниже, с удовлетворением отметил и красивое платье, облегающее сверху до талии и спадающее до пола тонкими плиссированными складками. Поверх длинных рукавов на запястьях красовалась пара дорогих браслетов, но не вычурных, а элегантных. Образ дополняло тонкое изящное кольцо с тремя драгоценными желтыми камнями. А Сердце Марханов, скрытое пологом невидимости, покоилось в ложбинке груди.

За неделю, проведенную в Илисбурге, мне преподнесли приличное количество украшений в качестве благодарности за жизнь отпрысков благородных фамилий. Но я все же позволила себе мысленное ехидство – скорее всего, эти подарки связаны с моим темноэльфийским происхождением. И родовитые родители таким способом откупались от меня, чтобы в будущем не иметь долгов уже перед моим родом. Но лично я была не против, и в гномьем банке на

моем счету и в хранилище уже лежала приличная сумма денег и драгоценностей. Куда вошли и те, что мне выдал Камос.

Я почтила темнейшим присутствием два званых ужина и все время старалась не привлекать к себе особого внимания. Родители Алена и Айлен – придворные маги – мне очень понравились, а моя персона вызвала у них сначала замешательство, а потом теплые родственные чувства. Меня приняли в семью Каренов безоговорочно. Они, как и остальные, хотели одарить меня, но я твердо отказалась, пояснив, что их дети тоже в какой-то мере помогли мне. В шутку добавила, что теперь мы останемся навечно друзьями, но маги приняли слова буквально и заволновались по поводу вечности. Мне пришлось пояснить, что я пошутила, чем снова вызвала у них культурный шок. Оказалось, они никогда не слышали, чтобы темные шутили.

Так и пролетела неделя, в течение которой я узнавала новости и сплетни, просиживая в обеденной зоне гостиницы и слушая все, что достигало моих очень чутких ушек. Комфортно устроившись в самом дальнем и темном уголке, попивая сидр или неторопливо поглощая вкусный обед или ужин, я впервые в жизни увидела гномов: могучих, скорее смахивающих на тумбы, широких не только в плечах, без всяких бород на квадратных лицах. У них были короткие, словно по моде Уолл-стрит, стрижки на непропорционально больших головах, массивные золотые печатки на пальцах и темные сюртуки. Как я весело отметила про себя, это такая разновидность деловых костюмов.

На следующий день я заметила оборотней – пару внушительных мужчин, тихо о чем-то беседовавших, позыркивая по сторонам прищуренными глазами. Но мирный разговор длился не долго – собеседники повздорили из-за молоденькой смазливой служанки, которая обслуживала их столик, соблазнительно покачивая бедрами.

Сначала послышался гневный рык, женский крик, брань, и посетители шарахнулись ближе к стенам. Самые предусмотрительные даже успели прихватить с собой кружки с горячительным или тарелки с едой и теперь начали заинтересованно наблюдать за дракой, словно за спортивными соревнованиями.

В стороны полетели куски одежды, потом клочья шерсти и кровь. Победитель, несколько не смущаясь своей голой задницы, подхватил весело хихикающую служанку, взвалил ее на плечо и покинул помещение под довольный хохот толпы. Как говорится, не хлебом единым...

Через пару минут беспорядок был ликвидирован, а гости как ни в чем не бывало попили свои напитки, наслаждались горячей похлебкой и жареным мясом. Прошло уже три месяца со дня моего появления на Лайваносе, но я никак не могла привыкнуть ко множеству разнообразных событий, а каждого встреченного «сказочного персонажа» воспринимала с громко бухающим сердцем или отвисшей челюстью. И только люди оставались реальными, привычными и, словно якорь, держали мой рассудок светлым и здравомыслящим. Наверное, моя первая встреча с Камосом все же в гораздо большей степени помогла примириться с этим миром, свыкнуться и принять как данность. Но это не мешало удивляться всему новому!

Еще я обзавелась новым гардеробом, походной сумкой, а главное, обувью. Тихоню оставили мне, за нее Дайрик лично заплатил семье бывшей хозяйки, погибшей на той злополучной охоте. В расследование по этому делу я старательно не лезла и не давала втягивать себя другим. Поэтому, прилично обогатившись, приодевшись и отдохнув, сочла, что у меня больше нет причин оттягивать выполнение миссии, за которую Камос заплатил исполнением моего заветного желания.

Я поправила все складочки на новом зеленом легком платье, накинула плащ и, привычно скрыв свои секреты под капюшоном, направилась к выходу. Филипп потрусил за мной. Его габариты и устрашающих размеров пасть вместе с репутацией мархузов отпугивала всех недоброжелателей. Поэтому по городу я ходила без опаски.

Узкие, но чистые улочки петляли, словно зайцы во время погони, иногда пересекаясь под немыслимыми углами или выводя в самые неожиданные места. Зелень вокруг, выкрашенные

дома с черепичными крышами и приветливые лица жителей Илисбурга говорили о процветании и хорошем управлении города.

Я не просто так ходила по улицам, знакомилась с архитектурой и расположением лавок или домов, попутно отмечая проворные хвосты марханов. Я выбрала на тихой улочке лавочку с оружием и разными редкостями в надежде, что там, возможно, еще помнят Камоса Который Всегда идет до Конца. Наконец, бросив пару быстрых взглядов по сторонам, поднялась на крыльцо и неуверенно толкнула дверь, обитую металлом. Тренькнул колокольчик, и я на мгновение прищурилась, проходя в прохладное помещение. Мархуз на всякий случай остался снаружи.

Довольно большое помещение было по стенам увешано разным оружием – красивыми кинжалами в ножнах и странными, не виданными мною раньше приспособлениями для убийства. Я осматривалась, проходя между невысокими стеллажами, и иногда мысленно ужасалась, глядя на какой-нибудь из предметов. Страшно даже представить, какие жуткие раны может нанести тот или иной экземпляр.

Чуть слышный шорох и грубоватый голос нарушили тишину и заставили меня вздрогнуть:

– Госпожа что-то желает или заблудилась?

Я медленно обернулась и заметила парня-мархана, который с любопытством смотрел на меня в упор. Разглядев мое лицо, он тут же окаменел – все добродушие вмиг испарилось.

– Светлым не продаем!

– А темным? – Я вопросительно приподняла бровь.

Парень нахмурился, сдвинув густые черные брови и явно испытывая замешательство, потом молча вытащил из нагрудного кармана деревянный свисток и дунул в него. Звука я не услышала – очень интересно... Его синий хвост нервно подрагивал, пока в дальнем углу не послышался шорох. К нам скользил еще один мархан, из-за стеллажей была видна лишь его голова, но через пару мгновений настороженный мужчина появился перед нами полностью. Хорошо сложен... сверху... и чем-то похож на Камоса. Черный длинный камзол без украшений, толстые темные губы, взгляд из-под густых бровей оценивал.

– Светлым не продаем! – голоса похожи – скорее всего, рядом был его сын.

– А темным? – хмыкнула я, повторив вопрос.

Широкие ноздри раздулись и затрепетали. И снова оценивающий взгляд. Потом осторожное:

– Возможно...

Он попытался заглянуть под капюшон. Мне надоело играть с ними в вопрос-ответ, и я медленно сняла перчатку. Вытянула руку в сторону старшего и, показав палец, на котором красовалось кольцо Камоса, прямо спросила:

– Вы знаете, чье это кольцо?

Сначала он лишь покосился на драгоценность, потом, рассмотрев рунную вязь и три витые буквы – знак старого мага-призрака, – нахмурился. Напрягся под непонимающим взглядом сына и выдавил:

– Возможно!

Я его хорошо понимаю. Он считал, что я светлая эльфийка, проклятый враг, да еще с кольцом того, кто должен был вернуть святыню. Уверена, случившееся сотни лет назад передается у них из поколения в поколение. Как плач по утраченному, чтобы помнили врага.

– Мне нужно встретиться с советом марханов! Лично! И времени на игры у меня нет.

Парень опешил от моей наглости, зато его отец еще больше подобрался и еще раз внимательно окинул меня взглядом:

– Это не в моей компетенции и... мне нужно посоветоваться...

– Я подожду здесь... пока вы советуетесь... Если вы не против?

Он лишь кивнул и уже было направился к выходу, но опомнился:

– Сирин, быстро к Ксиону! Расскажешь все как есть и пригласи его сюда.

– И передай ему привет от того Кто Всегда Идет до Конца, Сирин! – добавила я.

Парнишка, сделав судорожный вздох, быстро заскользил по деревянным доскам лавки к выходу. Над дверью тренькнул звонок, и мы со старшим марханом остались наедине. Он бросил на меня еще один напряженный взгляд и, указав рукой направление, предложил:

– Госпожа, не желаете присесть в более удобном месте?

В этот момент я ощутила в груди странное тепло, будто кто-то изнутри коснулся маленькой ладошкой моего живота. Я растерялась от непонятных чувств, а в следующее мгновение зазвонил колокольчик и, морщась от полутьмы, в лавку зашел эльф. Он еще меня не заметил, а вот моя реакция от мархана не укрылась.

Перед нами был высокий мужчина с белоснежной кожей, темными узкими глазами и длинными волосами чернее самой черной ночи, красиво струящимися по плечам хозяина и ниспадающими до ягодиц. Словно тьма вьется возле его головы и стекает по спине. Острые скулы, тонкие губы, поджатые в ниточку, и угловатый подбородок. Красив до чертиков, чересчур горд, уверен в себе и до невозможности ненавистен... мне. Темный эльф из сна... Убийца моих родителей – Фаотей Черный!

Я побледнела. Натянув поглубже капюшон, пыталась справиться с драконицей, жаждавшей его крови. Но когда эльф прошел чуть дальше вглубь помещения, я смогла дышать спокойнее – сейчас передо мной явно стоял дядя Дэной.

Как сказал Камос, когда мы затрагивали тему моих родственников, Дэной довольно спокоен и сдержан, в отличие от своего отца, и часто сдерживает бешеный темперамент Фаотея. Но знакомиться с дядей я сейчас не хотела, поэтому резко отвернулась, когда он посмотрел в мою сторону. Мархан это всё заметил и скользнул к новому посетителю. Я же медленно, ощущая внимательный взгляд хозяина лавки, двинулась в указанном направлении. Присесть очень хотелось.

Обычный разговор между торговцем и покупателем закончился довольно скоро, так как мархан вежливо, но отчетливо дал понять темному, что ему здесь не рады, и, как бы оправдывая себя, сообщил важному господину, что достойный его товар в лавке отсутствует.

А я, пока эльф не ушел, рассматривала черное кольцо матери, которое запульсировало у меня на руке. Словно вспоминало знакомых, настраивалось на их волну. Да-а-а, вот и свиделись... Так скоро и именно в этом месте... Неужели и правда боги играют в только им понятную игру?

Темный ушел, рядом появился мархан:

– Родственник?

Я оторвала взгляд от кольца, которое уже успокоилось, и, не видя причин скрывать, кивнула.

– Ну что ж, родню не выбирают – это истина!

Я посмотрела на ухмыляющегося мужчину и тоже непроизвольно усмехнулась:

– Это точно!

Снова тренькнул звонок, и в лавке появились двое: вернулся Сирин, а позади него двигал коротким толстым хвостом старый мархан в синем, украшенном серебристой вышивкой камзоле. Он, спеша за более молодым сородичем, запыхался, но старался сохранить достоинство и солидный вид. Сирин скользнул ближе ко мне и хрипло спросил:

– Госпожа, тот... мархуз за дверью ВАШ?

Я кивнула, и они втроем посмотрели на меня с огромным интересом.

– Я шаман Ксион Радеющий за Правду, госпожа! – Старый мархан немного пожевал толстую сухую губу и, глядя на меня, продолжил: – Глава свода всех марханов Илисбурга.

Мне стало грустно еще больше. За пятьсот лет случилось то, чего так боялся Камос. Маги практически исчезли, и вся раса марханов вымирает, забывает свое прошлое и наследие предков. Вытянув руку, я снова продемонстрировала кольцо Камоса внезапно задрожавшему от переполнявших его чувств Ксиону.

– Откуда оно у вас, госпожа?

– От его владельца, теперь, правда, бывшего!

– Он жив? – Неуверенный, неверящий, но полный надежды голос Ксиона заставил меня тяжело вздохнуть.

– Нет! В прямом понимании этого слова. Маг Камос – мой наставник... учитель. Он просил меня выполнить до конца его миссию. Вернуть своему народу былую славу и все украденное Светлыми. Он передал мне Сердце Марханов и заставил поклясться, что я лично возложу артефакт на его законное место. От его имени. И как его ученица.

Троица стояла разинув рты: казалось, им не хватает воздуха, и я хорошо их понимала. Когда все связанное с этим артефактом для живущих не более пятидесяти лет марханов превратилось в легенду, покрытую пылью веков, заявляется темная эльфийка и рассказывает нереальную историю. Сложно даже поверить, не то что принять!

– Но позвольте... как давно вы его видели?

Я предвидела подобные вопросы, поэтому кратко описала нашу встречу в лесу. Они пристально меня разглядывали и не слишком верили. Старик снова пожевал губу и спросил:

– Сколько вам лет, госпожа? Как вы там оказались? Одна, без сопровождения...

Я посмотрела на них, решая, стоит ли им много рассказывать.

– Двадцать семь! Все остальное вас не касается!

Шаман хмыкнул, словно уверился в моей лжи, Сирин потускнел, а его отец нахмурился, нечаянно взглянув на дверь, где не так давно скрылся мой родственничек. Он явно над чем-то раздумывал.

– Простите, госпожа, за недоверие, но я уверен, вы не можете не знать... не помнить или не заметить, но проклятие марханов легло на ВСЕХ эльфов, и теперь ваша раса потомства не имеет.

– Господин Ксион, я не светлая эльфийка, хотя, не скрою, в моих жилах течет и их кровь, но лишь на четверть. Я... полукровка. Моя мама – Гленсия Штерназия, а отец... Суорен Красный. Дракон.

Вот теперь на лицах марханов вспыхнули новые чувства. У старика – непередаваемый энтузиазм мага-исследователя, смешанный с восторгом и надеждой на возможную удачу и обретение утраченной реликвии. У отца Сирина отразился шок, а затем он озарился светом удовлетворения. А парнишка теперь глядел на меня просто как на чудо. Но все же Ксион спросил, слегка скрипнув клыками:

– И вы думаете, мы можем вам доверять? Учитывая, что для проклятия марханов цвет вашей расы не важен. Были прокляты все эльфы, но, хвала Высшим, ваши темные сородичи вину за это возложили на светлых...

Как интересно, а я не знала, что и темные под раздачу попали... И Камос тоже не понял масштабов всей трагедии. Я снова вытянула руку и продемонстрировала частичную трансформацию. Когда по смуглой коже пробежали красные чешуйки, растекаясь по руке пламенем, они обомлели. Как и я, потому что за прошедшие с моего первого оборота недели я все еще не могла привыкнуть и налюбоваться на это чудо. В душе я все еще землянка, человек, хоть и чешуйчатая, и хвостатая, да еще и с острыми ушами...

– Можете! Если нет... Найду других марханов! Я дала клятву Камосу Который Всегда Идет до Конца, что его миссия будет выполнена и его народ обретет утраченное долголетие... хм-м-м, в вашем понимании.

– Уважаемая госпожа, э-э-э, можно ли узнать ваше имя?

– Алев Штерн! Так будет правильнее.

Ксион выразительно зыркнул на хозяев лавки и снова обернулся ко мне:

– Госпожа Алев, не желаете ли отобедать? Выпить чего-нибудь освежающего? Погода нынче солнечная... душная и располагающая посидеть в тиши и прохладе... за разговором.

Отец Сирина резко мотнул головой, и сын юркнул за расписной тканевый полог, а за ним, улыбнувшись мне, поспешил и хозяин. Я же пошла за ними с настороженностью и стараясь даже спиной уловить малейшее проявление недоброжелательности со стороны Ксиона. Но тот суетливо приподнял передо мной полог и прошел следом.

За пологом оказалась жилая часть дома. Несколько полуприкрытых дверей в коридоре, и одна из них вела в большую, светлую, залитую солнцем комнату. Все пространство ее было застелено толстыми пушистыми коврами и завалено подушками, а посередине на коротких кованых ножках стол большой стол, уставленный фруктами и сладостями.

Меня проводили к самым большим подушкам и помогли, поддерживая за локоток, присесть – я буквально утонула в них. А ничего так, удобно! Сирин принес запотевший кувшин и разлил по стоящим на подносе бокалам холодную золотистую жидкость, от которой они тут же запотели, и капельки заскользили по тонким ножкам. Старшие марханы сразу отпили по половине и с довольным видом откинулись на подушки. Их толстые синие хвосты медленно, валяжно постукивали по полу – эти мужчины явно пришли в хорошее расположение духа.

Откинув капюшон под их пристальными взглядами, я попробовала жидкость; от холода свело зубы, но ее мягкий вкус напомнил лимонад. Очень вкусный! Проследив за мной, Ксион пробормотал, прищурив черные глаза, от чего на синей, на первый взгляд грубой коже появилась сетка морщинок:

– Действительно... Красная драконица! – Его кожа потемнела, став практически фиолетовой, и он, кашлянув в кулак, осторожно спросил: – Что вы хотите от нас, госпожа Алев?

Я поставила бокал на стол, медленно потеряла влажные ладони, обдумывая ответ.

– Охрана для сопровождения к Дому Предков и все расходы на это путешествие, естественно, ложатся на вас. Еще мне нужна помощь ваших магов или шаманов... Камос сказал, что цитадель пропускает лишь своих... избранных, а чужаки никогда не смогут пройти сквозь защитный покров.

– Вы правы в своих предположениях. За века, прошедшие со дня проклятья, в тех краях слишком многое изменилось. Растекшаяся сила, смешанная со злостью проклинающих, породила монстров. Защитный купол укрывает древний город, там живут лишь избранные жрецы, которые служат нашим богам, присматривают за цитаделью и ждут... когда реликвия вернется домой.

Есть только один проход сквозь круги зла, которые теперь опоясывают купол и защищают его от всех, даже от самих марханов. И этот путь известен немногим. Раз в десять лет группа жрецов уходит в закрытый город из Эйнера, небольшого поселения марханов на границе со светлыми. Поэтому сначала нам нужно добраться туда, а уж потом с проводником – к самой цитадели, в которой нас встретят жрецы. Они отведут нас к ложу Сердца.

Пока Ксион уверено говорил, жестикулируя руками со светлыми ладошками, я отметила про себя, что он как будто еще не верит в случившееся, в меня и даже в то, что сейчас рассказывает. И он это подтвердил, внезапно замолчав и строго посмотрев на меня.

– Я должен на него взглянуть, госпожа! Должен увериться, что это правда! А не розыгрыш светлых...

Я напряглась и села ровно, заставив марханов замереть в ожидании.

– Ксион, вы же знаете, что кольцо мага-мархана убьет любого, кто возьмет его без разрешения владельца? – Шаман неохотно кивнул. – На мне личное кольцо Камоса. Я делаю так, как приказал мой учитель! Я следую своей клятве, а нарушать обещания не привыкла. – Я начала вставать. – Артефакт надежно спрятан, и видеть его могу только я. Если вы отказываетесь мне

помочь, я найду марханов, которые больше чтят известного мага и хотят жить долго и счастливо. Прощайте и не поминайте лихом.

Я уже направилась к двери, когда мужчины одновременно поднялись и склонили головы. Правда, не слишком низко, как я отметила с ехидством и уважением.

– Мы чтим память предков, госпожа Алев, и согласны на ваши условия. Свод марханов Илисвурга почтет за честь и великую удачу оказать вам поддержку... Организовать этот поход и сделать все возможное и невозможное, чтобы вы в целости и сохранности дошли до нашей цитадели! И, поверьте, теперь каждый мархан Лайваноса будет на вашей стороне и окажет вам любую помощь.

Я медленно опустилась на подушки, то же самое сделали мои собеседники.

– Ну что ж, раз мы с основными моментами определились, займемся мелочами...

– Не волнуйтесь, госпожа Алев, все это мы возьмем на себя. Нам на это потребуется пара дней, а пока окажите нам честь и примите наше приглашение, согласившись поселиться...

Я усмехнулась и честно ответила, перебив Ксиона:

– Я никуда не исчезну и не сбегу. Я поселилась в заведении «У белого камня», там меня и найдете, когда закончите сборы, но предлагаю встретиться уже за городом, чтобы не привлекать излишнее внимание.

Марханы явно занервничали – ведь им придется сейчас выпустить меня отсюда и, возможно, потерять из виду. А на кону стояло слишком много, и сейчас они усиленно размышляли, как поступить. Ксион вновь изобразил на своем морщинистом синем лице вежливую улыбку – он очень волновался и, не считая нужным это от меня скрывать, заговорил с настойчивыми предостерегающими нотками:

– Хорошо, уважаемая Алев, но будьте осторожны, в Илисвурге в последние пару дней видели светлых... Это камень не в ваш прекрасный сад, уважаемая, но в свете последних известий... А причины их появления никому не ясны... Хотя их молодняку и исполнилось по пятьсот лет, но зачастую ведут они себя как парни в период взросления... бешеные и глупые! Они и раньше не отличались умом, а теперь в вынужденной изоляции и вовсе теряют здравый смысл. Старшие, конечно, пытаются их образумить. Новое потомство теперь неизвестно когда родится, вот и стараются уберечь всех.

Я кивнула, выражая свое согласие, и направилась к выходу, прислушиваясь к шороху хвостов марханов по деревянным полам. Возле двери я попрощалась с Сирином, который во время разговора был за стойкой и присматривал за торговым залом, а потом мягко улыбнулась хмурым мужчинам:

– Я темная, я светлая, я драконица, и я маг! Побратим мархуз всегда прикроет мою спину. Я зашла сюда без него, чтобы не настроить вас против себя и не добавлять лишнего напряжения. В любом другом месте он всегда рядом. У вас нет повода беспокоиться, но, если мы покажемся вместе, внимание к моей персоне увеличится. Вот тогда надо будет переживать и заботиться.

Ксион кивнул, переглянувшись с хозяином лавки, имя которого я так и не узнала.

– Ваши слова разумны, госпожа. Теперь очевидно, почему именно вас Камос выбрал курьером и ученицей.

Я, улыбнувшись, вежливо кивнула и вышла на улицу. С людьми я привыкла общаться лишь по долгу службы... на работе или в соответствующих органах. В остальном же я все время их сторонилась, живя замкнуто и все время к чему-то готовясь. Вот и сейчас я была приветлива, но держала всех на расстоянии: и тех, с кем ехала по лесам и спасалась от вампиров, и новых спутников. Исключительно в силу старой выработавшейся привычки.

Филька, стоило мне очутиться на улице, высунул морду из-за угла и приветливо махнул толстым пушистым хвостом, который я пару дней назад привела в порядок. Теперь в рюкзаке лежала не только моя расческа, но и его. Причем Филька нашел в этом занятии огромное удо-

вольствие. Воздух был насыщен доносящимся из окон домов запахом еды, ароматом цветущих садов и зелени деревьев, вонью помоев (куда ж без них) и лошадей.

Я накинула капюшон, закрепила его магически и направилась к гостинице. В главном марханы были правы: чем меньше я шатаюсь по городу, тем меньше привлекаю внимание. О своей дальнейшей судьбе смогу подумать позже, когда выполню возложенную на меня миссию. Мне больше некуда торопиться и можно просто жить своей жизнью, наслаждаясь каждым мгновением, не упуская никаких мелочей, ведь из них и состоит наша жизнь, и теперь я смогу оценить их прелесть. Да, и пора провести ревизию моего имущества, просто чтобы убедиться, что для дальнего путешествия у нас все есть.

Глава 8

На второй день, перебрав все вещи и уложив их в новый рюкзак, я решила пройтись по городу в последний раз. Чтобы просто ощутить биение его жизни и купить несколько лент для волос – в дороге они точно потребуются. Я заплела тугую косу, зафиксировала на голове капюшон, кликнула Филю, и мы отправились на прогулку по Илисбургу.

Наш выход из гостиницы вызвал у окружающих привычное любопытство, но мы уже научились не обращать на него внимание. Я лишь краем глаза следила за новыми или подозрительными личностями, но тщательно соблюдала нейтралитет, а грозный вид мархуза отбивал у любителей различных развлечений охоту искать их у меня.

Мы потолкались и поели вкусных пирогов на рынке, где торговец в шоке понаблюдал, как Филя лопаёт их, не прожевывая. Я же, словно довольная мать худосочного дитя, с умилением следила, как пироги исчезают в его бездонном желудке, и выкладывала на прилавок очередную монетку. Потом мы купили ленточек и кожаных ремешков для волос и, нагулявшись, направилась обратно в сторону гостиницы.

С удовольствием наблюдая за царящей вокруг чужой суетой, неожиданно почувствовала в груди знакомое тепло. Родственное. Это чувство ненадолго усилилось, а потом смешалось с легкой прохладой, будто морской бриз пробежался по разгоряченной солнцем коже.

Я свернула в нужный переулок, по которому можно было спокойно и быстро добраться до моего временного жилища, и буквально выскочила на поле боя. Хотя, скорее, происходящее выглядело как обычная драка. Пятеро высоких стройных мужчин в коротких плащах и с покрытыми головами отчаянно дрались с одним темным. И им был, как я успела заметить, мой дядя Дэной Штерназия. Похоже, тепло в груди предвещает его появление, но вот что означает прохлада или, точнее, кого?

Тогда я не могла объяснить себе, почему так поступила и кого спасала, выстроив между ними огненную стену. Все шестеро отпрянули, и я отметила, что по белоснежному лицу Дэной течет кровь – кто-то его задел. Он мягким движением отбросил с лица волосы, от чего мне вновь показалось, что это прирученная ночь вьется возле его головы и ластится к спине, и затем повернулся ко мне. В первое мгновение его лицо было убийственно холодным, но спустя секунду, которой ему хватило, чтобы меня рассмотреть, бесстрастная маска треснула и распалась, а сквозь нее проступили шок, боль узнавания и странное чувство надежды...

– Это невозможно... Гленсия? Ты жива?

Его зеленые глаза округлились, затем подозрительно прищурились. Целый вихрь эмоций пронесся по его лицу. Надежда вновь сменилась болью и как будто новой утратой, затем промчались печаль, раскаяние и алчущая надежда...

– Кто ты? Так похожа на... Гленсию!

Я чувствовала, как мои ноздри раздуваются от гнева. На него! На них всех! Мелькнувшие на его лице эмоции подсказали, что он тоже – возможно, косвенно – виновен в смерти моих родителей, хоть и раскаивается в этом. Но терзало меня другое чувство. Я жаждала всё

разузнать, поговорить о них и о том эльфе. Ведь, сколько себя помню, я всегда жила одна и не было рядом ни одного родного, близкого, а сейчас здесь стоял мой дядя. И я ему была явно небезразлична и интересна. Наши гляделки длились всего пару секунд, а попытки пробиться сквозь огненную преграду пятерых нападающих, применявших свою магию, заставили меня усилить заслон. В этот момент снова послышался хриловатый вопрошающий голос темного:

– Кто ты? Я должен знать!

Он с искренним восхищением взглянул на Филю, который, ошетилившись, глухо рычал, еще не зная, на кого именно нужно обратить ярость. Я уже с усилием держала стену огня, но все же язвительно спросила:

– Неужели не признали родную кровь... дядя Дэной?

Он окаменел, уставившись на меня пустым взглядом. А на самом доньшке этой пустоты плескалась боль, смешанная с радостью и легким недоверием. Это чувства отразились в его словах, когда он словно сам себе попытался пояснить:

– Мне сказали, он убил троих, но я не поверил... Ведь проклятье и... Я не хотел верить, что... он так далеко зашел в своей ненависти... что и Гленсию и... и ее дочь? Ведь мы все прокляты, а он младенца... и ради чего?

– Ну, положим, мне тогда двенадцать было, а сейчас уже двадцать семь, так что на младенца я не тяну, но, поверь, отольются этому козлу мышкины слезки...

– Козлу? Кто это такой? Какие слезки? Девочка...

– Меня зовут Алев Штерназия! Так мне сказала мать, умиравшая вместе с отцом, и знай: девочка умерла вместе с ними. А сейчас уходи. Все же те пятеро немного сильнее тебя одного, а мои ресурсы не безграничны. Они меня не тронут, а тебя вряд ли оставят в покое. И можешь не благодарить... дядя!

Дэной помрачнел, потом бросил полный ненависти, презрительный взгляд на беснующихся за огненным заслоном светлых и нерешительный – на меня. Его глаза странно сверкнули при виде черного родового кольца на моей руке. Прежде чем скрыться в переулке, он пообещал:

– Мы скоро встретимся, Алев, вторая наследница рода Штерназия, и, поверь, я докажу, как отец был неправ.

Он исчез, а у меня в ушах все звенело: «Отец». Мне сразу захотелось вернуть Дэноя обратно и не вмешиваться – пускай бы его превратили в мишень для кинжалов. Но поздно пить боржоми, когда печень приказала долго жить.

Я посмотрела на пятерку противников, плотно стоявших вдоль линии огня и пристально следивших за мной. Из-под капюшонов я различала лишь бешеные взгляды недовольных хищников, которые упустили свою добычу. Я мрачно отсалютовала им и вложила в стену огня столько энергии, сколько хватило бы, чтобы по-быстрому удрать отсюда. Свистнула Филиппу и, развернувшись, бросилась за угол. Предупреждающий рык мархуза запоздал всего на мгновение. Я со всего маху влетела в препятствие, которое при ближайшем рассмотрении оказалось мужской грудью. И к тому же словно каменной!

От удара по инерции меня отбросило назад, но стальные руки обхватили мою талию, прижимая к себе. Злобный рев Фильки усилился, но он резко замолчал, стоило одной из поддерживающих меня рук вывести странный пасс и шелкнуть пальцами. Я в крайнем замешательстве увидела, как Филя бешено закрутил глазами, слюна потекла из оскаленного рта и закапала в пыль, а мархуз неподвижно припал к земле в угрожающем движении. Я медленно подняла взгляд на посмевшегося так обойтись с моим побратимом, попутно успев осмотреть незнакомца с ног до головы.

Незнакомец, одетый в черный костюм: мягкие брюки, заправленные в сапоги, и приталенная куртка из такого же мягкого материала, но с серебряной вышивкой по воротнику-стойке и рукавам. Высокий и поджарый мужчина смотрел на меня черными глазами, сверкающими

на смуглом лице с тонкими, презрительно кривящимися в усмешке губами, прямым носом и высокими скулами. Но главной его особенностью были белые, словно осыпанные снегом брови, которые сейчас от удивления немного приподнялись. А еще у него были такие же белоснежные волосы, заплетенные в невероятно сложную длинную косу со множеством веревочек с голубыми камешками. Невероятное видение мужчины неземной красоты с волосами, напоминающими нетронутые снежные вершины под лучами солнца, которые и сверкают, и искрятся бликами. Светлый эльф!

Я от подобной красоты даже рот приоткрыла, отчего незнакомец еще сильнее ухмыльнулся, а сквозящее презрение сменилось на удовлетворение, смешанное с удивлением. Черные омуты сверкнули – мужчина тоже мной восхитился. Он поднял руку с тонкой, но крепкой кистью и недоуменно провел пальцем по красным бровям и скуле, неторопливо спустился к губам. Коснулся моей чуть более полной верхней губы, а потом его рука скользнула к моему капюшону и попыталась его снять. Не тут-то было. Теперь пришла моя очередь ухмыляться, потому что магия отлично держала капюшон, прикрывавший корону, на месте.

– Как тебя зовут, малышка?

От его хриповатого, шуршащего по моим натянутым нервам голоса волосы на руках встали дыбом, а по спине пробежали мурашки. Все еще не отойдя от прекрасного видения мужской красоты, выпалила:

– Алев! А тебя?

Его белоснежная искрящаяся бровь взметнулась, а голос наполнился легким ехидством. Словно он не поверил в то, что я не знаю, кто он.

– Девочка, из какого ты рода, раз не признала первого наследника светлых и своего будущего повелителя?

Мое восхищение мгновенно поблекло, а наружу выглянули гордость и привычный защитный сарказм:

– Так, с тобой все понятно! Красивый мужчина с кучей комплексов царя зверей и пупа земли, вокруг которого вертится весь мир.

Его лицо вытянулось, а голос стал холодным:

– Прекрасна как Дрив, но язык слишком острый и длинный. Однако эта черта мне в тебе даже понравилась. Надоела покладистость остальных, а в тебе слишком силен огонь – удивительно для нашей расы. Ты станешь великолепной любовницей и украшением моего двора.

Я мгновенно ошетилилась, а злость полыхнула кипятком по рукам. Вырвалась, отпрянула от него и, чуть склонив голову, бросила взгляд по сторонам. Так просто не уйти, тем более Филя продолжает вращать глазами, только уже тоскливо глядя на меня. Я злобно выдавила:

– Освободи моего мархуза.

– Зачем? Он не умеет себя вести. Повышает на меня голос, а я этого очень не люблю, красавица. И тебе это тоже следует усвоить... на будущее, Рыжик.

Я не сдержалась и хмыкнула от его наглости. Однако он, как и остальные, принял меня за светлую. Что ж, это его ошибка и моя удача. И я проворковала в ответ:

– Знаешь, Снежок, я себя очень люблю и твоей любовницей никогда не стану. Еще варианты будут? Ты думай быстрее, а то у меня маловато времени на пустую болтовню.

Пока говорила, судорожно пыталась решить, что делать. Магии в огненной стене надолго не хватит, еще пара минут, и все. Мне в этом городе уже успел встретиться дядя, а теперь еще и первый наследничек светлых. Судя по всему, мне, как всегда, очень сильно везет – проще было самой ложиться и помирать. Какого лешего этот светлый тут шатался, да еще в такое время, когда каждая жизнь у них на счету? Мои хаотичные мысли прервались хриповатыми предупреждающими словами наисветлейшего:

– Ты из глухого уголка, девочка? Или с головой не в порядке? Я добрый с тобой только потому, что ты мне понравилась... очень. Уверен, место моей любовницы тебя вполне удовле-

творит, как только ты узнаешь меня... поближе и получше. А взять тебя в пару я не могу, совет не одобрит такой мезальянс, как ты, надеюсь, понимаешь. Хотя я был бы не против смешать свою кровь с твоим огнем, Алев!

– То есть я тебе по статусу не подхожу да, красавчик? А в постели сгожусь?

– Ну вот, я рад, что ты начала мыслить разумно и оказалась такой догадливой. – Опять у него прозвучали мягкие обволакивающие нотки.

– Освободи Фильку, и, клянусь, сегодня он тебя не тронет.

Он наклонил белоснежную голову набок, отчего коса, побрякивая камушками, свесилась вдоль руки, и внимательно посмотрел на Фильку. А я залюбовалась его косой. Красиво-о-о... Мне, что ли, так же сделать? Уж больно камешки заманчивые.

Наследник щелкнул пальцами, нарисовав пасс, и тело Фильки обмякло. Он тут же яростно зарычал; я поймала взгляд побратима и передала мыслеобраз: «Нельзя нападать сейчас, но потом никто не помешает нам цапнуть его за пятую высокомерную точку». Филипп тут же успокоился и раздвинул пасть в предвкушающей ухмылке. Эльф еще больше нахмурился, проследив за нашими гляделками:

– Ты сливаешься с мархузом сознанием... полностью?

Я безразлично пожала плечами, а сама уже готовилась к быстрому отходу с опасных позиций. Скорее всего, этот мужчина-маг не чета мне и тем пятерым, что скоро будут здесь, а гораздо, гораздо опытней, поэтому на моей стороне лишь хитрость и скорость ног.

– Невероятная удача. Не переживай, парализующее заклинание для мархузов знают немногие, а исполнить его уж точно могут лишь единицы.

Эти сведения меня успокоили – впрочем, именно этого он и добивался, наверное, надумал подсластить горькую пилюлю.

– Назови свой род, огненная моя? Мне странно знакомо твое лицо, но, уверен, раньше я тебя никогда не видел. И вообще огненных... И это меня тревожит. Почему такое сокровище не представили двору? Возможно, если ты эсса, то совет даст добро на наш полноправный союз.

– Знаешь, я жила в таком обществе, где мужчина первым представляется женщине.

Он снова недоверчиво хмыкнул, будто принимал мои слова за игру.

– Я Делиаль Эс Севери. Теперь твоя очередь.

– Ну, моя так моя. Я Алев, просто Алев, и такой высокомерный кусок... хм-м-м... льда мне уж точно не нужен. Прощай, белоснежный, дальше нам не по пути.

Последнее я прокричала, выставив между нами стену огня, причем очень вовремя, а то этот наследник кинул в нас с Филькой свое заклинание – снова хотел заморозить, гад. Но столкновение двух стихий нарушило его планы.

Он застыл натянутой тетивой, а я уже бежала по переулку, едва заметив шарахнувшуюся парочку местных жителей. Но мое ликование было недолгим, потому что из-за угла выскочила знакомая пятерка. Я споткнулась, увидев их, и это чуть не стоило мне свободы. Ногу опалила боль – подвернула. Филька подскочил ко мне, и я прыгнула на него, вцепившись руками и ногами. Летела на нем верхом, в ушах аж ветер завывал. Я умудрилась оглянуться на остановившихся пятерых белоснежных эльфов, шокированно провожавших нас с мархузом.

За день я встретила целых семь эльфов, и среди них один темный, да еще и родственник, а другой – первый наследник светлых. Этот день точно надо запомнить. Исходя из сведений, приведенных в справочнике рас, осталось не так много разумных существ, которых я еще не видела. И все это за столь короткое время, хотя Илисбург считается одним из крупнейших, очень старых городов, а королевство Свург находится на пересечении многих торговых путей. Поэтому оно стремительно развивается и не теряет авторитета в мире Лайванос. Но, как я отметила, оценив свои впечатления, светлые эльфы не для слабых женских нервов.

Если меня не подвели глаза, один из пятерых напавших на моего дядю – родственник Делиаля, слишком они были похожи. Второй спутник тоже смуглокожий и беловолосый, а вот

остальные – чернокожие, с золотистыми волосами. Да уж, одно дело читать или слушать рассказы, другое – убедиться воочию.

Под ошеломленными взглядами горожан мы добрались до гостиницы, возле которой я слезла со своего верного «коня» и, ковыляя, направилась к себе. Здесь, к моей огромной радости, был в наличии в каждой комнате туалет и некоторое подобие душа. И хоть эта пародия на наши душевые и была со слабым напором воды и громыхающими трубами, стоять под едва теплыми струями воды, смывая с себя уличную грязь и пот, было до невозможности приятно. Это вам не в ручье плескаться. Даже Филька оценил, правда, когда я пригрозила отправить его спать на улицу.

Вымылась, вышла и начала сушить волосы, но не замедлила свистнуть коридорного мальчишку. Дала ему пару медяков и попросила отнести в лавку марханов записку, в которой написала: «Слишком много родственников жаждут общения со мной, поэтому спешу откланяться завтра на заре». И попросила принести в номер ужин. Мальчишка восторженно-опасливо посмотрел на моего побратима и, кивнув, побежал исполнять поручение.

Мы уже заканчивали ужинать, когда в дверь робко постучали. Филя, фыркнув, сообщил, что опасности за дверью нет. И действительно, там стоял запыхавшийся паренек и протягивал мне ответ. Я попросила его подождать, вскрыла конверт, запечатанный явно магическим образом.

«Пусть восточный путь будет для вас самым легким и коротким, госпожа. Мы проследим за этим».

Я облегченно выдохнула – значит, мое сопровождение уже готово отправиться. Протянула мальчишке серебряную монетку, при виде которой он просиял.

– Проследи, чтобы к утру моя кобыла Тихоня была оседлана, а на выючном Сером висели корзина с едой и мешок овса. Только проследи лично, мальчик, и не говори никому. Я люблю своих лошадок, поэтому хорошо о них позаботься. Если все сделаешь, как я прошу, получишь еще одну такую же монетку.

Он усердно закивал и убежал вприпрыжку. Бросив взгляд по сторонам, я закрыла дверь. Проверила, все ли собрано для завтрашнего путешествия, удивилась, насколько вырос в размерах мой рюкзак, и после улеглась спать. Утро вечера мудренее. А сказки никогда не лгут. В этом я убедилась на собственном опыте.

Глава 9

Рассвет едва окрасил небосвод и осветил краешек Суара, но этого вполне хватило, чтобы разбудить сонного мальчишку, прикорнувшего в деннике Тихони и Серого – коня, которого я приобрела для путешествия. Проверив еду и овес, прикрепила на Серого рюкзак, сунула парню серебрушку и под его благодарные слова выехала за ворота гостиницы. Мы мерно ехали по еще спящим улицам Илисбурга, и я в который раз восхищенно наблюдала, как красновато-розовые лучи Дрива раздвигают темные сумерки, заставляя их неохотно, плотными занавесями отступать в сторону, прятаться в узких переулках.

Нашу маленькую процессию несколько раз любопытно оглядывали первые проснувшиеся жители. А возможно, они еще и не ложились, предположила я, посмотрев на помятые бандитские лица. Но никто долго не задерживал на нас взгляд, спеша уйти по своим делам.

Мы проехали через медленно открывшиеся стражами восточные ворота и двинулись по тракту. Интересно, когда я встречу своих новых спутников? Утренняя прохлада заставила меня зябко закутаться в темно-синий плащ, который я недавно купила в одной чудесной лавке. Там же под восторженное воркование владелицы купила и другую одежду: белье, наподобие хлопкового, тонкое и очень приятное к телу, но главное, придававшее привычное ощущение защищенности, и несколько рубашек из такой же ткани.

Путешествия в одном венке из лопухов и с постоянным чувством холода мне никогда не забыть. Наученная еще горьким опытом детского дома, я болезненно относилась к своей одежде. Я ее любила, холила и лелеяла и часто была не в силах расстаться даже с испорченной тряпкой. Но сейчас, пройдя двухнедельный путь с голым задом, получила новый опыт: заикливаться на вещах бессмысленно, надо просто наслаждаться их комфортом. Вот я и ехала, покачиваясь в седле и кутаясь в свой новый, украшенный серебристой вышивкой шерстяной плащ, чувствуя тепло и комфорт, несмотря на раннюю поездку.

Пыль небольшими облачками взлетала из-под копыт моих лошадок. Филя бежал рядом, настороженно посматривая по сторонам голубыми глазами, а я наслаждалась утренней прохладой и песнями птиц, которые уже проснулись и готовились к повседневным делам.

Дорога шла мимо кромки леса и плавно уходила за поворот, после которого Илсбург исчезнет из видимости. Филя наострил уши, предупреждая: скоро мы будем не одни. Мы объехали огромный камень, город пропал из виду, и нам открылось прелюбопытное зрелище: группа сопровождающих. Я насчитала около двадцати мужчин и одну женщину с толстыми черными косами, в которые она вплела яркие ленты и завязала их симпатичными бантиками. Десятеро, включая женщину, были марханами во главе с Ксионом Радеющим за Справедливость. Все они были одеты в похожие черные кафтаны, из-под которых торчали смешные длинные юбки в мелкую складку, и увешаны разнообразным оружием. Наиболее приметным было странное оружие, эдакие миниатюрные русские косы с зачехленными острыми полотнами.

Женщина-марханка была вооружена парой длинных кинжалов и разглядывала меня и Филю с искренним любопытством, разрываясь, похоже, между двумя настолько загадочными существами.

Остальные мужчины, которые были немного выше нас с марханами, если я не ошибаюсь, были гоблинами. На лицах их с толстыми губами и глубоко посаженными темными глазками виднелись такие же, как у марханов, внушительные парные клыки. Только нос большой грушей спускался к верхней сосисочной губе, чуть ли не упираясь в нее прорезями-ноздрями. Абсолютно лысы и, ко всему прочему, с кожей темно-зеленого цвета. Этот мир прямо-таки поражает буйством красок как растительного, так и живого мира, ну и богатством фантазии сотворившего его.

В длинных мочках гоблинских больших ушей звенели многочисленные золотые колечки. Они стояли тесной группой, словно солдаты на плацу, и внимательно следили за тем, как я подъехала и спешила возле марханов.

Один из гоблинов, передернув широкими плечами, невероятно легкой пританцовывающей походкой направился к нам. Суровое выражение зеленой морды подсказало, что это командир группы наемников.

Как рассказывал Камос, гоблины живут по принципу военной демократии. Главой они выбирают самого сильного, умного и хитрого. И вся их иерархия сводится к небольшим военным звеньям или боевым группам, которые подчиняются высшим чинам, до самого главного правителя. Живут они чуть больше ста лет, семьи создают на всю жизнь, а вот домашний очаг – это временные дома-юрты на небольшом участке земли возле облюбованного города. Наемники-гоблины – одни из самых дорогих и лучших воинов среди разумных существ Лайваноса, и тот факт, что Ксион нанял их для нашего отряда, меня крайне порадовал. Целое звено гоблинов – это ОЧЕНЬ дорогое удовольствие.

Мы с гоблином подошли к Ксиону одновременно. Улыбаясь лишь глазами, я кивком поприветствовала мархана, а Ксион растер свои суховатые руки и произнес, блестя черными очами:

– Мы рады приветствовать вас, госпожа Алев! – Синие морщинки-лучики сильнее углубились, когда он радостно улыбнулся во весь клыкастый рот. – Особенно в столь ранний час.

Позвольте представить вам Юмихию, мою внучку. Она будет вам помощницей в этом тяжелом пути. Вы окажете ей честь своим согласием.

Я перевела взгляд на чистое улыбающееся лицо девушки, в котором читалась тревога – вдруг откажу. Девушки-марханки мало отличались от мужчин, лишь выглядели изящнее: черты лица были более тонкими и приятными и клыки поменьше.

Я чуть наклонила голову и с улыбкой произнесла:

– Спасибо, что позаботились о помощнице для меня, уважаемый Ксион. И мне очень приятно, Юмихия, что именно вы составите мне компанию.

Девушка расслабилась, а Ксион улыбнулся еще шире, повернулся к своему молодому спутнику-мархану и продолжил:

– Позвольте представить вам Юдера Мыслящего Разумно, он второй по силе шаман нашего свода Илисбурга и поможет мне в этом путешествии.

Юмихия бросила короткий взгляд на Юдера, и я заметила, что она им восхищена и явно питает к нему скрываемые глубокие чувства. Я улыбнулась молодому шаману и посмотрела на второго спутника Ксиона.

Им оказался Саут, который отвечал за организацию похода и безопасность всего отряда. Мархан насупленно сверлил меня взглядом из-под хмурых черных бровей, пока его представлял Ксион, и отодвинулся. Оставшихся шестерых спутников шамана представили вскользь, из вежливости. Я все сильнее удивлялась их именам.

Последним из представленных стал зеленый гоблин, который на все эти реверансы взирает молча, с легкой усмешкой. Только его длинный нос слегка подрагивал, наверное, он запоминал всех по запаху.

– А это, уважаемая Алев, командир звена Сиурей. Для столь важного мероприятия мы решили нанять их для сопровождения, – произнес Ксион.

Гоблин кивнул, а я мягко произнесла, обращаясь как бы к обоим:

– Я рада, уважаемый Ксион, что вы нашли и средства, и возможность нанять столь известных своими воинскими заслугами бойцов. Я могу быть спокойна за безопасность нашего похода. Да и за себя лично!

Сиурей приподнял безволосую надбровную дугу, всмотрелся в мое лицо, будто проверял, не иронизирую ли я. Но я ответила ему искренним взглядом, и он снова кивнул. Молча! Ксион же довольно улыбнулся, показав пожелтевшие крупные клыки, и предложил начать наконец наше путешествие. Марханы двинулись в путь, и я наконец обратила внимание на одну существенную деталь – они были без лошадей. С ними была лишь одна повозка, загруженная, скорее всего, продовольствием. Гоблины запрыгнули на низкорослых, но, судя по злобному виду, вполне боевых коней.

Сиурей ехал впереди с двумя товарищами, а рядом с ними толстым хвостом по вытоптанной земле скользил Юдер. Самое удивительное, ни один мархан не отставал от конной группы, и лишь Ксион в силу своего возраста сидел в телеге, придерживая вожжи. Я привязала Серого к задку повозки и ехала на Тихоне рядом с шаманом.

– Да-а-а! Жаль Камоса, жаль всех нас, но я рад, что ту миссию доверили именно ему. Его не зря нарекли славным именем. Пойти на столь великую жертву и привязать свою душу... отказаться от перерождения... на такое не каждый способен, в этом я уверен.

– А много магов у вас осталось, Ксион?

– Нет! К сожалению, должен признаться вам, Алев, магов не осталось совсем. Чтобы пройти обучение до конца, наших жизней не хватает, есть только шаманы, но их силы слабеют год за годом. И это в такое время...

– А чем это время отличается от других?

– Смута растет. Какая-то всеобщая непонятная смута, Алев. Наш великий Стретер – защитник марханов и покровитель драконов – давно не проявлял к нам своей благосклонности,

а ведь мы каждый год молим его об этом в день, когда Суар полные сутки остается один на небосклоне. Поговаривают, светлющая Алоис – прародительница эльфов – тоже покинула божественные чертоги. И больше не отвечает на молитвы своих детей. Зато Трехликий активно поддерживает людей и гномов, но часто играет в собственные игры.

Гномы сейчас вон как возгордились, полезли из всех щелей своего подземного царства. Люди бесконтрольно плодятся, постоянно интригуют и воюют между собой, а заодно и нас вовлекают в свои конфликты. На этой войне только гоблины выгоду и получают, увеличили стоимость всех услуг, но, слава Стретеру, они еще помнят нас сильной расой и уважают. – Потом тихо добавил, чтобы гоблины не слышали: – Вполне возможно, они тоже играют в свои игры и стараются удержать общее равновесие.

– Я думаю, каждый из нас соблюдает прежде всего свои интересы.

Ксион внимательно посмотрел на меня и спросил:

– А вот меня все же интересует, уважаемая Алев, какие интересы преследуете вы, помогая марханам? Не в обиду вам, конечно, вопрос.

Я лишь хмыкнула на его последнюю быструю оговорку, искренне сочувствуя старому мархану. Ему приходится любезничать со мной, по сути, непонятно с кем только из-за прозрачной надежды на возвращение древней реликвии и долголетия. А обещание мое довольно слабо подтверждено лишь чужим перстнем. Доверять мне полностью ему сложно, и обидеть нельзя – вдруг взбрыкну, а он несет ответственность за судьбу своего народа.

– Я честно сказала вам, уважаемый Ксион, что сейчас исполняю клятву, данную Камосу. Он выполнил два моих заветных желания, попросив за это завершить его миссию и вернуть артефакт. Наша сделка была честной, и другие марханы мне ничего не должны. Что бы ни произошло, я сделаю все, что в моих силах, и последняя миссия Всегда Идущего до Конца будет выполнена. Сердце Марханов воссияет на своем ложе в Доме Предков.

– А можно узнать, какие именно желания он выполнил?

– Он дал мне знание и открыл правду. – Я смерила чересчур любопытного старика предупреждающим взглядом.

Ксион нахмурился, обдумывая мой ответ, а я быстро сменила тему:

– Удивительна ваша скорость передвижения. Почему вы не используете для поездок лошадей?

– Ну почему же, используем. Вот такие повозки... А на лошадях мы не ездим, потому что у нас разный центр тяжести... А поперек как-то несолидно ездить будет, как вы считаете? – Он, ухмыльнувшись, взглянул на меня, я же представила эту картину и тут же согласно кивнула.

– Скажите, сколько примерно добираться до Эйнера?

– Ну, если все пройдет более-менее нормально... три недели. Но сородичи предупредили, что в Астаке сейчас неспокойно и, возможно, там назревает что-то нехорошее. Эти люди такие... кровожадные. Готовы убить за медяк, а в Астаке, по моему глубокому убеждению, слишком часто меняется власть. Может, там место проклятое? За последнюю пару сотен лет там сменилось с десятков царствующих династий. И каждая новая устраивает политический террор и чистку своих рядов, а заодно убирает тех, кто под руку попадет. Марханы там больше не селятся... слишком проблематично. Последняя династия успела перессориться с гномами и насильно изъять их золото. И, как мне кажется, гномы это так просто не оставят...

– Эти уж точно не оставят! – согласилась я, тут же вспомнив сморщенных пижонов-гномов, напоминающих помесь наших блатных воров и финансистов с Уолл-стрит.

Так мы ехали по удобному широкому тракту до самого вечера, остановившись лишь на час пообедать чуть в стороне от дороги. Нам часто встречались груженные обозы, одинокие повозки, всадники и пешие путешественники. В основном пока это были люди, но один раз мы увидели очень хорошо вооруженный отряд гоблинов, который сопровождал пару повозок

с гномами, а еще как-то мимо проскакали двое светлых, увидев которых, я пониже опустила голову. Мое нежелание показываться именно перед ними не укрылось от Ксион.

– Мне доложили, вы вчера слегка повздорили со светлыми, госпожа Алев. Что-то серьезное?

Я сверкнула глазами в сторону шамана, но возмущаться или обижаться за слезку не стала. Они следили за своим наследием, причем так, что даже Филя ничего не почувствовал.

– Вы хорошие охотники, Ксион...

– Мы не охотились, госпожа, мы присматривали. Если бы ситуация вышла из-под вашего контроля, мы бы вмешались.

– Я понимаю причины... И нет, ничего серьезного, уважаемый Ксион. Обычная история: пришлось помочь родственнику, на которого напали светлые, потом отклонить неприличное предложение и уйти не попрощавшись...

– Мне доложили, что ваш поклонник – первый...

– Это не ваше дело, уважаемый Ксион. Поверьте, я могу справиться со своими проблемами сама. Прожила же я как-то без вашей опеки двадцать семь лет?!

– Эх! Госпожа Алев, вы слишком молоды и иногда...

– Моя молодость, уважаемый Ксион, не была столь праздной и безрассудной, как вам кажется. Каждый мой день, начиная с двенадцати лет, был наполнен заботами о выживании, поэтому мой рассудок не замутнен эмоциональными всплесками, свойственными молодым.

– Прошу прощения, госпожа Алев, я не хотел вас оскорбить. Признаю, вы не вписываетесь в представления, которые у меня сложились об эльфах и их жизненном устройстве, а учитывая вашу вторую сущность... Молодых драконов выпускают из-под опеки родителей и клана лишь спустя сто лет, а вы...

– А я одиночка, Ксион. Жизнь так сложилась. Давайте больше не будем об этом. Относитесь ко мне как к мархану в возрасте двадцати семи лет.

Шаман бросил на меня скептический взгляд, а я спросила:

– А сколько лет Юмихии?

– Шестнадцать исполнилось.

Он улыбнулся, посмотрев на спину внучки, которая бодро скользила по пыльной дороге.

– А Юдеру?

– Как и вам, двадцать семь.

– Он женат, или как у вас семьи создают?

Ксион удивился, а потом осторожно ответил, недоуменно смотря на меня:

– Как у людей, Алев. Вообще, мужчина делает предложение женщине, и если она согласна, наш великий Стретер освящает этот союз. И... нет, он не женат пока.

Понятно, он всерьез подумал, что я заинтересовалась его учеником. Я чуть не захохотала, но смогла сдержаться и продолжила разговор:

– Я заметила интерес Юхимии к вашему ученику, и, как мне кажется, они прекрасно смотрятся друг с другом.

– Вы уверены?

Я только кивнула, уже сомневаясь, этично ли такое вмешательство в чужую личную жизнь. Но тоска марханки меня задела. Ксион же вновь задумчиво посмотрел на спину своей внучки и перевел взгляд на Юдера, который скользил рядом с Сиуреем. Я удовлетворенно отметила, что глаза старика в какой-то момент вспыхнули хищным азартом – старик принял решение. Похоже, внучке с дедушкой повезло больше, чем ученику с наставником... Не любишь – научим, не хочешь – заставим.

Вечер мы встретили возле костра на лесной поляне неподалеку от тракта. Долгих разговоров не вели. Поужинав, мы с Юхимией отправились спать в телегу, над которой навесили

полог, а Филька улегся снаружи, все еще обгладывая мозговую косточку крупного зверя, убитого на охоте.

Глава 10

– Удар! Еще! Выпад! Откат! Вы как улитки, обе!

Мы с Юми, испачканные в грязи, упали на землю и едва могли дышать. Сиурей, нависая над нами, жестко отчитывал:

– Сами напросились, отлынивать не позволю и поблажки вам делать не буду. Быстро встали и повторили серию ударов.

Мы в ужасе подняли на него взгляд, но вскочили и начали заново. Когда неделю назад, на второй день пути, я от нечего делать попросила командира гоблинов научить меня некоторым приемам самообороны, я уж точно не предполагала, что попаду в личный ад, а заодно и Юми прихвачу. Думала, сделаю ей одолжение, а в итоге обе теперь ровно час тихо помираем, отрабатывая удары, падения или приемы контактного боя. Но зато Юдер с большим интересом начал следить за девушкой, и это немного примирило ее с ситуацией и стало стимулом лучше тренироваться. А Филя, гад, ленивой тушкой развалившись неподалеку, догрызал очередной кусок еды, которую ему выдали хозяева. Наверное, в расчете на то, что потом он не захочет пообедать ими. Ел и ухмылялся, глядя на мои мучения! Предатель!

Наконец Сиурей подал знак об окончании тренировки и не оглядываясь пошел по своим делам, а мы как древние старушки поплелись в небольшую пристройку к дому, где располагались бани. Наш отряд остановился на отдых в Эсуне – небольшом городке, где проживал свод марханов, – и гостил в большом доме главы свода. После непродолжительного разговора с Ксионом взволнованный хозяин тенью скользил за нашим шаманом и с восхищением взирал на меня. Слово я и была ожившим Сердцем Марханов.

Нас всех устроили, помыли, накормили, и теперь, после тренировки, надо снова идти мыться. Но благодаря этим занятиям я с каждым днем чувствовала себя бодрее, увереннее и даже радостнее. Пустота во мне заполнялась, а нутро трепетало от странного предвкушения. Словно пузырьки шампанского лопались в груди, заставляя ждать чуда. Странное ощущение, но оно накапливалось.

Утром, тепло попрощавшись с хозяевами дома, наш маленький отряд двинулся дальше, а провожали нас взгляды, полные надежды и страха разочарования.

Снова передо мной бегущая вдаль утоптанная дорога, а я, уже полностью освоившись, болтаю не только с Ксионом, но и с Юдером, и с Сиуреем. Юмихия скользит рядом и изредка переглядывается с молодым марханом. Я украдкой за ними наблюдаю, радуясь. Раз своей личной жизни нет, хоть на других посмотрю. Я по-прежнему ехала на Тихоне, мерно покачиваясь в седле, Сиурей – на своем Быстром, а оба мархана двигались возле нас, не отставая и не уставая.

– Не считите за грубость, Сиурей, но меня терзает любопытство. – Я посмотрела на гоблина, который добродушно усмехнулся, блеснув клыками. – Почему вы носите в ушах кольца? Я заметила, что у многих их разное количество.

– Это напоминание каждому из нас, сколько раз хозяин колец побывал на грани жизни и смерти и сколько раз обманул смерть. Чем больше колец, тем сильнее и удачливее воин и тем дороже его услуги.

– Как у вас все интересно-о-о... – пропела я, улыбнувшись.

– Ну, не интереснее, чем ваша традиция вплетать в волосы шаури, светлая. Да и цвета высших родов тоже, на мой взгляд, смешные.

Я приоткрыла рот от любопытства и тут же вспомнила голубые камешки в косе Делиаля. Сиурей, заметив мое короткое недоумение, ничего не сказал. Я же постаралась увести разговор в другую сторону.

Чуть позже я подъехала к Ксиону и тихонько выведала у него информацию о шаури. Как он мне пояснил, цветные камешки в кожаных плетениях, которыми украшают волосы светлые эльфы, могут носить только представители высших родов. У них к фамилии прилагается приставка «эс». Все остальные вместо камешков носят приставку «эр». Только теперь я поняла, почему Делиаль интересовался моим родом и говорил про эссу.

Прошла неделя, а я все еще помнила его черные глаза и брови, словно покрытые инеем.

Снова «живые» сумерки опускались на Лайванос. А наша дружная компания довольно быстро, но без суеты устраивалась на ночлег. Пока марханы готовили нам с Юмихией небольшой походный шатер, мы под внимательным присмотром Сиурея вели тренировочный бой. Как обычно, кто бы сомневался, он вышел из себя от нашей медлительности и неповоротливости. Рыкнув, напал на нас обеих, заставляя защищаться и попросту избивая нас палкой, которую мы использовали вместо холодного оружия.

Юмихия быстро была объявлена убитой, зато меня Сиурей гонял по поляне с азартом и неистовством охотника. В какой-то момент я поняла, что мне очень нравится драться с ним. Мы словно танцевали смертельный танец. Конечно, это были только деревянные палки, но гоблин ощутимо меня своею охаживал, мотивируя к уклонению от ударов и их блокировке.

Дрался он в безрукавке, демонстрируя великолепно сложенное тело, силу, ловкость и внутреннюю страстность натуры. В конце концов ему надоело со мной валандаться, и он одним быстрым ударом выбил мое «оружие», зафиксировал мои руки на груди и прижал к себе. Я задыхалась, а он стоял словно каменный. Прошло мгновение тесного контакта, потом я мысленно тяжело вздохнула: «Эх, жаль, что зеленый и нос грушей, а такой великолепный экземпляр...

Я медленно расслабилась и выскользнула из его «объятий», повернулась к нему лицом и смущенно посмотрела в его черные, глубоко посаженные глаза. В них горел огонь, а на лице играла довольная улыбка.

– Спасибо за показательный бой!

– Спасибо за доставленное удовольствие!

Двусмысленность его ответа заставила меня приподнять брови, а потом я хмыкнула и, не выдержав блеска лукавых глаз, рассмеялась. Через секунду-другую и он стал похрюкивать, выражая свое веселье, я же захохотала еще сильнее. Только уже над собой. Вот что гормоны со мной делают. Уже на зеленого с носом-грушей и большими клыками, к тому же лысого и хрюкающего гоблина заглядываться начала. Кошмар!

Хотя за последующий вечер я с удивлением поняла, что благодаря этому бою и нашему общему веселью, сделала невероятно большой шаг к сближению со всем отрядом. Вокруг костра они расслабились, а гоблины посматривали на меня скорее как на свою. Они по-прежнему молчали, но больше не чувствовалось холода и настороженности. Сиурей сидел рядом и впервые рассказывал истории о своем народе. Радостные и грустные... Я больше узнала об этом мире, который вроде и был мне родным, но все же пока что чужим и незнакомым. Этот вечер был познавательным и странно умиротворяющим.

Юмихия сидела напротив рядом с Юдером, и они, надеясь, что никто не замечает, искоса друг на друга поглядывали. Молодой шаман словно нечаянно иногда касался своим хвостом кончика ее светло-синего, отчего та все время вздрагивала и замирала. Подкладывал в ее тарелку еды из огромного котла, который марханы везли с собой на телеге. И старался сесть поближе, словно отгораживая от соплеменников. Ей все это очень нравилось, и она, млея, не отстранялась. Ксион же довольно ухмылялся, но тщательно старался не показывать свое удовольствие.

Сиурей, чуть наклонив голову, от чего его смешной нос тоже немного сместился в сторону, заставляя меня зависнуть, спросил:

– Скажи, светлая, как случилось, что ты так многого не знаешь о своих сородичах? Косы плетешь, значит, совершеннолетняя, но красноволосая, а я таких за свои сорок лет среди светлых никогда не видал, хотя часто работал с ними по договору. С марханами путешествуешь, в их доме ночуешь и при этом доверяешь им свою безопасность. Мархуз к тому же у тебя необычный. Эти твари слишком злобные и коварные, встретишь такого – и выживешь, только если удача будет на твоей стороне... А твой ручной, и к тому же вы хорошо друг друга понимаете. Я таких, как ты, еще не встречал. Заметил, что для тебя все равны и одинаково интересны, а мир ты толком не знаешь. С таким любопытством и интересом слушаешь наши истории, задаешь вопросы, ответы на которые не знает только малышня. Странная ты, светлая!

Я сидела не двигаясь и слушала, как он искренне этому удивляется. Рассказывать ему всю правду я не считала нужным, а вот перевести разговор, используя шоковую терапию, в другое русло решила попытаться. И, судя по загоревшимся глазам Ксиона, он тоже с нетерпением ждал моего ответа, надеясь на развлечение. Я решила его не разочаровывать.

– А кто тебе сказал, Сиурей, что я светлая? – Все гоблины с недоумением уставились на меня, а я продолжила: – Я Алев Штарназия, и со светлыми меня связывает лишь четвертинка крови, доставшаяся от бабушки.

Гоблины подобрались, помрачнели и нахмурились. Только Сиурей не пошевелился, лишь, оценивая, вдумчиво смотрел на меня.

– Думаю, это не вся правда, и самое важное ты оставила при себе. Что ж, я понимаю твоё желание не выворачивать передник перед чужими, вытряхивая домашний мусор.

Я ухмыльнулась и с благодарностью за понимание открыто ему улыбнулась. Он тоже «хрюкнул», а его сородичи словно выдохнули. На поляне вновь воцарилось умиротворение.

Утром зарядил мелкий противный дождь, который вражеским диверсантом пробирался под одежду и словно холодными пальцами касался кожи. Плащ свисал с моих плеч сырой тяжелой тряпкой, прилипнув к мокрым бокам Тихони, и к вечеру я уже мелко тряслась от холода. Марханы скользили по размокшей мягкой земле, и я заметила, что к их хвостам стала прилипать грязь. А ведь уже больше недели удивлялась, как они все время находятся на земле, но при этом хвосты всегда остаются чистыми и словно натертыми до блеска. Юми с плащом на голове, который немного раздувался от встречного ветерка, сейчас была похожа на кобру, угрожающе расправившую свой жуткий капюшон и готовую к нападению.

Где-то спереди отряда протяжно свистнули, и мы ускорились, потому что свист означал скорый привал. Серые влажные сумерки и дорога, все время петлявшая между огромными, непонятно откуда взявшимися валунами, не давали возможности увидеть, что таится за очередным поворотом. Но вот перед нами открылась небольшая равнина, а дальше, в предгорьях, можно было различить город гномов, Тизиулик, через который пролегал наш путь.

У дороги стоял довольно большой трактир, двухэтажное здание, а рядом – длинные конюшни. Как я поняла, весь второй этаж занимали съемные комнаты для проезжающих путников. Сейчас, когда Дрив уже спрятался за широкую спину Суара, а тяжелые дождевые облака мешали показываться его голубоватому сиянию, трактир смотрелся мрачной темной махиной.

Мы подъехали и, спешившись, отправились внутрь, а нашими лошадьми занялись марханы Спрат и Рунк. Гоблины своих лошадей всегда устраивали сами из-за их склочного характера и нежелания подпускать к себе чужаков. Этих лошадей даже не воровали. Себе дороже.

В огромном зале трактира, между столбами, которые поддерживали свод, были расставлены столы. Туда-сюда сновало несколько девушек-людей, а заполненный лишь на треть зал вызвал у меня вздох облегчения: нашему отряду хватит места. Из-за стойки к нам вышел слегка полноватый, невысокий, но крепкий мужчина. Выяснив, сколько желающих остановиться, он очень обрадовался и предложил присесть, пока он распорядится принести нам пищу. Его слова звучали для меня чарующей мелодией.

Я устроилась спиной к огромному открытому камину, в котором вполне можно было зажарить быка, причем целиком. Почувствовала, как из-за жара открытого огня от плаща повалил пар, но снимать капюшон не торопилась. Мы всё ближе подходили к землям светлых, впрочем, как и темных эльфов, и обращать на себя лишнее внимание я не стремилась.

Я вытянула руку и, открывшись магии, поприветствовала огонь в камине. Он вспыхнул ярче и, словно довольный пес, лизнул мои пальцы. Юми округлила глаза, Юдер с Ксионом внимательно за мной наблюдали. Я же направила магию огня на себя и спутников, и мы с ним дружной компанией высушили одежду и теплом согрели замерзшие тела. У некоторых даже выступил пот, но, наверное, просто стало страшновато.

Я поблагодарила огонь, плеснув в него из фляжки Юдера крепкой настойки, от чего он вспыхнул ярче и довольно загудел, устремляясь искрами в дымоход. Столбы и удаленность нашего места от центра зала вряд ли позволили кому-нибудь подсмотреть за моими манипуляциями. Юдер произнес своим бархатным голосом:

– Уже пошла вторая неделя, а я все никак не могу к этому привыкнуть. Такое невероятное единение со стихией... Я стихийник, но ветер едва слушается меня, а вода уходит, не прощаясь.

Слова его были полны горечи, и Юми неосознанно положила синюю когтистую ладонь на его, поддерживая. Он обхватил ее пальцы, сжимая и благодаря, я же уверенно сказала:

– Камос говорил, что для обретения былой силы вашим шаманам не хватает времени ее накопить и приручить. Слишком короткая жизнь – это не твоя неудача или вина, Юдер. Как только Сердце Марханов вернется на свое ложе, все изменится. У тебя будут и время, и силы, чтобы приручить стихии и узнать истинные возможности.

Юдер с такой дикой жадой и надеждой посмотрел мне в глаза, что у меня даже защемило сердце. Все внутри перемешалось, но я твердо знала, чего хочу: чтобы эти синие нелюди жили долго и счастливо, как прежде. И его жажда магии нашла наконец свой живительный источник. Ксион тяжело вздохнул:

– Нам надо обязательно дойти и выполнить миссию. Если не для нас, то ради наших детей.

По его быстрому взгляду я поняла, что он думает о Юми и ее жизни больше, чем о своей. Ведь ему, если у нас ничего не выйдет, явно оставалось недолго. Хотя даже если все получится, как говорил Камос, то у этого старика все равно не прибавится много дополнительных лет. Может, в лучшем случае до сотни. В этот момент поймала себя на мысли, что слишком быстро привыкла к своему эльфийскому или драконьему долголетию. А ведь недавно думала, что я, как и все люди, прожила четверть жизни, и недолго осталось до старости... Как же быстро все меняется.

Нам принесли долгожданный ужин, и мы накинулись на еду. Гоблины тоже, хоть и сели отдельной группой за соседний длинный стол. Наевшись, я откинулась на спинку лавки, но вместо тепла от камина проникла освежающая прохлада, странно знакомая и словно ластящая ко мне. Расслабление и умиротворение испарились, когда предположение реактивным самолетом влетело мне в голову. Филька почувствовал мою тревогу и приподнялся, чтобы заглянуть в мои глаза. Но делиться с ним своим волнением не пришлось. В зал царственной походкой вошел Делиаль, а за ним – целый отряд светлых, в том числе и пятеро эльфов, с которыми мне пришлось помериться магическими силами.

Направившись к столам, они не сразу увидели нас с Филей. Бледный хозяин таверны, усиленно кланяясь, семенил рядом со светлыми. Сиурей, как и Ксион, отметил мою напряженную позу, а все гоблины насторожились, но не делали резких движений и продолжали ужинать. Ксион бросил предупреждающий взгляд на марханов, как раз когда Делиаль вышел из-за деревянного столба и заметил меня.

Он меня сразу узнал, и хищный блеск заиграл в его черных глазах. Рядом с ним возник его, скорее всего, брат, уж очень они были похожи. Но если сравнивать манеру держаться, уверенность в себе, накопленную годами, а возможно, и сотнями лет, взгляд и даже выражение

лиц, их разделяла большая разница в возрасте. Как недавно презрительно выразился Ксион, это был эльфийский молодняк. Я поняла, что пятеро «старых знакомых» рядом с Делиалем действительно юноши. Завидев меня, они дружно предвкушающе встрепенулись. Я же смогла внимательнее их рассмотреть. Вероятный родственник Делиаля медленно и мягко протянул, обращаясь к первому наследнику:

– Ну, что я тебе говорил?! Мы ее нашли.

Делиаль молчал, а сам пристально окинул взглядом мою компанию, соседний стол с чинно жующими гоблинами и окружающее пространство. Его спутник между тем продолжил:

– Нашли, и она ответит за все. За то, что связалась с темным, напала на представителей старшей крови и покушалась на наследников трона. И за отказ тебе, братец, тоже ответит... Хотя, может, она передумает?!

Его двусмысленные намеки меня скорее развеселили, чем обидели. Зато вожделенный взгляд Делиаля, которым он оценил мое тело, напряг сверх меры. Наследник волновал меня как женщину, но наш предыдущий разговор, его открытое пренебрежение и насмешливое превосходство не оставили меня равнодушной... и всепрощающей. Ксион забеспокоился еще сильнее, когда подошедшие воины-эльфы обступили высокородных. Телохранители. Я быстро сосчитала светлых: шестнадцать. Вместе с гоблинами нас двадцать один, и, хотя численно мы превосходим эльфов, я не знала, насколько сильна магия Делиаля. Филя рычал на эльфов, а они уважительно и пристально посматривали на него, и только Делиаль спокойно анализировал ситуацию. Родственничек его продолжал меня подначивать:

– Красавица, как будешь вину искупать? За нападение, нечестивую связь с темным, грубость своему будущему повелителю и... хозяину?

Я медленно поднялась, маршаны встали в ряд со мной. Гоблины всё еще сидели, но по их спинам я поняла: они готовы к нападению. А все из-за такой глупости – уязвленной мужской гордости. Не отпуская взгляда черных глаз наследника, спросила Ксиона:

– Насколько светлые хорошие воины?

– Одни из лучших, госпожа, а здесь личная охрана наследников... и сами наследники, – ответил мне Юдер, задвигая Юми себе за спину.

Ксион презрительно и ехидно добавил, заставив нахмуриться Делиаля и остальных:

– Последние наследники нынешнего Повелителя светлых. Гореть ему в жертвенном огне Стретера.

Выходит, я не ошиблась в своем предположении, это брат Делиаля и второй наследник. Тем более странно: что они тут оба забыли? Я озвучила свою мысль, обратившись к Делиалю:

– Зачем, а точнее, почему вы оба здесь, Снежок?

Он поморщился, бросив гневный взгляд на брата, который сначала смутился, а потом решил, что лучший способ отвлечь от себя угрозу – это напасть:

– Ты ответишь за это неуважение! Ты слишком зарываешься и...

– Может, помолчишь чуток, а? Младшенький! – Ненавижу, когда ко мне относятся с пренебрежением.

– Что ты тут делаешь в компании презренных хвостатых? – Делиаль решил присоединиться к разговору. – Так хотела убежать от меня, что даже на их общество согласилась? Поверь, я не причиню тебе вреда. Быть моей... фавориткой весьма почетно, и этого добиваются многие красавицы нашего двора. Я прощу все, что ты натворила, если сейчас при всех извинишься и подойдешь ко мне. Добровольно!

Я судорожно решала, как избежать неприятностей, а в голове билась только одна мысль, но, боже, как же не хотелось открывать такую карту... Сейчас.

– А если нет, то что?

– Тогда я подойду сам, и, поверь, никакие препятствия не спасут тебя от моего недовольства и наказания.

Его тон был холодным, как и взгляд. Он не хотел драки, но готов был на все. Ради чего?! Сомнительного удовольствия попасть в мою постель?

– Ты так сильно хочешь меня, что готов рискнуть здоровьем?

Холод из глаз не исчез, но губы расплзлись в ухмылке:

– Прости, Рыжик, но это уже дело принципа и чести, ну и удовольствия, конечно, тоже. Уверен, ты будешь для меня идеальной любовницей. Хотя в твоей крови гуляет огонь, и это обстоятельство мне тоже чрезвычайно любопытно.

Брат Делиаля терпением, как и умом, не отличался. Он вскинул руку, в которой пылал голубой сгусток, и замахнулся в нашу сторону, воскликнув:

– Довольно болтовни, она должна быть наказана...

Как в замедленной съемке я наблюдала за полетом голубого шарика. Взгляд Делиаля потемнел от ярости, но перехватить шарик он уже не успевал. Зато Юдер, вскинув руки, выставил свой заслон и отразил чужое заклинание. Шар, срикошетив, волной смел стоящий рядом длинный стол и с грохотом опрокинул лавки. Гоблины в мгновение оказались рядом с нами, выставив оружие. А телохранители светлых заслонили собой высокородных, однако не мешали им использовать магию.

Ждать дальнейшего развития ситуации я не стала. Осталась последняя попытка прекратить стычку, пока она не переросла в нечто большее. Одним движением скинула плащ, оставшись в плотных штанах, заправленных в ботинки, и синей рубаше до колен, подпоясанной красивым ремешком. Две красные косы лежали на груди. Я выставила руку с белым камнем и, толком не представляя, правильно ли делаю, выкрикнула:

– Я, Алев, Повелительница светлых, властью, данной мне священной короной и Высшими, приказываю остановиться!

Мои спутники замерли так же внезапно, как и светлые. Делиаль дернулся, будто кто-то невидимый ударил его по лицу. Остальные эльфы потрясенно вытаращились на меня. Сжав кулаки, Делиаль прохрипел:

– Откуда у тебя эти реликвии? Где Сиаларель?

– Он передал мне их лично, а затем, блеснув в небесах прахом, исчез. Но корона, как и перстень, приняли меня безоговорочно, так что, бывший первый наследник, ты в полете. А тебе, младшенький, оскорбления в мой адрес я так просто не прощу. Теперь все на колени!

Телохранители упали молча, высокородные щенки – с постными лицами, но Делиаль продолжал стоять, хотя я заметила, как ему с трудом удается противостоять магическому приказу диадемы. Я подошла к нему.

– Ну что ж, бывший первый, ты можешь постоять.

Эльф скрипнул зубами, но тут же расслабился и, завораживая блеском черных глаз, произнес:

– Ну что ж... Повелительница... Теперь для нашего законного союза нет никаких преград.

– Полагаешь? – Я усмехнулась от подобной наглости. – Мне кажется, теперь ты недостойн. Вот подумываю о твоём отце...

– Поверь, он весьма счастлив в браке с моей матерью! – Глаза наследника еще сильнее похолодели.

– Хм-м, даже ради короны не согласится?

Делиаль на секунду замешкался, а потом уверенно произнес:

– Даже ради нее. Скорее ради моей матери он от короны бы отказался!

Я задумчиво постучала по губе коготочком и, с любопытством подметив, что Делиаль пробежался по моим губам горячим взглядом, произнесла:

– Ну что ж, я рада, что на свете еще остались настоящие мужчины и любовь.

– Если позволишь... – Делиаль провел пальцами по моей косе и продолжил, соблазняя: – Я докажу тебе, что не только мой отец – настоящий мужчина. Наш брак будет выгоден не только мне, но и тебе.

– Нет, Делиаль! Мы с тобой живем по разным принципам. И мужчина мне нужен другой.

– Какой другой? И чем же тебе не подходят мои принципы? Ведь ты меня совершенно не знаешь!

– Я хочу, чтобы мой мужчина был таким: пришел, увидел, полюбил. А ты живешь по-другому: пришел, увидел, отымел, и совесть тебя отнюдь не мучает...

Сзади раздался знакомый «хрюк» Сиурея, отчего лицо Делиаля потемнело еще больше.

– Чего ты хочешь, девочка? Ты думаешь, пришла, надела корону, и ты главная? Поверь мне, легко не будет!

– Не волнуйся ты так за меня. Лучше о себе побеспокойся или вот о братике своем...

Он весь помертвел, а голос наполнился неприкрытой угрозой:

– Ты не посмеешь...

– Посмею! Очень даже. И это некоторым образом послужит мне гарантией... вашего послушания.

Делиаль окаменел и яростно произнес:

– Он молодой еще... Самый молодой среди эльфов... Последний из рожденных.

– Э-э-э, нет, поверь, не последний и не самый молодой!

Позади снова раздался «хрюк», разбавленный ехидными смешками марханов. А потом и Ксион язвительно вклинился в нашу перепалку:

– Я счастлив, что на старости лет увидел эту картину. О, Великий Стретер, благодарю тебя за это зрелище. Кучка светлых на коленях, а первый наследник проклятого Повелителя просит за своего глупого брата... И кого? Темную эльфийку с короной светлых на голове. Девчонку двадцати семи лет от роду, которая еще потаскает вас за светлейшие косы. За все, что вы натворили, и за ваше высокомерие и презрение к остальным...

Все светлые обалдело выдохнули. Черные глаза под инеем совершенно заledenели.

– Это невозможно... проклятье равно для всех эльфов...

Я трансформировала руку в лапу, миниатюрную лапу драконицы, и снисходительно похлопала Делиаля по щеке, заставив его отшатнуться:

– Все возможно, Снежок! В этом мире возможно все!

– Кто ты такая? Откуда? – прохрипел он.

А я мысленно махнула рукой на все тайны и ответила, насмешливо глядя на него:

– Я, Алев Штерназия, полукровка темной и дракона. Их брак был освящен богами и... мной. Мне немного помогли вернуться из другого мира... и послали сюда... Высшие. Причем основательно послали и надолго... А все из-за вас и ваших дурацких игр. Знаешь, бывший первый наследник, я очень устала, и мои спутники тоже, а дорога у нас длинная. А дел по горло. Тебя как зовут? – Я повернулась к младшенькому эльфу.

Он отпрянул в сторону, все еще стоя на коленях, а потом, смирившись, ответил:

– Мансель Эс Севери... Повелительница!

– О-о-о, приятно знать, что тебя все же мозгами не обделили. Так вот, Мансель, сейчас ты добровольно принесешь мне клятву верности на крови и вступишь в наши сплоченные ряды. Я так решила.

Мансель побледнел и испуганно взглянул на брата, который жестко спросил:

– Зачем тебе это надо? Я понимаю клятву... но зачем ты потащишь его с собой?

– Буду учить его терпению и вежливости, Делиаль. Ну и плюс он будет решать некоторые вопросы... Хм-м-м, связанные с вашими сородичами, если встретим их по пути. Поэтому в ваших интересах предупредить своих, чтобы нам не мешали.

Все светлые взирали на меня с яростью. Поэтому я добавила:

– Меня Высшие... послали. Теперь вот проблемой вашей рождаемости занимаюсь и долголетием марханов, поэтому в ваших интересах помочь с этим... хм-м-м, вашей Повелительнице!

Снова послышался хриплый голос Делиаля:

– Это правда? Или ты так острить?

– Какие уж тут остроты? – серьезно возразила я. – Разве с этим шутят? Нет, я заинтересована в решении столь жизненно важной проблемы. Как-никак я наполовину эльф!

В таверне было тихо, все посетители жались к стенам, хозяин в сторонке заламывал руки и, скорее всего, подсчитывал убытки от предстоящей драки. Помня наставления Камоса, остановила свой выбор на кольце с красным камнем драконов. Протянула руку и выразительно посмотрела на младшенького. Тот снова глянул на Делиаля, но старший резко кивнул, давая разрешение и словно принимая для себя лично важное решение. Младший из-за пояса вытащил кинжал и полоснул себя по пальцу, заставив меня поморщиться. Я оттопырила палец с красным камнем, а Мансель накапал на камень своей крови, говоря при этом:

– Клянусь кровью хранить верность Алев Штерназия как ее подданный. Клянусь защищать ее жизнь и честь...

– Не забудь сказать, что обманывать не будешь и говорить только правду.

Он тяжело на меня посмотрел и добавил:

– Клянусь говорить только правду Алев Штерназия и не обманывать. Клянусь своей кровью.

Камень вспыхнул изнутри кроваво-красным светом, потом словно впитал в себя кровь Манселя и потух. Мансель, еще не веря в случившееся, глухо прокомментировал:

– Клятва принята!

– Я поеду с вами!

Я перевела взгляд на Делиаля. Пожала плечами, а потом так же твердо отказала:

– Нет! Мне хватит в нашей компании и одного брата, второй мне ни к чему.

Даже не заметила, как он оказался рядом со мной, откинул стул, заморозил Филю и, впившись стальными пальцами в мои предплечья, хрипло прошипел:

– Девочка, я разменял второе тысячелетие и не позволю даже такому красивому ребенку, как ты, указывать мне, а тем более хамить. Твоя корона – фикция, реальную власть надо заслужить, а главное – удержать, а ты пока не доросла. Поэтому подумай об этом на досуге, а еще лучше – прими правильное решение и согласишься на наш брачный союз. Поверь, так будет лучше и мне, и тебе.

Я вырвалась из его хватки, одновременно с этим подняв руку, останавливая яростное желание с обеих сторон начать драку. Говорила я тихо, но очень убедительно, чтобы меня можно было понять и прочувствовать мою злость.

– Жизнь покажет, Делиаль, кто заслуживает эту корону. Я пока не решила, оставить ее себе или отдать другому. Но, если ты еще раз дотронешься до меня без разрешения, я приложу все усилия, чтобы ты об этом горько пожалел.

– И что же ты сделаешь, Рыжик? Топнешь ножкой или надуешь губки? Эта корона гарантирует лишь временное послушание и твою безопасность только от светлых. Она тебя приняла, но это не гарантирует, что ты сможешь долго быть нашей Повелительницей.

– О-о-о, зато я могу очень хорошо подумать, кому ее передать... Добровольно, иначе вы за нее друг другу глотки перегрызете. А учитывая, что с рождаемостью у вас проблемы, то... последствия можешь додумать сам, Снежок.

– Ты не сделаешь этого! – Инеевые брови нахмурились.

– Почему нет? Или ты думаешь, что своей красотой сразил меня наповал?

– Я не слепой и заметил твою реакцию, девочка. – Тонкие ноздри трепетали, раздуваясь от ярости. – И если ты будешь хорошо себя вести, то получишь меня целиком в свои загребушие лапки. Навечно!

Я хмыкнула и склонила голову набок, рассматривая его. А ведь прав, гад, он слишком красивый, но, отступив на шаг, я устало ответила:

– Я жду не тебя, Делиаль. Я жду того, кто полюбит меня, и ни одна корона мира не будет ему важна или сравнима со мной. Кто всегда будет рядом. Кто не сможет жить, если меня не станет. Для кого я – все, что ему надо от жизни.

Передо мной возникло родное лицо отца с красными волосами и желтыми глазами, в которых светилась бесконечная нежность и любовь, когда он любовался моей мамой.

– Я дала себе обет и на меньшее не соглашусь.

– Девочка, любовь надо заслужить, она не дается так просто.

Услышав его самоуверенное замечание, ответила жестче:

– Значит, ты никогда не любил, и я уж точно не твоя. И служить тебе я не буду.

– Как ты правильно заметила, жизнь покажет, но я добиваюсь всего, чего захочу.

Он протянул руку и вновь погладил мою пламенную косу длинными смуглыми пальцами. Я перехватила его ладонь. Ощутила шероховатости на пальцах и ладонях – похоже, он серьезно относится к боевой подготовке, если у него мозоли от оружия не проходят, несмотря на прекрасную регенерацию. Сильный, красивый, умный... Может, стоит подумать, прежде чем окончательно отказывать. Уверена, такие на дорогах не валяются! Но мой ответ вылетел, опередив разумные мысли:

– Смотри, состаришься, потом никому не нужен будешь!

Развернулась и отошла к своим спутникам, которые с величайшей настороженностью следили за нами. Улыбнулась, успокаивая Ксиона, и, повернув голову вполоборота, сказала:

– Делиаль, не мешай мне, это и в ваших интересах. Особенно в ваших... Мансель, можешь прощаться с товарищами, поступаешь в распоряжение к командиру звена моих телохранителей Сиурею.

Юдер тихо сказал:

– Наши комнаты в правом крыле готовы.

– Повелительница! Я прошу принять меня в вашу команду и готов принести вам клятву.

Я повернулась к эльфам. На меня уверенно смотрел один из шагнувших вперед телохранителей, но тем не менее стоявший позади первого наследника. Соблюдает этикет даже в подобной ситуации... Делиаль даже бровью не повел и молча следил за мной. И именно это подсказало или, точнее, дало ответ на вопрос, но все же я спросила:

– Зачем?

Не глядя на первого наследника, мужчина шагнул в мою сторону и опустил на одно колено:

– Я, Харель Эр Таре, личный телохранитель младшего наследника нашего Повелителя. Мой кровный долг – хранить его жизнь. Я...

– Хорошо, Харель! Мне достаточно клятвы, что ты не причинишь мне и моим спутникам вред, пока путешествуешь с нами, и не предашь.

Мы молча повторили кровавую процедуру, и я, подмигнув Сиурею, сказала:

– Командир, у тебя еще один ученик!

Сиурей быстро оценил Хареля и, качнув головой, спокойно сказал:

– Боюсь, мне самому есть чему поучиться у этого светлого...

Я уважительно взглянула на эльфа, потом на Делиаля, который теперь расслабленно наблюдал за нами. Как только я согласилась взять с собой Хареля, он заметно успокоился и смотрел снисходительно и как собственник. А я едва слышно хмыкнула. Похоже, этот будет

присматривать за нами обоими. Я уже шагнула было к лестнице, ведущей наверх, но меня на мгновение задержало пожелание Делиаля:

– Береги себя, Алев! Для меня!

Я обернулась. Высокий, красивый, с утонченным благородным лицом, белоснежными волосами, искрящимися от свечей, и горящие обещанием черные глаза. Обещанием скорой встречи, но вот вопрос – хочу ли я ее?

Глава 11

Наш дальнейший путь пролегал через холмы, изрядно утомлявшие своим однообразием и рельефом. Поэтому, когда я спешила, у меня было ощущение, что меня качает вниз-вверх, вверх-вниз. Внутри постепенно скапливалось напряжение из-за того, что я нахожусь в такой большой компании, не спускавшей с меня глаз. Филя носился по округе, но, стоило мне крикнуть, он словно призрак оказывался рядом. Из-за этого два светлых эльфа, которые теперь все время держались за моей спиной, молчаливо и опасно сверлили меня взглядом.

За последние три дня я убедилась в ответственном подходе Сиурея к его образовательным обязанностям. Особенно удивило, с каким рвением он учил младшего наследника светлых терпению и уважительному отношению. Однажды, заметив наши с Юми насмешки над упражняющимся Манселем, он заставил нас тоже включиться в тренировочный процесс, чем заслужил наши колющие взгляды вместе с мысленной руганью. Но неожиданно совместные занятия сплотили нас с высокородным эльфом. Светлый тоже обучал стрельбе из лука всех желающих, но чаще всего – меня.

Въехав на очередной холм, мы с удивлением и радостью увидели небольшой городишко, от которого, словно лучи солнца, разбегалось множество дорог. Окруженный внушительной каменной стеной, он являлся хорошо защищенной крепостью.

– Это Тизиулик, город гномов! Многие считают, и, я думаю, не без основания, что под ним начинаются подземные тоннели, ведущие в горы. Это перевалочный пункт для перевозки ценностей. Тизиулик очень хорошо охраняется, но зато он чрезвычайно спокойный и безопасный. Гномы превратили его в нейтральную зону для любых рас. Мы можем отдохнуть здесь пару дней, если вы устали, Алев! – Ксион вопросительно посмотрел на меня.

– Я лишь курьер, уважаемый Ксион. Как вы решите, так мы и сделаем. Это ваш отряд, и вы здесь главный!

Он удовлетворенно кивнул, снова бросил взгляд на лежащий между холмами город, потом оглянулся на отряд и сказал:

– Я думаю, здесь мы только переночуем. Нет смысла привлекать внимание, которое и так уже слишком сконцентрировалось вокруг нас. Впрочем, настолько разношерстная компания все равно вызовет повышенный интерес.

Я нахмурилась, чувствуя легкую вину, но захотела оправдаться:

– Вы сами знаете, в случившемся, по большому счету, моей вины нет! Я не позволю убивать родственника. Несмотря ни на что! А светлые... Мансель нам пригодится в дороге до Эйнера, а как только ваши границы останутся позади, мы пойдем своей дорогой, а они – своей.

– Я понимаю ваши мотивы, Алев, просто пятьсот лет ненависти любви к светлым не прибавляют...

– Не просто, Ксион, они за свою глупость тоже жестоко наказаны! Как только мы закончим с миссией, вам надо будет налаживать с ними отношения.

– Алев... Пока об этом рано говорить!

– А когда будет своевременно?

– Жизнь покажет, давайте сначала сделаем что должны.

Я устало пожала плечами и примирительно предложила:

– Давайте! Есть хочется и помыться. За три дня ни одной мало-мальской лужи.

– В Тизиулике есть подземные источники. Именно поэтому гномы построили здесь свой город. И поэтому он еще более неприступен. Вода внутри, тоннели имеются, и еду всегда можно подвезти. Как и напасть на врага со спины...

Мы подъезжали к городу, и я слушала истории неудачных попыток захвата Тизиулика разными расами. Но вот последняя фраза Ксион заставила меня вздрогнуть.

– Только одной расе это удалось, причем попытались они лишь ради интереса... Красным драконам. С тех пор этим крылатым разрешено посещать город в любое время и пользоваться бесплатно всем, чем захотят. Хотя на практике это касается пропитания и отдыха в тавернах. И представляю, как радуются гномы тому, что огненных тварей мало... – В этот момент Ксион, видимо, вспомнил, что я наполовину красный дракон, и, запнувшись, смутился и потемнел до черноты. Скрипнув клыками, пробормотал: – Простите, Алев! Иногда я забываюсь и... Вы не похожи ни одну из двух рас: ни эльфийка, ни дракон – совсем другая. И даже ближе к нам, поэтому я скорее думаю о вас как о молоденькой марханке, а не как о драконе или элфе.

Я хмыкнула, пожала его сухую синюю руку и мягко сказала:

– Не волнуйтесь, Ксион. Я еще сама не определилась, кто я такая.

В раскрытые ворота города мы въезжали уже в сумерках, под пристальным вниманием гномов в кожаных колетах и с внушительным арсеналом. Заплатив пошлину, Ксион по совету одного из стражей повел наш отряд вглубь города, к большой таверне, где должно было хватить места на всех нас. Улицы сужались к центру, закружались каменным лабиринтом. Цоканье копыт лошадей по каменной мостовой далеко разносилось, а шуршание хвостов марханов превратилось в странный напевный шепот. Капюшон я уже давно сняла – моя тайна уже была раскрыта и прятать корону не имело смысла, а постоянно ходить в капюшоне жарковато. Таверна, к которой мы подъехали, оказалась похожа на перевернутый глиняный горшок с узким горлышком сверху и зияла маленькими круглыми, словно иллюминаторы, окошками.

Уже по привычному распорядку часть гоблинов и марханов двинулась со мной внутрь таверны, а другая занялась лошадьми. Харель принял коня Манселя и увел его вслед за остальными, а эльф словно приклеенный пошел за мной. Войдя в зал, похожий на сотни у подобных таверн, мы окунулись в умиротворяющий мир звуков и запахов, который обещал горячую похлебку и уютную комнату с кроватью и ванной.

Сиурей шел рядом и следил за каждым присутствующим, обратившим на нас внимание. Ксион с Юдером общались со старым сморщенным гномом, хозяином, который яростно размахивал руками и брызгал слюной, – сцепились явно из-за цены. Такой своей выгоды никогда не упустит. Наконец консенсус был достигнут, гном расплылся в гостеприимной улыбке и бросился отдавать приказы многочисленным служкам. Похоже, здесь работали дети и внуки хозяина таверны – общие черты, как говорится, были налицо. Наша компания заняла целый угол огромного зала, и для нас быстро начали накрывать столы. Вскоре к нам присоединилась и вторая часть отряда.

За нами с Филей следили с особенным интересом, а он, чувствуя восхищение, вышагивал величественной походкой царя зверей, похлопывая мохнатым хвостом по бокам. Мы с побратимом как обычно сели с краю, с любопытством оглядываясь.

Мансель расположился напротив меня, изящным плавным движением откинул за спину длинную косу, украшенную веревочкой-шаури с короткими ремешками и голубыми камешками на концах. Как я выяснила, голубой – родовой цвет Эс Севери. Когда мы встретились взглядом, его высокий лоб пересекла тонкая хмурая морщинка. Я рассматривала эльфа с нескрываемым интересом.

Он был очень похож на брата и, по его словам, на отца. Ему чуть больше пятисот лет, но выглядит он двадцатилетним юношей, да и глаза сверкают как у мальчишки. Диссонанс возраста и юношеской непосредственности удивлял меня и заставлял призадуматься. Хотя я могу

это понять! Ведь он последний из рожденных, наверняка с ним носились как с писаной торбой. Вон даже родной брат помчался за «мальчишкой», который вырвался наконец из-под опеки старших, решив побаламутить с группой товарищей. А в итоге нарвались на темного, которого решили немного проучить, но темный оказался из рода Черных Штерназия, да в довесок и я вмешалась.

Самое смешное, что я еще пару дней назад поняла из разглагольствований Манселя – зря тогда вмешалась в драку. Потому как скорее спасла жизнь им, а не своему дядюшке. Зато приобрела кучу неприятностей и лишний раз убедилась в правильности поговорки: не делай добра, когда тебя не просят, – не получишь зла. Но, глубже поразмыслив над чередой случайностей и неприятностей, которые меня преследуют, я была готова согласиться с мнением Камоса, что это Высшие играют в свои игры.

Нам наконец подали еду, когда я внезапно ощутила, как меня словно кто-то коснулся, обдав жарким дыханием огня. Это чувство заставило осторожно обернуться и внимательно осмотреть зал из-под полуопущенных ресниц. Вот группа оборотней методично работает ложками и никем не интересуется. Гномы-обозники ведут за длинным столом неспешный разговор за кружкой горячительного. Пара гоблинов недалеко, не обращая ни на кого внимания, тоже ужинают. Несколько человек что-то тихо, но яростно обсуждают, тыкая пальцами и ножами в расстеленную между кружками бумагу и изредка позыркивая по сторонам.

Я вновь перевела взгляд и наконец наткнулась на хищно блеснувшие ярко-золотые глаза, принадлежавшие кому-то за небольшим столом в противоположном углу. Я вздрогнула и, замерев, провалилась в их опасную глубину, но не могла разглядеть их владельца.

Сердце, совершив невероятный скачок, ускорило бег, а я с трудом прикрыла веки, чтобы освободиться из плена. Прислушалась к бешеному стуку сердца и вновь посмотрела на обладателя невероятных глаз. И испытала настоящий шок. В одиночестве за столом сидел старик-человек, сторбленный и потрепанный жизнью. Меня буквально захлестнули разочарование и досада за свою непонятную реакцию, но, когда я снова посмотрела в его золотые глаза, опять задохнулась от потрясения. По рукам и спине пробежала толпа мурашек.

Я абстрагировалась и постаралась внимательнее его рассмотреть. Странное противоречивое впечатление от сломанного жизнью старика и диких, невероятно опасных глаз выбивало из колеи. А еще отметила, что он тоже следит за мной, не отрываясь, ловя взгляд, но бурлившие в его глазах эмоции не отражались на лице, испещренном морщинами. словно глаза жили сами по себе, отдельно от тела. Эта мысль заставила меня повернуться к Юдеру, чтобы попросить его магически взглянуть на этого старика и выяснить, может, это личина-иллюзия, – но меня отвлекли. Причем самым радикальным образом.

В зал вошли двое высоких мужчин, которые будто припечатывали шаги по каменным плитам пола, оба с огненно-рыжими волосами, правда, не такими красными, как у меня. Смуглая кожа, выдающиеся носы и пухлые, высокомерно искривленные губы, крепкие тела, облаченные в обтягивающие плотные штаны и черные свободные рубашки, застегнутые на пару пуговиц, длинные мускулистые ноги, разворот плеч – все в них просто кричало о мужественности и повышенном тестостероне. Скорее всего, братья – уж очень были похожими, даже двигались синхронно.

Они шли по проходу между столами, подыскивая подходящее место, настолько уверенные в себе, что я убедилась: здесь они не видят ни одного реального противника. Прошли мимо стола наших гоблинов, скользнув по ним оценивающими взглядами. Двинулись дальше, и вдруг я заметила, как они насторожились, взглянув на заинтересовавшего меня старика. словно заметили угрозу. Кивнули старику медленно, уважительно и через пару шагов оказались возле стола, за которым сидели все марханы, двое светлых эльфов и я.

Филя почувствовал в них врагов, и его глухое рычание заставило меня тоже встревожиться. Так агрессивно он еще ни на кого не реагировал. Хотя, как только мы вошли в эту

таверну, он нервно бил хвостом, а я расслабилась и не следила за побратимом, и только сейчас до меня дошло, что на самом деле он нервничал, а не красовался. Сильно нервничал.

Заметив меня, они будто наткнулись на стену, остановились, пристально вглядываясь и жадно вдыхая воздух. Какие странные глаза рубинового цвета с вытянутым змеиным зрачком... Понимание полыхнуло заревом пожара, я выпрямилась и нервно уставилась на них. Драконы! Красные!

Филя рычал все громче, Мансель обернулся и, заметив этих двоих и резко вздохнув, встал. За ним медленно, без резких движений поднялся Харель, и словно волна побежала за столом – так же напряженно, не спеша вставали мои спутники. Я же молча сидела под их острыми восхищенными взглядами. Так на меня никто не смотрел. Люди взирали в восхищении, но одновременно завидовали, ненавидели и опасались. Гоблины же, скорее, с любопытством, но тепло и по-дружески. Мансель с Харелем – словно я неразорвавшаяся бомба с короной на голове, хоть они и оценили красоту на словах. Марханы интересовались мной лишь как носителем их реликвии. Один только Делиаль смотрел очарованно как на женщину, но с расчетливо-холодным любопытством коллекционера. А эти красные вытаращились голодным жадным взглядом, словно я последний глоток воды, которой жизненно важно заполучить. Я внутренне, не кожей, а именно изнутри почувствовала, как нагревается помещение таверны.

Передернула плечами, один из них весь подобрался и сделал ко мне небольшой шаг, вызвав тем самым еще более громкое рычание Фили. Но мужчину это нисколько не напугало.

– Крррррасавица, из какого ты клана? – поинтересовался он раскатистым мощным басом.

Я молчала, не зная, стоит ли представляться еще и им. Уже и так половина жителей и рас Лайваноса знает, кто я и как меня зовут. С другой стороны, с красным дедулей я все равно хотела познакомиться, да и помощь его может потребоваться. Так почему бы и не назваться?

– Мой отец назвал меня Алев! А его звали Суорен Красный!

Мужчины напряглись еще сильнее, но, не сделав при этом и шагу, словно подались ко мне всем телом. Быстро взглянули на мои руки без перчаток и, заметив перстень с красным пылающим камнем, рвано вздохнули. А потом очень ласково, но все же напоминая загоняющих свою добычу борзых, сказали почти в унисон:

– Повелитель до сих пор ищет вас, Алев! Он не поверил проклятому богами темному, что погибли трое. Вы должны пойти с нами... к нему! Там вы будете в полной безопасности.

Температура в таверне увеличилась, и это ощутила не только я, но и драконы, Ксион с Юдером и светлые эльфы. Они осторожно начали осматриваться в поиске источника магического возмущения такой силы. Зато рыжие сразу поняли, кто испускает этот яростный жар, и обернулись к старику, который продолжал, наблюдая за нами, сидеть за столом в расслабленной позе, но вот глаза его пылали расплавленным золотом.

Драконы вздрогнули, неуверенно посмотрели на меня, потом снова на старика и кивнули. Я так и не поняла кому конкретно, мне или старику, но они, попрощавшись со мной одним взглядом, ретировались. Правда, судя по всему, оставили они меня в покое ненадолго. Я задумалась о произошедшем, отвлеклась всего на пару секунд, но, когда подняла глаза, старик уже исчез. Странно, очень!

Глава 12

Уже второй день, как мы покинули Тизиулик, мне казалось, что чей-то взгляд сверлит мой затылок. Я время от времени следила за небом – вдруг это те красные драконы. Но их крылья ни разу не блеснули над нами красной чешуей. Мансель нервничал и окольными путями пытался выяснить мои планы, особенно по поводу красующейся у меня на голове короны наисветлейших. Я же в ответ только хмыкала, переглядываясь с усмехающимся Ксионом.

Сумерки медленно стекали к земле по крупу Тихони. А мы, обогнув очередной холм, вышли к еще одной таверне. Только на этот раз она выглядела непрезентабельно, конюшня и вовсе покосилась. И я, и мои спутники все сильнее хмурились от вида неказистого ночлега, но это все равно лучше, чем привал под открытым небом. Мы завели лошадей под кровлю и, заплатив паре потрепанных жизнью мрачных мужчин за их кормежку и постой, отправились в дом.

В плохо проветриваемом зале, где смешались разные запахи человеческого пота и давно не мытого тела, кислого забродившего вина и пережаренного масла, наш отряд сразу привлек внимание посетителей. Особенно стал популярен Филя, который шел рядом со мной, вновь яростно молотя хвостом по своим крутым мохнатым бокам. А я пока никакой опасности не ощущала.

Заказав ужин и комнаты, мы тихо разговаривали в ожидании еды. На вопросы спутников я отвечала рассеянно и невпопад, присматриваясь к публике в поиске причины волнения Филя. Ему раньше нашего заказа принесли миску с сырым мясом, и он увлекся едой, но шерсть на загривке так и стояла дыбом, а розовый нос недовольно морщился.

Отхлебнув горячего напитка, я скривилась от пустого вкуса и горечи. Словно дрова зава-рили.

Скользила рассеянным взглядом от лица к лицу и ничего подозрительного или примечательного не находила. Но тут я заметила долговязого парня в платке, натянутом до середины лица. На нем была поношенная одежда селянина, а имел он невзрачный вид скромного молодого наемного работника, и только одно заставило меня обратить на него внимание – непередаваемо голодный, горячий взгляд неестественно золотых блестящих глаз, которые абсолютно не вязались с его простецким видом. Словно весь облик – личина, а глаза настоящие. У меня мелькнула мысль повернуться к Юдеру, который в это момент ухаживал за смущенной Юми, и попросить проверить мое предположение. К сожалению, я сама не могу распознать иллюзию, нет у меня такой способности. Но опять я не смогла вырваться из золотого плена и утопала в омуте, погружаясь все глубже и глубже, забывая обо всем и дыша, наверное, через раз.

Воздух между нами заискрился от напряжения, которое, похоже, никто не заметил, как и не почувствовал запах нагретой солнцем полыни и луговых трав. Я не знаю, есть ли похожие на Лайваносе, но я слышала именно этот аромат, который, казалось, окутал меня всю, отгородив от смердящей таверны.

Наконец вздохнула полной грудью, захлебываясь свежестью и приятным запахом, но продолжала смотреть не отрываясь, вытянувшись в струнку и не шевелясь. Я почувствовала зов... Чужая душа тянулась к моей и как будто большими, теплыми, заботливыми руками ласкала ее, приручала, звала за собой.

– Алев... Повелительница, с вами все в порядке?

Встревоженный голос Манселя и его рука на моем плече вырвали меня из золотого плена. Я сглотнула вязкую слюну и прохрипела, приходя в себя:

– Да! Да! Со мной все в порядке. Просто задумалась.

Я заморгала, а когда посмотрела в сторону загадочного парня, его там уже не было. Когда зов пропал, я неожиданно почувствовала пустоту. И снова холод и дикое одиночество заполнили сердце, несмотря на огонь, гуляющий по моим венам, находящимся вокруг людей и даже друзей. Филя положил мне на колени лохматую голову и заглянул небесными глазами в мои. Я с удовольствием нырнула в них, с головой уходя в его эмоции и чувства. Он испытывал неуверенность, волнение от чувства непонятной ему опасности, но, главное, глубокую привязанность и любовь ко мне. Я передала ему свою поддержку, «я всегда с тобой, и вместе мы справимся».

– Это невероятно, у вас настолько полное слияние с мархузом. Огромная редкость...

Мансель с искренним восхищением смотрел на нас, Харель хмыкнул, улыбнувшись глазами, а я веско заметила, строго глядя на высокородного эльфа:

– Важно научиться уважать окружающих. Относись к другим так, как хочешь, чтобы они относились к тебе, и тогда народ к тебе потянется... И животные тоже!

Харель тихо усмехнулся, а принц насупился, недовольный моим выпадом.

Позже, в комнате, я долго ворочалась, и только теплый мохнатый бок Фили помог заснуть, но и там меня преследовали золотистые глаза.

Утро встретило дождем, совсем этим не порадовав, ведь нам теперь целый день предстояло месить грязь на тракте. Вдохновляло только, что мы все ближе к нашей цели. Впереди нас ждал еще один большой город королевства Харвуг – Астак, потом мы пересечем горы и наконец попадем в Эйнере, расположенный у Древних лесов, простирающихся на многие тысячи километров, как рассказывал Ксион. Я все гадала, за каким лешим светлых понесло так далеко от родного дома, да еще и угораздило стащить чужие сокровища.

Холмы закончились неожиданно, через пару дней после того, как мы покинули ту убогую таверну. Впереди лежала равнина, испещренная огромными камнями из известняка, а на горизонте, примерно в сутках пути, виднелись высоченные горы, украшенные белыми шапками. Посреди равнины возвышался Астак, окруженный древней каменной стеной, в которой местами виднелись сколы от осад, уже покрытые пылью времен.

Мы ехали рядом с Ксионом, с неодобрением провожавшим взглядом обозы и отдельные повозки с жителями, которые с мрачными лицами уезжали из города. На пару брошенных нами вопросов ни один из возниц не ответил, лишь опускали голову или вовсе отворачивались в сторону. Мои спутники мрачнели с каждым пройденным километром.

– Что-то не так, Ксион? – озаботилась я.

– Все не так, хотя чего еще можно ожидать от Астака!

– В каком смысле?

– За последние двести лет здесь поменялось шесть правящих династий! Постоянные перевороты, поиски заговорщиков, восстания... Ощущение, что тут место плохое. Проклятое! Наших здесь тоже нет... Если бы не закончившаяся провизия и фураж для лошадей, я бы повел отряд, не заходя в город. Здесь даже в селах все подозрительные, недружелюбные... – Ксион посмотрел на меня и эльфов и закончил: – Но больше всего беспокоюсь, что здесь не любят эльфов любого цвета! Предыдущий правитель снюхался с ними и в итоге залил кровью всю площадь. Полностью вырезал семью своего соперника и всех его сподвижников. Эту казнь-расправу еще долго будут помнить, тогда даже младенцев умертвили прилюдно. Обычно-то тишком, а тут напоказ...

Меня передернуло, а Мансель небрежно пожал плечами, оправдываясь:

– Так никто же из наших не предполагал, что он уже давно с головой не дружит и темной магией увлекается... Чересчур. В тот раз темные постарались в пику нам. А в итоге мы остались крайними, а эти черноволосые снова сухими из воды вышли.

Ксион укоризненно покачал головой: неважно кто, темные или светлые – все единым миром мазаны, а Харель посоветовал:

– Повелительница, Младший Наследник, нам лучше надеть капюшоны и не светить ушами...

Я хмыкнула, услышав привычный земной сленг, но поспешила выполнить его указание. Мы молча под пристальным присмотром городской стражи проехали через арочные ворота, цокая по деревянному настилу. А потом, глухо ступая по утоптанной глиняной дороге, петляющей по узким улицам вдоль мрачных серых домов, направились к ближайшей крупной гостинице. До Илисбурга этому городу очень далеко, и на душевую в комнате я уже не рассчитывала!

Место для ночлега мы отыскали быстро, но, как только заселились, Ксион отвел меня в сторону и тихо сказал:

– Госпожа Алев, нам нельзя расслабляться, поэтому прошу вас остаться здесь со светлыми, а мы займемся провизией и фуражом. Мне очень не нравится царящая здесь атмосфера, да и во всем городе дела, похоже, не лучше...

– Понимаю ваше беспокойство, Ксион, и полностью с вами согласна. У нас и так, хм-м, на каждой остановке сплошные встречи и приключения, уж лучше давайте облегчим дальнейший путь.

Ксион удовлетворенно кивнул, прощаясь. С ним ушли четверо марханов, а отряд гоблинов заселился вокруг нас.

Я уже успела помыться в тесной лохани с еле теплой водой, постирать одежду и высушить ее своим огнем. Тщательно расчесала волосы, заплела их в одну косу и уложила бубликом на макушке. Походные штаны и рубаху сменила на платье-тунику синего цвета с вышивкой и разрезами, в которых виднелись коричневые штаны из замши. Я еще ни разу не встречала такого потрясающего качества тончайшей кожи, из которой они были. А уставшие ноги наслаждались удобными туфлями-мокасинами. Благодаря им я даже по комнате передвигалась бесшумно, ощущая себя босой. Эти две вещи я случайно купила в лавке в Тизиулике, но решила надеть только сейчас, и даже мелочи подняли настроение и притупили сосущее в груди чувство тревоги.

Филипп с трудом согласился помыть лапы в мутноватой воде, а потом потрусил к нашей кровати, недовольно сопя и всем своим видом показывая, что он голоден. Я потрепала его мягкий черный мех, помяла бока, от чего он блаженно размяк и заурчал как кот, но потом резко наострил уши и вернул себе грозный вид.

Раздался стук, и послышался голос Ксиона, который позвал меня к ужину, но попросил оставить Филю в комнате. Соблюдая меры предосторожности, я натянула легкий черный плащ и накинула капюшон. Открыла дверь и увидела мрачного старого шамана. Он молча окинул меня взглядом, развернулся и пополз к обеденному залу. В этот раз Ксион специально добился для всех комнат на первом этаже. Я бесшумно следовала за ним, рассматривая спину, обтянутую длинным темно-зеленым сюртуком.

– Держитесь все время позади меня, госпожа! И не поднимайте голову. Для вашего побратима Юдер закажет еду отдельно, вы покормите его чуть позже.

– Вы все приобрели для нашего дальнейшего пути?

– Да! Слава Стретеру! Но цены здесь баснословные и вообще...

В этот момент мы зашли в гудящий как осиный улей зал, и шаман замолчал и, лавируя, направился к нашему отряду. Вся компания была в сборе и ожидала нас, заняв несколько столов. Пока я шла, чувствовала спиной пристальный сверлящий взгляд, но как только села, неприятное чувство пропало. Мы быстро поужинали, Ксион быстро прошептал что-то на ухо Тарку, тот коротко кивнул и уполз к выходу.

– Что происходит, Ксион?

Ой, не нравится мне все это.

– В городе снова зреет заговор, все чрезвычайно напряжены, словно в ожидании бури. Не сегодня-завтра нарыв лопнет, и тогда не поздоровится всем. Особенно чужакам... коса восстания не пощадит никого, пройдет по многим шеям. Ох, не вовремя мы здесь оказались, чувствуют мои старые кости.

Снова чей-то пристальный взгляд заставил меня искать неведомого наблюдателя. Но я наткнулась только на злых, мрачных, а иногда и откровенно ненавидящих существ, впервые видевших нас, и которым мы не успели причинить вред. И это пугало до дрожи.

Почему-то я обратила внимание на широкую спину невысокого коренастого мужичка в холщовой куртке с капюшоном, который, почувствовав мой взгляд, медленно обернулся. Я увидела среднего возраста гнома, а потом уже привычно утонула в золоте его глаз. Незримая нить, протянувшаяся между нами раньше, пульсировала и утолщалась, зов усилился, и моя

душа затрепыхалась пойманной птичкой. Меня отчаянно потянуло к нему, сосущая пустота внутри усилилась до болезненного ощущения, желания ее заполнить. Очень! Я даже прикрыла слегка глаза, потому что в уголках от чувства одиночества и тоски появились слезинки. Золото наполнилось теплом и нежностью, которые даже на расстоянии согрели и утешили, словно кто-то ласково погладил мое сердце. Если такое вообще возможно ощутить...

Я пришла в себя от резкого крика – в зал ворвались люди в форме королевской стражи. Они отчаянно отбивались от нападавших, одетых кто во что горазд. Только красные повязки на плечах указывали на восставших. На мгновение возникшая в зале тишина взорвалась воплями: «Долой Касиеров! Да здравствует династия Ронисов! Всех предателей на виселицу! Долой прихлебателей Светлых! Смерть ушастым нелюдям!»

– Ну вот и все!

Я оторопело посмотрела на Ксиона, который выпалил эту фразу слегка испуганно и бросил вопрошающий взгляд на Сиурея.

– Быстро уходим через задний ход, пока они заняты.

Его хриплый голос и потемневшая до черноты кожа подсказали, как он сосредоточен. Мансель глубже надвинул на голову капюшон, схватил меня под локоть и потащил вслед за Юдером и напуганной Юми, а Харель, двигаясь практически незаметно, все время старался быть между принцем и любой возможной опасностью. По уже знакомому коридору мы пробежали мимо наших комнат, но я успела схватить свой рюкзак и свистнуть Филе.

Мы буквально выскочили в выбитую гоблинами заднюю дверь. Тарк, как оказалось, уже выводил наших лошадей, а Замун и Ох яростно отражали атаки красноповязочников. Пара гоблинов присоединилась к защитникам, остальные вскочили в седла. Моего Серого впрягли в тройку, чтобы ускорить движение телеги. Не хватало только бубенцов – стало бы похоже на русскую тройку. Раздался громкий клич, и за нами вывалилась толпа, которая, завидев прикрывавшего наш отход Манселя с упавшим капюшоном и луком в руках, победно взвыла.

Отряд ринулся по узким улицам к ближайшим воротам. Я лишь краем глаза заметила странную размытую тень, мелькнувшую над нами, но смотреть наверх времени не было. Мы убегали. Филя черным призраком неся рядом, казалось, не касаясь земли. Юми болталась у меня поперек седла – это Юдер ее закинул, когда она замешкалась.

Повозка гроыхала, распугивая встречающих и заставляя их с проклятиями вжиматься в стены. Кто-то, завидев толпу с красными повязками на руках, с криками убегал, спасаясь, но нашлись те, кто с азартом присоединялись к охоте. Впереди вскрикнули пара гоблинов и Спрат, которых достали стрелами из соседнего переулочка. Светлые выставили между нами и стенами воздушную защиту, образовав своеобразный коридор. Оказывается, они тоже неплохие маги, и мне в Илсбурге действительно повезло. Или высшие тогда постарались...

Ксион с Корином подхватили Спрата, затащили его в телегу и, хлестая лошадей, покатили дальше. Вот и ворота, но перепуганные воплями стражники начали опускать решетку, не понимая, откуда исходит угроза, и, конечно, первой их реакцией было закрыть ворота. Стрелы Хареля и Манселя тонкими иглами впились в стражников, от чего они завалились на огромный блок с цепями. Движение решетки медленно продолжалось, но мы успели проскочить. Толпа, которую захлестнула жажда убийства и насилия, вырвалась за нами. Многие мчались на лошадях королевской стражи, но их потрепанная одежда и красные повязки на руках подсказали, что стало с владельцами животных.

– Реки крови вновь залиют улицы проклятого богами города Астарта! – раздался гневный вопль Сиурея, и я начала верить словам Ксиона.

Мы подстегнули лошадей, но они не успели отдохнуть от долгого перехода, и скоро нам придется вступить в бой. Судя по отчаянным лицам моих спутников, они это тоже осознавали. Мансель перекинул на спину мешающую ему белоснежную косу, Харель поправил лук, Сиурей одной рукой теребил многочисленные золотые кольца в ушах и поджимал губы. С городских

стен в нас полетели стрелы, словно гончие, рванувшие в смертельный путь за добычей. В этот момент небо разорвал яростный рев. Задрав головы, мы обомлели.

Из-за шпиля самой высокой башни Астарта показался золотой дракон, который то взмыл вверх, махнув мощными крыльями, то немного спускался. Суар, озаренный ярко-красной короной уходящего за горизонт Дрива, освещал путь этому чудовищу, которое снова заревело так, что у меня заложило уши. Дракон завис над городской стеной, полыхнул по ней пламенем и взмахнул остроконечным хвостом, украшенным гребнем, убегавшим к самой макушке.

Стрелы на мгновение зависли и, так и не долетев до цели, стали падать, иногда задевая наших преследователей. Крики и стоны умирающих огласили округу, стена пылала огнем, а мы уносились все дальше. Вслед нам ревел золотой дракон, круживший над городом и испускавший пламя ярости.

Невероятное и страшное зрелище – сегодня я впервые вживую увидела дракона, причем золотого. Интересно, он двупостасный? Внутри от пережитого все горело и дрожало, но пока обдумать увиденное было нереально. Наш отряд уносился под защиту гор, подальше от Астарта. Через некоторое время отряду пришлось остановиться, потому что Спрату стало совсем худо, а раненые гоблины, хоть и держались в седлах, выглядели от кровопотери скорее серыми.

Я пересела в телегу, Юми вновь заскользила рядом с Юдером и держалась за его руку уже не таясь, а Тихоню Харель привязал к луке своей лошади. Мои спутники очень удивились, когда узнали, что я целительница. Марханы и гоблины благоговели, а светлые смотрели более уважительно. Тяжелораненых оказалось трое, и, вылечив всех, я судорожно жевала что-то съестное, чтобы восполнить энергию, привалившись к стенке телеги. Утомленный Спрат заснул, а гоблины почти позеленели и пересели на лошадей.

Только глубокой ночью, когда Суар решил больше не тратить свой свет на недостойных и уйти на покой, мы на скорую руку разбили лагерь на пару предрассветных часов и отключились кто где упал. В эту ночь во сне меня согревал свет золотых глаз, исчезнувших с первыми лучами Дрива. Утром, во время завтрака, ко мне подошел один из исцеленных гоблинов, уважительно кивнул, приветствуя, и неуверенно спросил:

– Госпожа, не будете ли вы так благодушны разрешить мне начертать ваше имя на новом кольце в знак удачи... для защиты на будущее?

Я удивилась, пожала плечами и согласилась. А потом с искренним удовольствием наблюдала, как гoblin вытащил из-за пазухи мешочек, а из него – золотое колечко. Он взял деревянную палочку и, расцепив ее с одной стороны, вставил в щель кольцо. Подержал его некоторое время в пламени костра, а потом вынул и быстро выдавил на нем имя. Затем опустил в свою кружку с водой и залпом выпил закипевшую воду, даже не поморщившись. Жуть! Быстро выплюнул кольцо и, проведя им по лысой зеленой голове и под грушевидным носом, вдел в одну из дырок в ухе. Надо же, заранее сделал...

Юдер, который до этого зорко следил за тем, чтобы Юми побольше ела, подкладывая ей из своей тарелки кусочки мяса, прервал мое оцепенение.

– Занятный обычай! Но по опыту знаю: во всем есть свой смысл.

Я лишь кивнула, бросив в последний раз взгляд на довольного гоблина, которого теперь обступили товарищи и поздравляли с прибавлением удачи. Сиурей стоял в сторонке, но, к моему удивлению, и он смотрел на подчиненного довольно, словно тот только что нашел для своего отряда кучу золота. Действительно занятно...

Мой рассеянный взгляд случайно поймал выражение лица Ксиона, искоса наблюдающего за внучкой и любимым учеником. Было заметно, что он уже мысленно благословил этот союз и удовлетворенно потирает ладони. А может, уже и правнуков качает на руках... Эта приятная мысль заставила меня улыбнуться, что не ускользнуло от внимания старого шамана. Он, поняв, что я догадалась, потемнел от смущения.

– Я рада за них! – сказала ему шепотом.

Ксион расслабился и, заглянув мне в глаза, тоже тихо пробормотал:

– Эта миссия – для них, чтобы мои внуки и правнуки жили долго и счастливо, а мой народ помнил о прошлых своих заслугах. Мы вырождаемся и слабеем...

– В наших силах все исправить, просто нам надо дойти!

– И мы дойдем! Сами боги нам в этом помогают. Хвала Стретеру!

– А остальным... Высшим?

– Марханы чтят только Великого Стретера, и он отвечает на наши молитвы. Хотя остальных мы тоже никогда не обижаем и не хулим, в отличие от все тех же светлых!

– Понятно-о-о...

– Пора, Дрив уже высоко, и время наше не безгранично.

Ксион, кряхтя, поднялся, и я тоже. Все же дальняя дорога выматывает даже не физически, а морально.

Посмотрела в сторону, куда лежал наш путь. Перед нами высились горы, упираясь снежными вершинами в розоватое небо, а низко нависшие облака, ярко расцвеченные Суаром и Дривом, цеплялись за пики. Ксион сказал, они называются Драконьи горы – уголья крылатых. За ними земли, ранее принадлежавшие марханам, а теперь эльфам, но ушастые в последнее время слишком потеснили своих хвостатых соседей.

Глава 13

Мы уже двое суток шли по редколесью, все выше забираясь в горы. Мне все время казалось, что за нами следят, но никаких реальных признаков этого я не нашла, да и остальные вели себя спокойно и расслабленно. Однако постоянно спиной и затылком ощущала чей-то пристальный голодный взгляд, от которого мороз пробирал по коже.

Деревья, похожие на русские елки, с короткими, толстыми стволами и тонкими голубоватыми листочками вместо иголок, обхватывали корнями глинистую каменистую почву. Дрив в Драконьих горах был нечастым гостем и окрашивал своим розовым светом лишь их вершины. Зато Суар с неизменной красной короной и голубовато-серебристым ликом занимал все небесное пространство и, казалось, наваливался на нас своей массой. Больше трех месяцев прошло с тех пор, как я появилась в этом мире, а к виду Суара привыкнуть никак не могу. И не важно, что я пережила, где нахожусь и кем являюсь. Все равно вид небосвода и двух космических тел над головой был столь непривычным, что казался кадром из какого-нибудь фантастического фильма. Сумерки в горах наступали так же резко, тьмой стекая с горных вершин и укрывая землю словно одеялом.

– Ненавижу горы! Здесь всегда промозгло и... неудобно. И все время кажется, что за мной наблюдают чьи-то глаза.

Мансель, едущий рядом со мной, поежился, бросив бдительный взгляд в небо, а потом медленно оглядел огромные валуны и деревца вокруг нас. Харель, который шел впереди, обернулся, внимательно на меня посмотрел и осторожно произнес, по привычке откинув за спину серебристую косу и открыв мне практически черное лицо и тонкий профиль:

– Вы тоже это чувствуете?

Я лишь кивнула.

– Может это кто из ваших, хм-м-м, родственников-драконов?

Я пожалала плечами и, не подумав, ляпнула:

– Да я понятия не имею. Я их никогда не видела вживую, золотой дракон, который спас нас, был первым... – В этот момент я захлопнула рот, но было уже поздно. Мансель подозрительно уставился на меня.

– Вы полукровка... дракон, но никогда их не видели? А...

– Я это обсуждать не хочу, Мансель. Так жизнь сложилась, но что-то мне подсказывает, скоро я наверстаю упущенное и познакомлюсь с ними. Главное – успеть до этого закончить свои дела...

– Госпожа, впереди речка, и мы можем остановиться возле нее.

Юдер молчал, ожидая решения. Они за время путешествия уже хорошо изучили и приняли к сведению мои привычки, в том числе страсть к купанию. Поэтому я с удовольствием согласилась.

Впереди показалась веселая горная речушка с пенными барашками на больших валунах, которые ей пришлось огибать, неся свои воды в долину. Еще большее удивление и радость охватили меня, когда я заметила, как несколько рыб, похожих на нашу форельку, выпрыгивали из воды.

– Слава Стретеру, его милость к нам бесконечна. А то я уже устала жевать вяленое или жареное мясо и кашу. А сегодня вечером у нас будет рыбка. – Юми, мечтательно сообщив о своем желании, остановилась на берегу ручья и, опустив в воду кончик синего хвоста, лениво гоняла волны.

Юдер подполз к ней, и со смешком и внутренней радостью я заметила, как сплелись в воде их хвосты. Юдер взял ладошку Юми в свою и, погладив пальцем ее тонкое синее запястье, проворковал:

– Сегодня, милая, я порадую тебя вкусной рыбкой.

– А меня? Я тоже люблю рыбку! – игриво спросила я, передразнивая его голос.

– Ну, для вас порыбачим мы с Харелем, моя Повелительница!

Мансель материализовался рядом, слишком близко, как мне показалось, прижимаясь к моей спине. Я даже неосознанно передернулась, что от него не укрылось. Он приподнял брови и ухмыльнулся, но не обиженно, а понимающе. Тихо пробормотал, чтобы слышала только я:

– Мне понятна ваша реакция, Повелительница. Мой брат, похоже, забрал твое сердце себе. И я одобряю твою верность.

Я повернула к нему голову и насмешливо парировала:

– Да ты что? Спешу тебя огорчить, но твой брат мне неинтересен. Я не мазохистка, и играть в жертву всю оставшуюся вечность меня не тянет. Да и староват он... Я, наверное, подожду, вдруг ты поумнеешь, когда подрастешь... – Харель не выдержал и хмыкнул, безуспешно пытаясь скрыть смех, а я закончила, стрельнув из-под ресниц взглядом: – Или вот на Хареля клону... Он, по крайней мере, настоящий мужчина, без всяких оговорок.

Эльф, округлив глаза, недоуменно уставился на меня, а Мансель побледнел и выдавил:

– Повелительница, Харель, конечно, настоящий воин и достойный светлый, но он эр, и совет никогда не одобрит вашего союза. Пока на тебе корона светлых!

Харель внимательно посмотрел на Манселя – похоже, его удивило, что младший принц так высоко его оценил. Я же, хоть и понимала, что меня понесло и это неправильно, остановиться уже не могла:

– Мансель, я ваша Повелительница! Истинная и выбранная самой древней реликвией светлых. Как ты думаешь, будет ли меня волновать, что там скажет ваш совет, если я решу выбрать себе мужа?! А насчет эра и эса... Харель, какой цвет шаури тебе нравится?

Ой, и что же я творю-то.

Эльф нахмурил свои серебристые брови и тихо ответил:

– Повелительница! Шаури носят только эсы, все остальные не имеют своих цветов.

Я мысленно махнула рукой. А почему бы и нет... Гулять так гулять! Воздух тут пьянит, что ли?

– И все-таки, какой цвет тебе нравится?

Харель еще больше нахмурился, а Мансель все темнел лицом и буравил меня взглядом.

– Лиловый, Повелительница!

– На этот цвет кто-нибудь еще из высокородных эсов имеет право? – Я на всякий случай решила удостовериться.

Харель только покачал головой, но в его глазах разгорелся такой пожар, что меня буквально распирало от веселья и желания сделать что-нибудь из ряда вон выходящее. И, похоже, он смог это разглядеть, впрочем, как и Мансель. Принц неуверенно смотрел то на меня, то на телохранителя, который застыл напротив натянутой тетивой.

– Это невозможно... То, что ты задумала, просто невозможно... Больше трех тысяч лет в совет не входили новые члены. Еще один цвет шаури может появиться, только если истинный Правитель изберет достойного... – Он замолчал, взглянул на мою корону и, выдохнув, закончил: – Проведет обряд наречения. Только тогда родовой цвет воссияет над очагом достойного клана.

– И что, это так сложно? Провести обряд?

Мансель уже хватал ртом воздух, словно рыба, вытщенная из воды, зато Харель осторожно произнес, как сапер над миной:

– Вы как Повелительница наградите своей кровью мой родовой перстень и наречете его Лиловым Домом. Но перед этим лично вплетете в мои волосы шаури. Если наречение пройдет успешно, кольцо окрасится в свой родовой цвет, как и полотно-герб над очагом моего клана. Тогда все узнают, что истинная Повелительница Светлых вернулась в этот мир, а мой род навечно станет высокородным. Будет признан богиней Алоис!

– Тогда Беартиль по закону светлых станет моей нареченной! – Мансель очнулся и с нажимом посмотрел на Хареля, а я, удивленно, – на него.

– Ты это о чем, младшенький?

Харель смотрел в сторону гор.

– Моя сестра Беартиль и наш второй наследник любят друг друга, но совет не дал добро на их брак. Это мезальянс!

У меня словно крылья выросли. Значит, это действительно судьба! Любовь – это святое!

– Ну так что? Где новое шаури брать будем?

Эльфы пристально на меня взглянули, все еще не веря, что я действительно хочу это проверить. Марханы и гоблины, прислушивающиеся к нашему разговору и стоявшие полукругом вокруг нас, тоже смотрели на меня, приоткрыв рты. А я вспомнила одно маленькое обстоятельство, быстро подошла к Серому и сняла с него свой рюкзак. Даже Тихоня, смиренно державшаяся рядом с мерином, удивленно покосилась на меня.

Я судорожно порылась в рюкзаке и, отыскав нужное, с радостным криком вытащила мешочек. Развязав его, осторожно достала длинную тесемку с привязанными к ней белесыми камешками, похожую на украшение Делиаля. Это я купила ему в пику, а камешки выбрала под цвет короны и кольца. Бережно распутала кожаную тесьму и повернулась к спутникам.

Вот теперь они наконец поверили в реальность моих намерений. Харель посерел от волнения, Мансель смотрел на меня с лихорадочно горящими глазами. Ксион осторожно спросил, обращаясь ко мне:

– Алев, ты уверена, что это не помешает нам... Что магия светлых не навредит тебе?

Замерев, я повернулась к Манселю и спросила, глядя ему в глаза:

– Это безопасно для меня?

– Да! Вам это не навредит.

– А это не приведет меня к каким-либо обязательствам по отношению к Харелю, его клану или еще чему-нибудь?

– Нет, Повелительница! Это... Лишь ваша добрая воля и огромная милость к роду Эр Таре.

Повернувшись к Ксиону, пожала плечами и попросила Хареля:

– Ты такой высокий... Придется тебе встать на колени, чтобы я смогла заплести косу и вставить шаури.

Харель буквально рухнул передо мной, а я поморщилась, представив каково его коленям.

– Пока заплетаю, ничего говорить не надо?

– Нет, просто представьте, что это шаури... живое и лиловое и что он весь окутан им...

– А ты откуда знаешь?

Мансель помялся, а затем смущенно ответил:

– Папа рассказывал, он присутствовал на подобной церемонии. Великий Сиаларель своей милостью облагодетельствовал род Красных и рассказал тогда об этом моему отцу. Папа также спрашивал Повелителя...

Я улыбнулась и начала расплетать серебристые косы Хареля.

– Мансель, тут работы непочатый край. Позаботься пока об ужине и ночлеге.

В итоге у меня ушло не меньше часа на плетение косы с «живым» шаури, как я себе это представляла. Потом Харель поднялся, словно под гипнозом, а я, сморщившись, уколола палец и накапала немного крови на темный тусклый камень в кольце Эр Таре. А затем, опасаясь, что может ничего не получится, громко и торжественно произнесла:

– Нарекаю Эр Таре высокородным Лиловым Домом Эс Таре! С сегодняшнего дня, и да будет так вечно! – немного пафоса не повредит.

Ого, как они все остолбенело следили за нами с Харелем! Мгновение ничего не происходило, и эльф так и стоял с протянутой рукой и окаменевшим лицом. Затем я почувствовала, как потеплели мои корона и перстень, затем кровь, шипя, медленно впиталась в кольцо, и камень засиял чистым, искрящимся лиловым цветом. Искорки разбежались от него сначала по тыльной стороне его ладони, потом распространились по всему телу, добрались до серебристой косы и словно голодные набросились на белесые камешки, окрашивая их в лиловый цвет. Последний камешек в шаури вспыхнул и погас, и тишину нарушил восторженный вздох, а потом взорвал счастливый вопль Манселя.

– Беартиль моя! Отныне только моя! И никто не смеет мне в этом помешать!

Кто о чем, нет чтобы сначала поздравить верного телохранителя. Все-таки младшенький он еще.

«Отныне Эс Таре» вновь медленно опустился передо мной на колени:

– Лиловый дом Эс Таре никогда не забудет вашей милости и всегда будет на вашей стороне, Повелительница.

Он взял мою ладонь в сильные черные руки и поцеловал ее, невольно вызвав этим в моем теле дрожь. Похоже, с целомудрием я затанула... Эльф так же медленно поднялся, отряхнул колени и добавил уже наставительным тоном, как ни в чем не бывало:

– Но советую такими милостями больше не разбрасываться! И не одаривать кого ни попадя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.